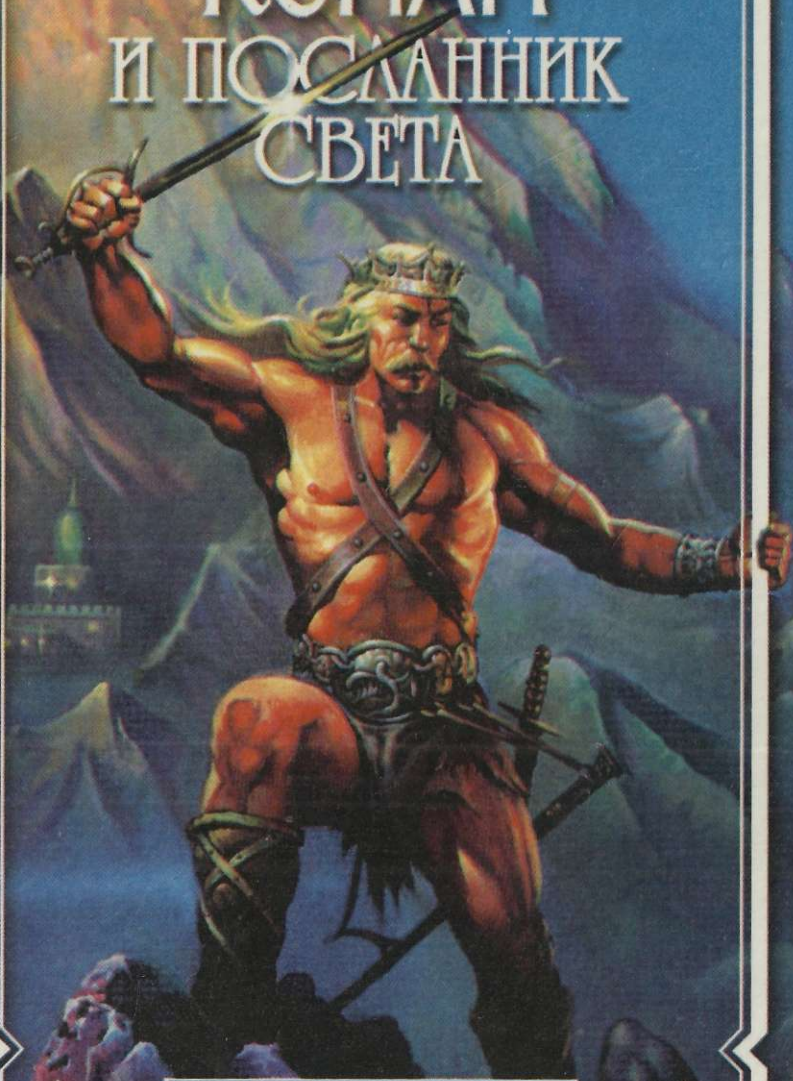
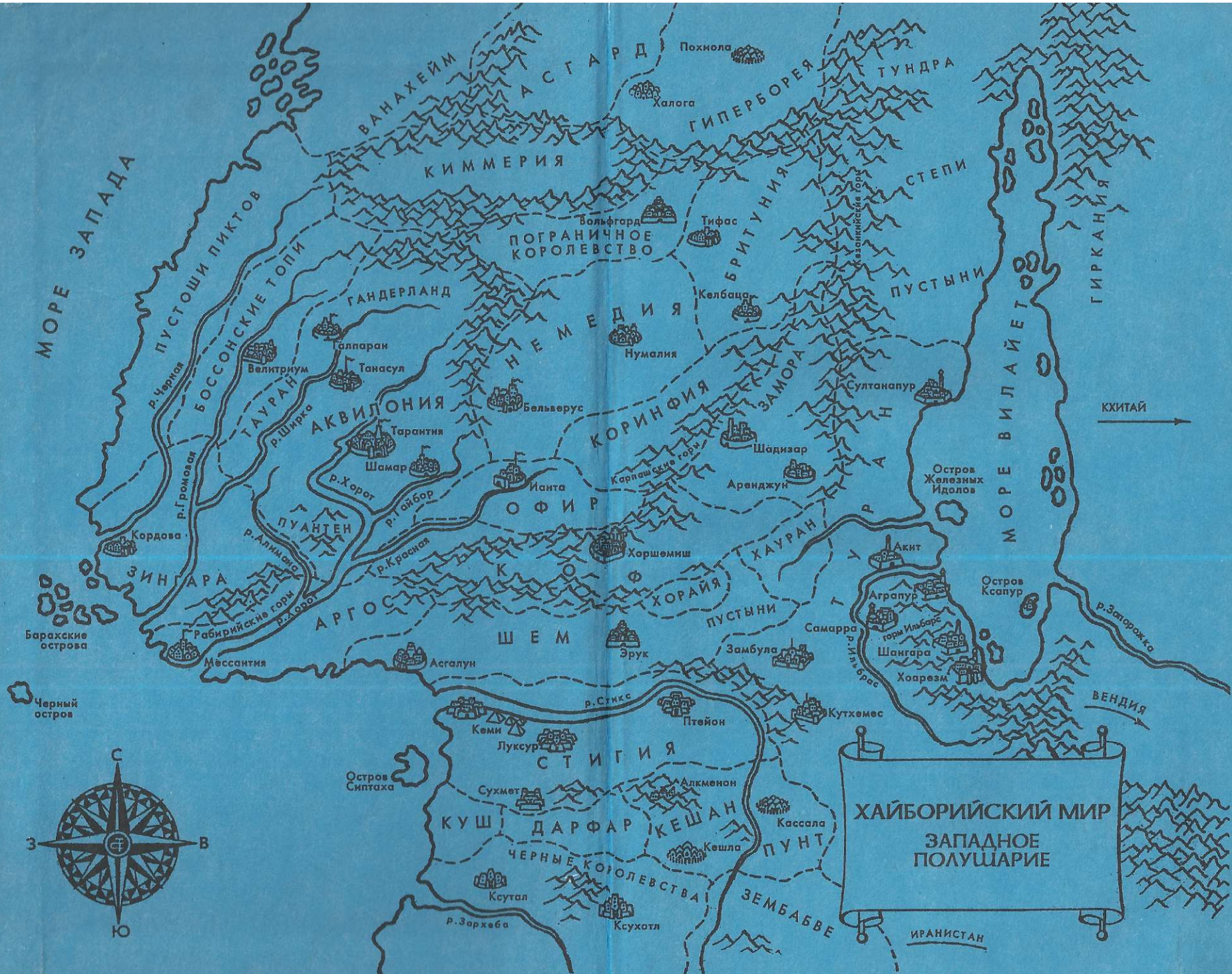

КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА

Северо-Знаг®

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

Серия основана в 1992 году

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

К64 Конан и Посланник Света: Романы.— СПб.:
Северо-Запад, 1999. — 432 с.

ISBN 5-87365-064-0

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, обложка, 1990
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ISBN 5-87365-064-0

Пролог

Видя за резным столиком у зеркала, принцесса Афризия расчесывала волосы, мягко струившиеся золотыми ручейками между частыми зубчиками костяного гребня, и тихонько напевала грустную песенку. Сейчас девушку ничего не радовало: ни окружающая ее сказочная роскошь, ни пение птиц и благоухание цветов, ни даже предмет ее особой гордости — великолепные мягкие волосы теплого золотистого цвета, столь редко встречавшегося среди черноволосых шемитов.

Роскоши Афризия была обязана горячо любимому отцу — могучему и удачливому королю Киросу Фараху, который ничего не жалел для своих дочек. Одно только хрустальное зеркало в человеческий рост, некогда принадлежавшее великому волшебнику Андурану, стоило властителю Фараху годового урожая знаменитых на всю Хайборию дворцовых виноградников. Внешность же досталась ей от матери-немедийки — королевы

Деметрии, на которую, по словам знавших ее людей, они с Ниенной были очень похожи.

При воспоминании о матери по нежной смуглой щеке принцессы скатилась слезинка: королева Деметрия погибла пятнадцать лет назад во время нападения своры колдунов Золотого Павлина, защищая своих детей от пробравшихся во дворец сабателей. Погибла, оставив безутешного Фараха и двух дочерей — четырехлетнюю Афризию и полуторагодовалую Ниенну.

Презрев шемитские традиции, король так больше и не женился, посвятив себя государственным делам и воспитанию дочек.

Надо сказать, что за прошедшие со дня смерти Деметрии годы Кирос стал одним из самых сильных и богатых королевств Шема и при желании мог бросить вызов Пелиштии, которая с каждым новым правителем теряла былые силу и славу. Из двух же маленьких хорошеньких девчушек выросли принцессы, красота которых сводила мужчин с ума.

Вот уже пять лет Фараха осаждали свадебные посольства шемитских королей. И если бы только шемитских! Взглянуть на принцесс, естественно, не открывая своей истинной цели, соизволил сам великий правитель Турана Джамаль, отец трех принцев-лоботрясов.

Именно предстоящая свадьба и была причиной горестей Афризии. Фарах, желавший упрочить свое королевство, решил породниться с правящим домом соседней Гхазы. Что ослепило мудрого правителя — оставалось загадкой, но Фарах был совер-

шенно очарован сыном гхазского короля Арама-за принцем Зебубом.

Новые слезинки разбились мельчайшими брызгами о полированный хрусталь драгоценного зеркала, которое неожиданно замерцало, но ослепленная горем принцесса ничего не заметила. Афризия вспомнила состоявшийся двумя днями ранее разговор с отцом.

* * *

Прекрасное летнее утро было наполнено благоуханием цветов в королевском розарии и сладкозвучным пением соловьев в садах, окружавших дворец. Свободные от человеческих забот и печалей певцы приветствовали наступление нового дня.

— О свет очей моих, главная драгоценность моей короны,— начал Фарах, войдя в покои Афризии.— Пришло время поговорить с тобой не только как с моей любимой дочерью, но и как с наследной принцессой Кироса.

От этих слов у Афризии екнуло сердце.

— Моя златовласая красавица, ты должна понимать, что я уже далеко не молод и груз государственных забот, лежащих на моих согбенных плечах тяжким бременем, гнетет меня все больше и больше...

Принцесса хихикнула, услышав, как крепкий Фарах, которому еще не исполнилось и сорока пяти, говорит о своей немощи.

— А кто вчера первым нагнал оленя на охоте, а вечером победил в этой дурацкой игре «Тигр

идет» начальника дворцовой стражи почтенного Рамазана? — засмеялась Афризия. — Из уважения к твоим сединам я уж не стану упоминать о том, что вы учинили после с моим учителем Аэцием на женской половине дворца!

— Хм... — Фарах погладил густую бороду и подмигнул принцессе. — Спору нет, твой отец еще полон жизни. Но вернемся к нашему разговору. — Он посерьезнел. — Дочь моя, ты прекрасно понимаешь, что королевства без короля не бывает. Я не устаю возносить хвалу Великой Иштар, пославшей мне красавиц дочерей. Но кто займет трон Кироса, случись что со мной? Когда ты отказалась выйти замуж за принца Мурада, младшего сына великого Джамала, умолявшего тебя уехать с ним в Аграпур, разве я не поддержал твоё решение? Когда ты отвергла сказочные предложения прыщавых принцев Нипра и Эрука, разве я не усмехался довольно в бороду? Когда ты разбила мою любимую немедийскую амфору о голову слизняка Акхиром, разве я сказал хоть одно слово в укор?

Он рассмеялся и крепко обнял дочку. Затем, не снимая рук с плеч Афризии, отстранился и продолжил:

— Не такой судьбы я желаю для тебя. Здесь твоя родина, здесь могила твоей матери и моей жены. — На скулах Фараха заиграли желваки, а глаза наполнились так и не рассеявшейся со временем тоской. Афризия ласково погладила его по руке. — Я знаю, твоя судьба связана с судьбой этой страны... Но тебе не хуже меня известен закон. Сидеть на троне Кироса должен только мужчина.

— Отец, но...

— Никаких «но», Афризия. Мне лучше, чем кому-либо другому, ведомы твои достоинства. Да, я согласен с пройдохой Аэцием, что у тебя потрясающая деловая хватка и государственный ум. Так же думает и Абдул аль Назиз, достопочтенный глава торгового дома Кироса, который прислушивается к твоим советам... Но даже ради тебя я не стану нарушать обычаи, рискуя ввергнуть страну в пучину междоусобицы! Посмотри, что творится у прогневавших небеса пелиштийцев. Я уверен, старый дурак Акхиром не продержится дольше одной луны, и помоги им Птеор, чтобы власть в стране наконец взял достойный и мудрый муж. Разве подобной судьбы я желаю Киросу, за который болею всем сердцем? И, хочешь ты или нет, править страной после меня будет твой муж. Да будет так!

— Отец, да разве я спорю с тобой? Ты, конечно же, прав. Но я не вижу себе достойной пары!

— Не преувеличивай, — подмигнул дочке Фарах. — Неужели я не замечаю, какие пылкие взоры кидает на тебя принц Зебуб? И дело не только в том, что он единственный наследник моего старого друга короля Гхазы. Принц вообще достойный во всех отношениях молодой человек. Многие ли из его сверстников могут похвастаться столь прекрасным образованием и манерами, не говоря уж о располагающей внешности? Кроме того, этот союз призван укрепить оба наших государства. Стоит нам заключить его, и даже наглые туранцы крепко подумают, кидать ли им свои алчные взоры в сторону шемитских границ.

— Да ты сам не понимаешь, о чем говоришь! Я терпеть не могу этого прохвоста с душой шакала. Неужели ты не видишь, что его манеры — всего лишь маска, за которой скрывается черная душа? Что с тобой происходит?

— Милая моя, не спорь, все уже решено. Лучше принца Зебуба тебе не найти. Через день-другой в Кирос прибывает свадебное посольство из Гхазы. После ритуального очищения, что продлится около двух седмиц, и необходимых приготовлений играем свадьбу.

— Но я его не люблю! — в отчаянии воскликнула Аффризия. — Вспомни, ты же сам женился на маме по любви...

Фарах скрипнул зубами, лицо его потемнело, но он промолчал и, больше не обращая внимания на протесты принцессы, покинул ее покои. Аффризия разрыдалась: с ее отцом происходило что-то странное, словно проклятый Зебуб его околдовал.

* * *

Как и говорил Фарах, в Киросе ожидали свадебное посольство из Гхазы. Его возглавлял сам король Арамаз. Этот убежденный сединами государственный муж чем-то походил на Фараха — такой же кряжистый и горбоносый. И хотя Гхаза была куда беднее Кироса, Арамаз правил своим государством намного лучше многих шемитских владык, а его армия по праву считалась не менее искусной, хотя и не такой мощной, как у его соседа.

В отличие от его сына Арамаз нравился Аффризии с детства. Более того, грозный воин и суровый прави-

тель тоже питал к сестрам очевидную слабость, и благодаря его щедрости Аффризия с Ниенной владели одними из лучших скакунов по эту сторону Хорота.

Но на этот раз принцессы не радовались приезду Арамаза. Ниенна полностью разделяла мнение Аффризии о Зебубе и от всей души сочувствовала ей — больше ничем сестре она помочь не могла.

После того как король Кироса официально принял свадебное предложение короля Гхазы и уведомил об этом дочь, принцесса удалилась в свои покои, где отныне ей предписывалось в течение двух седмиц заниматься ритуальным очищением: именно столько времени Иштар боролась с насылаемыми Сетом мороками перед свадьбой с Птеором. С этого дня с несчастной Аффризией имели право общаться лишь родственники да жрецы Владыки Неба Птеора и Иштар Луноликой.

Под окнами и у дверей покоев принцессы поставили лучших воинов отряда Диких Барсов, мимо которых не проскочил бы и шмель. Пусть Рамазан, бывший, кстати, одним из посвященных высокого ранга Птеора, и любил на досуге выпить винца, но многие из королей Шема пытались переманить и его, и Барсов к себе на службу.

Впадавшая то в ярость, то в тоску Аффризия с утра разогнала жриц Иштар. Ниенна же занималась с Аэцием немедийским языком, и теперь никто не мешал девушке, сидевшей в одиночестве перед зеркалом, предаваться мечтам, которым предаются все без исключения молодые красавицы, выдаваемые замуж насильно.

— О, если бы явился прекрасный принц и избавил меня от проклятого Зебуба! Я не хочу выходить замуж за эту мерзкую жабу! — в сердцах воскликнула Афризия.

Сейчас непокорной принцессе больше всего хотелось оказаться как можно дальше от дворца. Птеор Солнцеликий, вот бы сейчас плыть среди облаков в легендарном летающем замке Андурана Бенкизер! Но, увы, такие чудеса случаются лишь в детских сказках, а она уже слишком взрослая, чтобы верить в них...

Вдруг принцесса услышала хрустальный тоненький перезвон, наполнявший комнату. Вмиг, подбравшись, словно дикая кошка, такая же грациозная и такая же опасная, Афризия вскочила со стула. Подняв голову, девушка удивилась, что больше не видит в зеркале своего отражения, но не успела даже набрать в грудь воздуха, чтобы закричать, призывая на помощь стражу, как полированный хрусталь подернулся рябью, из зеркала появились две крепкие мужские руки, обхватили ее за плечи и рванули в пустоту. Афризия смогла только сдавленно вскрикнуть и вцепиться зубами в руку неведомого врага.

Но и этого слабого шума хватило знающим свое дело воинам, чтобы, отомкнув бронзовые створки дверей, ворваться в покои принцессы. Они были готовы в мгновение ока отразить любую опасность, грозившую обожаемой Афризии, но, к их непередаваемому удивлению, покои оказались совершенно пусты. Взорам доблестных Барсов предстали лишь опрокинутое кресло да перекатывавшийся по мраморному полу золотой кубок.

Глава первая

того дня как Конан и составившая ему компанию Руфия, бывшая возлюбленная безумного Акхиромы, покинули залитый кровью Асгалун, минула не одна седмица. За это время спутники покрыли не одну сотню лиг: Конан безжалостно погонял лошадей, торопясь как можно дальше убраться не только от столицы Пелиштии, но и вообще от побережья Западного моря.

Киммериец прекрасно понимал, что его служба наемника в этих местах подошла к концу: слишком многие имели на него зуб. За возможность украсить стены своих дворцов головой Конана правители и Акхари, и Анакии, не раздумывая, заплатили бы ее вес золотом любому, кто смог бы принести ее.

Несмотря на грозную славу варвара, нашлось бы немало головорезов, готовых рискнуть за такие деньги. Кроме шемитских владык то же совершенно непонятное Конану желание отделить его драгоценную голову от тела, причем как можно бо-

лезненнее, имели недобитые Маздаком остатки кушитских войск.

И наконец, оставшаяся в живых стигийская ведьма Зерити, питавшая лютую ненависть к рыжеволосой красавице, наверняка уже распустила слух, что вывезший из Асгалуна Руфию воин — не кто иной, как ужасный предводитель пиратов Амра. Пожалуй, единственное, что объединяло купцов и знать прибрежных районов Шема, Куша и Стигии, так это страх перед этим бесстрашным и удачливым корсаром. Конан довольно оскалился, вспоминая годы, проведенные им на борту «Тигрицы».

Понимая, что пришло время сменить обстановку, варвар решил перебраться на восток. Что же, пора приключений на Черном континенте миновала, горечь утраты прекрасной Белит сгладилась самым великим из всех утешителей — Временем, а впереди его ждали неизведанные страны и не пережитые еще приключения. Он был уверен в своей судьбе и с легким сердцем направлялся в Коф, уже предвкушая, как покорит его. Печали в жизнелюбивом киммерийце не было ни капельки.

То, что их с Руфией дороги совпадали, оказалось весьма кстати. У рыжеволосой красавицы в Кофе жили не то богатые родственники, не то весьма состоятельный покровитель. Северянин отнюдь не собирался связываться с этой — да и любой другой — женщиной надолго. Но пока он ничего не имел против ее общества, которое обещало сделать путь весьма приятным.

Ехать прямо по торговому тракту Конан не собирался: его многочисленным недоброжелателям

вполне по силам было устроить на нем засаду. Поэтому пришлось сделать солидный крюк, чтобы как можно дальше объехать Анакию. Не без приключений парочка обогнула безлюдные отроги Линбанских гор, а затем, выбравшись на Великий Торговый Путь, связывающий все крупные города Шема и ведущий из Аргоса в Туран, присоединилась к купеческому каравану.

* * *

За первые три дня пути через предгорья они лишь пару раз встречали пастухов, у которых разжились кое-какой провизией. И хотя они торопились, Конан не упускал случая насладиться прелестями своей спутницы. Надо сказать, что и Руфия проявляла к любовным утехам большой интерес, выказав, к огромному удовольствию киммерийца, немалые познания в искусстве ублажения мужчин. Кстати, одно из таких бурных «сражений», устроенных ими на очередном привале (а надо сказать, что таких привалов за день случалось не менее трех), завершилось весьма неожиданно.

— Ты просто ненасытный зверь, — нежно промурлыкала Руфия, покусывая за ухо любовника. — Не по этой ли причине тебя нарекли Амрой-Львом? Варвар довольно ухмыльнулся:

— Клянусь Кромом, женщина, тебе наконец-то повезло с мужчиной! Маздак, конечно, крепкий малый, но он гирканец. А что же тогда говорить о шемитах? Нет, милая, даже самый слабый из нас, северян, стоит двух южан в постели и уж не меньше трех в бою...

— ...Четырех за столом и пяти хвастунов! — игриво засмеялась Руфия.

Конан расхохотался и, сжав тяжелые груди Руфии, вновь повалил ее на траву.

— Ты только посмотри на этих голубков, Кривой! Клянусь правым зубом Сета, он сейчас размажет ее по земле, — неожиданно нарушил лесную тишину грубый голос.

— Не бойся, Репей. Всем хватит! Кобылка-то сильна! — ответил ему не менее гнусный голос.

Раздался неприятный смех еще нескольких мужчин.

— Похоже, это за них стигийская сука обещала отвалить целую меру золота. Я же тебе говорил, что сумею их выследить, — с гордостью заявил тот, кого называли Репьем.

— Но она вовсе не запрещала нам попользоваться этой овечкой. Вы гляньте, ребята, какая она ладная да крепенькая, — сказал кто-то еще. — С нее не убудет. Чего ж такой красоте попусту пропадать? Все равно ведьма ее кончит. Так что рыженькой все равно, а нам приятно!

— Ведьма ничего не говорила и о том, что этот верзила ей нужен в целости и сохранности, — бросил один из наемников, и его слова вызвали очередной взрыв бесстыдного хохота. — Только бы не попортить его основательно, если он сдуру сопротивляться начнет. Слышь, здоровый, — обратился он к Конану, — ты смотри не рыпайся, мы тогда тебя бить не очень сильно будем!

Конан, не отпуская Руфию, обернулся. Его лицо побагровело от ярости, но он ничего не ответил.

На лесной опушке, собравшись тесной группой вокруг их расседланных лошадей, стояли семеро здоровенных, до зубов вооруженных мужчин. По их потрепанному виду, разномастному вооружению и шакальему блеску злобных глаз Конан догадался, с кем столкнула его судьба. Это были наемники-отщепенцы, которых за трусость и всевозможные провинности изгнали из регулярных отрядов.

Никогда не знавший, что такое страх, киммериец не боялся и сейчас, считая трусость чем-то вроде неприличной болезни. Его лишь удивило, что его верная боевая лошадь спокойно подпустила к себе чужаков, даже не предупредив хозяина ржанием.

Словно прочитав его мысли, самый здоровый из негодяев, явно их предводитель, услужливо пояснил:

— Наш Репей тот еще колдун, пират. Ты думаешь, почему его Репьем кличут? Потому что он с колючками, что ли? — Плоскую шутку одноглазого шайка встретила дружным хохотом. — Как бы не так! Впрочем, и колючка у него есть. — Кривой мерзко осклабился и подмигнул Руфии. — Потерпи, детка, скоро ты с ней познакомишься... Уж коли ему опишут человека, какого кому поймать надобно, так уж он вцепится в него не хуже настоящего репья, — отсмеявшись, продолжил Кривой. — Да и животных заговаривать у него ловко получается.

Это был один из тех отъявленных негодяев, которым доставляет удовольствие отчаянное по-

ложение их беззащитных жертв. Разбойник не стал нападать на любовников неожиданно, а решил сперва вволю поглумиться, устроив потеху себе и своим шакалам. Но, к его несчастью, злодей даже не подозревал, с кем имеет дело. Напугать Конана еще не удавалось никому, да и Руфия немало повидала в жизни.

— Дык их выслеживать, что милостыню у слепого отобрать,— расцвел от похвалы жоака Репей.— Можно было просто на звук идти, девка-то орет, что твоя свинья...

— Могу поспорить, братцы мои,— не унимался коренастый шемит,— что и здоровяк будет вопить, как...

Бодьше, чем необходимо, выслушивать их бредни Конан не собирался. Выяснив, что это за люди и сколько их, киммериец не стал тратить время на разговоры. Он никогда не отличался красноречием, а для таких случаев у него был припасен единственный и убедительный ответ — двуручный и обоюдоострый.

Со своим мечом Конан никогда не расставался и даже в самые интимные мгновения всегда готов был отразить любой выпад кого бы то ни было. Судьба, эта суровая воспитательница, накрепко вбила в его голову, что у человека жизнь одна, а способов с ней расстаться — бездна. Недаром одной из самых любимых поговорок северян была «Живи сегодня, потому что завтра ты можешь умереть». Ему уже доводилось видеть, как прошедшие огонь и воду пираты, не боявшиеся ни колдунов, ни демонов, ни морских чудовищ, гибли от рук без-

защитных слабых пленниц, заколотые заостренным каблучком или зарезанные осколком зеркалаца доведенной до отчаяния жертвы.

К слову сказать, не опереди его тогда женщины, он сам прибил бы мерзавцев без всякого сожаления. Несмотря на силу и врожденную воинственность киммерийских горцев, ни одному из них не пришло бы в голову обидеть женщину. Поэтому мужчин, привыкших брать женщин силой, Конан за мужчин не считал, и немало насильников пало от его руки.

С львиным рыком, который заставил смуглого бородача подавиться своими словами, а лошадей встать на дыбы, Конан одним плавным движением оказался на ногах. Его верный меч, доселе скрытый телом Руфии от нанятого Зерити отребья, словно по волшебству оказался у него в руках.

В три огромных прыжка могучий варвар преодолел отделявшее его от разбойников расстояние. Уверовавшие в свое превосходство злодеи не ожидали подобной прыти от застигнутого врасплох мужчины, к тому же забившиеся от испуга лошади заставили горе-воjak разбежаться в стороны. На несколько драгоценных мгновений разбойники растерялись, а именно эти мгновения, как правило, и решают исход большинства схваток.

Конан уже успел определить, что из этой компании более или менее серьезными противниками были лишь одноглазый предводитель, коренастый бородач с могучими руками да еще один молчаливый кушит с чудовищным шрамом через все лицо. Но тем не менее разбойников было все-

таки много. Кроме того, Конан был совершенно наг, а тела наемников закрывали хоть и рваные, но все же прочные доспехи.

Первому противнику — низкорослому туранцу, который, выпучив глаза, в остоленении устоялся на обнаженного мускулистого гиганта с развевающимися черными волосами, — Конан круговым движением огромного меча смахнул голову с плеч. Из обрубка шеи ударил фонтан крови, залил лицо и грудь киммерийца. В глазах туранца еще не погасло удивление, а окровавленный варвар, словно Джил Беспощадный, явившийся на пир в Чертоги Смерти, обрушился на двух зуагиров.

Первого из них Конан опрокинул могучим пинком в пах, порезав, правда, себе ногу о стальные поножи, и тот так и не поднялся с земли, а второго буквально развалил пополам прямым вертикальным ударом. В этот миг киммериец походил на чудовищного демона-дровосека, заготавливающего дрова для огненной преисподней Эрлика.

На поляне творилось что-то невообразимое: дико ржали и металась перепуганные кони, бестолково суетившиеся люди истошно вопили. Гнусная ругань наемников, боевой клич киммерийца и яростный звон клинков взлетали к равнодушным небесам.

Того времени, за которое Конан расправился с неудачниками, с лихвой хватило более ловким и опытным разбойникам, чтобы опомниться, и они со всех сторон набросились на северянина.

— Заходи справа! — крикнул Кривой кушиту, который обрушил на Конана удары двух изогну-

тых сабель. — А ты, Можа, постарайся зайти сзади, — бросил он шемиту. — Не сбивайтесь в кучу, бараны, пока он не выпустил вам кишки!

Судя по тому, как ловко парочка убийц выполнила приказы своего командира, Зерити наняла не самых бестолковых наемников. Несмотря на то что Конан вертелся, как пустынный смерч, припадал к земле, как атакующая гремучая змея, и подпрыгивал, как заяц, без доспехов варвару пришлось нелегко. Вскоре обильно покрывавшая его кровь убитых врагов смешалась с собственной кровью киммерийца, которая сочилась из многочисленных мелких ран, но опьяненный битвой северянин не обращал на это ни малейшего внимания. Наоборот, он становился все более и более подвижным, а его удары — все сильнее. Его противникам начало казаться, что этот увитый канатами мышц великан не чувствует ни боли, ни усталости.

Тяжелый меч Конана с такой скоростью выплывал в воздухе восьмерки, что со стороны могло почудиться, будто у бронзовокожего гиганта выросли стальные мерцающие крылья, окружившие его непреодолимым магическим барьером. И хотя противостоящие ему бойцы были намного сильнее и опытнее среднего воина, не этим жалким самоучкам было тягаться с могучим варваром, который в свои двадцать пять лет стал живой легендой!

Первым не выдержал чудовищного напряжения поединка кушит с двумя клинками. Конан, легко отведя в сторону его уже лишенный былой силы удар и отпрыгнув за спину бородастого шемита, вырвался из окружения. Пока здоровенный кушит

разворачивался, пытаясь сменить стойку, киммериец присел, пропуская над головой секиру шемита, и нанес чернокожему страшный удар снизу. Стальной клинок вспорол кушита от паха до подбородка, точно кожевенный нож баранью шкуру. Кровь хлынула из кошмарной раны, и чернокожий разбойник рухнул на спину, судорожно суча ногами в предсмертной агонии. Вскоре он затих.

Перекатившись через плечо, Конан едва избежал удара Кривого. Острое, как бритва, лезвие лишь чиркнуло его по ребрам, а варвар только мотнул головой — царапиной больше, царапиной меньше!

Главарь разбойников настолько сильно обрушил меч на то место, где еще мгновение назад был киммериец, что тяжелый длинный клинок глубоко увяз в дерне. Пока одноглазый негодяй пытался выдернуть оружие, Конан выбил из рук шемита секиру и расправился с ним.

Движения мускулистого тела варвара были настолько быстрыми, что за ними не поспевал человеческий глаз. Только что он был в нескольких шагах от бородатого шемита и вот уже оказался почти вплотную.

Пустив тяжелую секиру вдоль лезвия, Конан принял ее на стальную крестовину. Такой удар мог бы, наверное, свалить быка, но могучий северянин лишь покачнулся и присел, широко расставив ноги.

Когда Кривой вновь бросился вперед, варвар спокойно поджидал его, поитрывая мечом. За его спиной лежал труп шемита, лица и верхней части черепа у которого уже просто не было. В розово-серой мозговой массе еще допались кровавые пузыри.

Нет, совершенно не такого развития событий ожидал Кривой. Только сейчас он догадался, какого пирата наняла его захватить проклятая стигийская колдунья. Но было уже слишком поздно.

— Амра!.. — выкрикнул побелевший от страха одноглазый, кидаясь в самоубийственную атаку. Последним, что он увидел в своей жизни, были холодные голубые глаза Конана.

На мгновение киммериец замер, приходя в себя после боя, полностью его захватившего. Затем, выдернув из седельной сумы какую-то тряпку, даже не посмотрев, что это такое, он отер с лица пот и кровь и огляделся: с нападавшими было покончено.

— Эй, Руфия! — хрипло выкрикнул северянин. — Ты как? С тобой все в порядке?

— А что со мной может случиться, когда ты рядом, мой бешеный лев? — ответила рыжеволосая офирка, подбегая к Конану и помогая ему опуститься на землю. — Присядь, мой повелитель, и я позабочусь о тебе.

Но Конан вновь вскочил на ноги:

— Погоди-ка! Клянусь бородой Крома, негодяев было семеро, а я уложил шестерых!

— Не беспокойся, мой герой. Если ты имеешь в виду проклятого колдуна, то он вон в тех кустах... — Руфия мотнула головой в сторону леса. — Когда ты, словно молния Птеора, обрушился на подонков, Репей захотел улизнуть под шумок. Но я оказалась проворнее.

— Он тебя не ранил, девочка? — поинтересовался Конан.

— Да где ему... — ухмыльнулась Руфия.

— Надо его допросить, как эта змеиная подстилка Зерити выяснила, куда мы поедем, — решил Конан.

Рыжеволосая красotka пожалала плечами и состроила милую гримаску:

— Боюсь, теперь с ним разговаривать может лишь Сет. Знаешь ли, хвала Иштар, я могу постоять за себя. Так что ему пришлось распрощаться с его колючкой. — Руфия выразительно помахала окровавленным кинжалом. — Не думаю, что она потребуется ему в чертогах Сета. Там, говорят, одни змеи...

Конан сделал пару шагов в ту сторону, куда указала женщина. На обильно залитой кровью земле, скорчившись, валялся Репей, зажимая страшную рану внизу живота. Судя по его искаженному лицу, последние мгновения жизни колдуна никак нельзя было назвать приятными.

— Дай-ка я тебя поцелую, моя дева-воительница, — довольно оскалился киммериец. — Так на чем мы остановились?

* * *

Через несколько дней они вышли на Великий Торговый Путь и присоединились к торговому каравану купца Джилзана из Кироса, возвращавшегося в родной город с богатым грузом.

Руфия, прекрасно разбиравшаяся во всех хитросплетениях дворцовых интриг, привыкшая всегда добиваться желаемого и постоянно быть в курсе всех касающихся ее событий, взяла общение с караванщиком на себя. Она поведала Джилзану

трогательную историю о том, как они вдвоем с ее спутником-северянином оказались в этих местах.

Девушка, назвавшаяся именем своей офирской знакомой Маралы, сказала, что она под охраной отряда своих воинов, которыми командовал Конан (северянин не стал скрывать своего настоящего имени, которое здесь вряд ли кто знал), ехала в Коф к своему дяде, занимавшему видное положение при дворе короля Эйлата. Едва они пересекли границу Пелиштии, на них из засады напали какие-то чернокожие разбойники, и спастись сумели лишь они вдвоем.

Пока девушка говорила, Джилзан как завороченный смотрел на вырез ее тесного платья и, судя по выражению его черных блестящих глазок, был готов поверить во что угодно, лишь бы как можно дольше смотреть на рыжеволосую красавицу. Так что от Конана не потребовалось ничего другого, как только поддакивать время от времени.

— Достопочтенный Джилзан, ты даже представить себе не можешь, как я перепугалась, когда эти чернокожие негодяи, размахивая своими страшными кривыми саблями, набросились на нас из-за деревьев! — всхлипнула хитрая офирка, склонившись к плечу караванщика. — Я даже думать не хочу о том, какая судьба ждала бы меня в руках этих страшных людей, если бы не невероятное мужество и сила моего верного воина!

— О, драгоценная Марала, вытри свои бриллиантовые слезки! Это были недобитые кушитские подонки, да грянут на их головы молнии Птеора и да откажет им в ласке Иштар. Смеею тебя заверить,

лишь жалкие остатки кровожадных дикарей доселе скрываются в лесах Либнанских гор. Пройдет еще немного времени, и их до последнего выловит ополчение нового владыки Асгалуна Маздака!

Руфия, умело направлявшая беседу, немедленно заговорила об Асгалуне, чтобы выведать последние новости.

— Король Маздак? Несчастной Пелиштией же правил безумец Акхиром. Он, говорят, еще объявил себя богом.

— О моя офирская газель! — всплеснул руками Джилзан. — Сейчас я, истинный очевидец необычайных событий, расскажу тебе невероятную историю о том, что произошло в столице Пелиштии Асгалуне! — Он дружески пихнул локтем Конана в бок и хитро ему подмигнул: — Кстати, северянин, я надеюсь прилично заработать на этих новостях! Так вот, красавица, ты уже слышала, что Акхиром объявил себя богом. Но мало было случиться такому несчастью с пелиштийцами, как на побережье высадилась целая армия Амры Беспощадного!

— Да что ты говоришь! — распахнула зеленые глаза Руфия-Марала. — Что же заставило его так поступить?

— В этом-то и заключается великий секрет! — понизил голос купец. — Из заслуживающих доверия источников я доподлинно знаю, что военачальник Отбаал, который родом из Акхарии, увел у злобного пирата некую драгоценную кушитскую реликвию. А именно за этим могущественнейшим магическим талисманом также охотился и командир кушитских наемников Имбалайо. Но ковар-

ному Акхирому удалось угробить и Отбаала, и Имбалайо и завладеть талисманом!

— И что же было дальше? — Руфия едва сдерживала смех, но увлеченный своим рассказом купец ничего не замечал.

— Потрясенные гибелью своего вождя кушиты кинулись резать мирное население. В городе начался бунт против кровавого деспота. А дальше... В это и поверить трудно. Акхиром считал, что, завладев чародейским камнем, станет неуязвимым и всемогущим. Он почти довел до конца колдовской обряд, но... Не пугайся, красавица! Посланица самого Сета явилась во дворец и покарала нечестивца, обрушив его с небес, которым глупец бросил вызов, на каменные плиты!

— А почему именно Маздак стал королем? — деланно удивился Конан.

— Так ведь именно ему и удалось изгнать проклятого демона! — в возбуждении подскочил Джилзан. — К тому же у него остался и сам Камень Неуязвимости, который кроме всего прочего предупреждает хозяина о задуманном против него зле. Почему же еще, ты думаешь, злобный нечестивец Акхиром, покарай его Птеор, так долго был у власти? Я своими глазами видел, как во время коронации Маздак показывал магический амулет народу. А потом жрецам Птеора было откровение, и сам Владыка Неба сказал, что благословляет на правление в Асгалуне могущественнейшего демонаборца, доблестного воина и мудрого владыку!

Далее Джилзан поведал, что Маздак как дальновидный государственный муж (уж кто-кто, а

Конан прекрасно знал, насколько может быть красноречивым хитроумный Маздак) буквально за несколько дней убедил восставших против тирании безумца Акхиромы горожан, что причина их бед — наемники-иноземцы. Обретя врага, на котором можно было сорвать годами копившуюся злость, пелиштийцы сплотились под знаменем Маздака и принялись истреблять анакийских приспешников Акхиромы и чернокожих кушитов.

Справедливости ради надо сказать, что гирканец оказался мудрым правителем и занимался отнюдь не разграблением сокровищ, несправедливо нажитых Акхиромой, а укреплением внутреннего положения Пелиштии. Поспешно короновавшись, он не только отменил бредовые законы Акхиромы, чем вызвал ликование у простых пелиштийцев, но и существенно уменьшил налоги с ремесленников и купцов, добившись увеличения торгового оборота и производства товаров. Кроме того, вкусившие крови ополченцы, опьяненные победой над кушитами и анакийской родней Акхиромы, души не чаяли в своем новом короле. А его провозглашение культа Птеора-Адониса государственной религией обеспечило ему поддержку жрецов.

— А что стало с Амрой? — полюбопытствовал Конан.

— Его пираты, узнав о том, что к власти пришел такой сильный правитель, бросили своего предводителя на произвол судьбы и уплыли восвояси. А сам Амра, говорят, со своей подружкой, бывшей любовницей Акхиромы, бежал к берегам Стикса, — завершил свою историю купец.

Конан мог только диву даваться, как хитроумный Маздак умудрился обставить события, настоящей причиной которых был карточный проигрыш. Если бы киммериец, который с самого начала был рядом с Маздаком, лично не подал гирканцу идею примкнуть к бунту горожан, чтобы укрепить свое положение, то вполне мог бы и сам поверить в такую невероятную историю.

Северянин, больше всего ценивший в людях силу и присутствие духа, не испытывал к могучему гирканцу ни зла, ни зависти. Он понимал, что им вдвоем было бы тесно в крошечной Пелиштии. Убедившись, что Маздак не стал натравливать на них с Руфией своих цепных псов, Конан вздохнул с облегчением.

Хвала Вещему Ворону, Маздак питал благодарность к человеку, который помог ему взойти на трон. Гирканец полностью сохранил в тайне все то, что касалось Конана, хотя, безусловно, догадался, что его спаситель и пират Амра — один и тот же человек.

— Но я совершенно забыл про святой долг гостеприимства, — всполошился Джилзан. — Сейчас начнется пир по случаю вашего чудесного спасения!

* * *

Конан быстро сошелся с хитрым громогласным выпивохой, у которого сразу же вызвал невольное уважение своей физической силой, и теперь вовсю наслаждался жизнью. Непритязательный северянин проводил ночи в любовных утехах с Руфией, выпивке, игре в кости, до которой азартный Джилзан был великий охотник, да в дружеских потасовках с охранниками-зуагирами, а днем дремал в седле.

Поскольку в средствах Руфия с Конаном стеснены не были, киммериец тут же накопил у Джилзана на золото Зерити новой одежды и украшений для своей подружки. Теперь девушка красовалась то в полупрозрачных кордавских шелках, то в тесно обтягивающих ее соблазнительные бедра штанах для верховой езды из тончайшей кожи. На ее точеной шее тускло мерцали роскошные бусы из крупных жемчужин, а запястья и лодыжки украшали золотые браслеты с отборными самоцветами. К этому времени с прекрасного тела офирки полностью сошли следы побоев Зерити, и она как должное принимала восторги купцов, выраженные порой цветистыми и замысловатыми словесами.

После того как Конан голыми руками чуть не до смерти избил двух дюжих зуагирцев, попытавшихся по пьяному делу затащить Руфию в свой шатер, больше чем лестные слова никто себе ничего не позволял.

Так, совершенно беззаботно, тек день за днем, пока наконец на горизонте не показались высокие крепостные стены.

— Эй, Али,— крикнул Конан чернокожему погонщику,— как называется этот город?

— Это же Кирос, господин,— удивился паренек.

От переполнявшей его жизненной силы Конан крепко поддал пятками своему скакуну, послав лошадь галопом, и, запрокинув голову, рассмеялся во все горло.

— Хей-хо, клянусь Кромом, будущего не потеряешь, прошлого не вернешь! Меня ждут великие дела! — выкрикнул он.

Глава вторая

Конан и Руфия, по совету караванщика Джилзана, остановились на постоялом дворе «Золотая Лоза».

— Поверь, мой друг, лишь вы, северяне, можете называть выпивкой ту кислую дрянь, которую принято пить у вас в горах,— сказал киммерийцу на прощание купец.— Что такое доброе вино, ты сможешь узнать только в Шеме. Говорят, сам Птеор не раз навещал наши винокурни, чтобы промочить божественное горло! И уж поверь старому пройдохе, лучшего вина, чем в «Золотой Лозе», не сыскать во всем Киросе.

Так и оказалось. Но кроме действительно замечательного вина хозяин «Золотой Лозы» смог предложить им и прекрасную комнату, несмотря на то что постоялый двор был переполнен и люди спали даже в саду под открытым небом.

Дело в том, что весть о предстоящей свадьбе Афризии и Зебуба мгновенно облетела половину Шема и желающих поучаствовать в праздничных

торжествах было предостаточно. Из близлежащих городов и селений стекался самый разнообразный люд: торговцы, ремесленники, любопытные да и просто бродяги.

Любезность хозяина во многом объяснялась улыбкой красавицы Руфии, но все же куда большее впечатление на пузатого кругленького шемита произвела горсть монет, щедро отсыпанных ему Конаном.

Киммериец уже отвык считать деньги и сыпал золотом направо и налево, благо кувшины Зерити были еще полнехоньки.

Помещение оказалось очень просторным и светлым, а из широких окон открывался прекрасный вид на сад, где прямо под деревьями стояли многочисленные столики. Руфия, жившая в Асгалуне роскошно, осталась вполне довольна.

* * *

В открытое окошко залетал легкий теплый ветерок, пропитанный пряным ароматом цветов, вина и острой шемитской кухни. Несмотря на то что солнце стояло почти в зените, в комнате было прохладно. Руфия, только что принявшая ванну, сидела у зеркала, расчесывая волосы.

— Клянусь левым глазом Манаана, ты прекрасна, огненногрявая, — обратился к девушке вошедший в комнату Конан.

Киммериец только что вернулся из города, куда с утра отправился, чтобы разузнать, что к чему, и был чрезвычайно весел и доволен. В славном Киресе жизнь била ключом: всех охватила праздничная лихорадка, перед которой не смог устоять и

суровый северянин. Сурового воина, чья жизнь была лишь бесконечной чередой страданий, битв и опасных приключений, настолько очаровало буйство праздника, что он и думать забыл об опасности. В этом красивом нарядном городе совершенно не было места злу и горю, и обычно осторожный и подозрительный киммериец расслабился.

— Думаю, Коту придется поскучать без нас еще пару-тройку дней, — сказал он, взяв со столика кубок с вином, и повалился на широченную кровать под балдахином. — Я хочу погулять на свадебном карнавале, — продолжил Конан. — Говорят, король Фарах превзошел сам себя и для увеселения любимой дочери и своих гостей намерен устроить нечто невероятное. Представляешь, Руфия, он собрал фокусников, лицедеев и танцоров со всего Шема. Я слышал, он оставил без увеселений все соседние государства!

— Конечно, пропускать такое событие нельзя. — Руфия, как и все женщины, была чрезвычайно любопытна и тоже обожала всяческие развлечения. — Кроме того, Фарах мужчина представительный и, что удивительно, одинокий... — поддразнила она своего спутника.

К этому времени у Руфии с Конаном установились теплые и дружеские отношения, хотя оба не скрывали друг от друга, что вовсе не собираются прожить вместе до глубокой старости. Но сейчас они были вместе, и, главное, им было хорошо.

— Если ты хочешь окрутить старого лиса Фараха, то ничего у тебя не выйдет, — рассмеялся Конан, отсалютовав девушке кубком. — Джилзан говорил,

что он чрезвычайно упрям, а кроме того, после смерти королевы дал зарок никогда не жениться. Я вроде так понял, что ее убили какие-то проклятые колдуны.— Голос варвара искажился от ненависти.

Конан с детства не выносил колдовское племя. А после того как его мать погибла от рук исчадия зла Тулсы Дуума, он положил себе за труд избавить Хайборию от всех представителей этого племени. И надо сказать, изрядно в этом преуспел: честная сталь, крепкие мышцы и нестигаемая воля зачастую оказывались сильнее самых страшных заклинаний. Лишь то, что Фарах — совершенно не знакомый ему человек — пострадал от одного из этих демонов в человеческом облике, исполнило киммерийца симпатией к королю Кироса.

— Я еще не встречала такого мужчины, которого не смогла бы приручить.— Офирка весело подмигнула Конану.— Даже Амра-Лев не устоял перед моими чарами! Но не волнуйся, мне здесь делать нечего. По законам Кироса править этим государством должен только мужчина, и мне почему-то кажется, что им будет принц Зебуб. Кстати,— она кокетливо изогнулась,— завтра начинается свадебный карнавал, а мне нечего надеть.— Руфия притворно надула губки.— Я хочу, чтобы ты купил мне какое-нибудь подходящее к случаю украшение, в котором не стыдно было бы появиться на церемонии бракосочетания в храме Птеора.

— Да кто же тебя туда пустит, женщина? — удивился Конан.

— Пока ты, как любопытный мальчишка, болтался по улицам, я познакомилась с очень симпа-

тичным десятником городской стражи, который обещал мне достать пропуск в храм...— победоносно улынулась Руфия. И, глядя на сразу нахмурившегося Конана, милостиво добавила: — На двоих, мой герой!

— Да ты ловка, как горная кошка,— покачал головой киммериец, одним мягким, но мощным движением поднимаясь с кровати.— Ладно, будут тебе твои побрякушки. Никто не может обвинить меня в невнимательности к женщине! Я как раз собираюсь на рыночную площадь... Но чуть позже, моя красавица,— добавил он, прижимая затрепетавшую от страсти девушку к широкой груди.

* * *

Конан в свои двадцать пять лет успел объездить добрую треть Хайбории и поэтому считал себя весьма искушенным путешественником. Но к такому зрелищу он был совершенно не подготовлен — местный рынок поразил его до глубины души. Торговые ряды, палатки, шатры, да просто кучи товаров, наконец, уходили во все стороны, насколько хватало глаз. Киммерийцу доводилось видеть города, которые были меньше, чем рынок в Киросе. Видимо, только для того, чтобы обойти весь рынок, потребовалась бы пара дней!

В глазах рябило от обилия товаров со всех концов Хайбории. Чего здесь только не было: и гигантские двуручные мечи ванахеймской работы, и невероятные резные статуэтки из удивительного красного и черного дерева, сработанные чернокожими зембавейцами, и переливающиеся на сол-

нице всеми цветами радуги полотнища тончайшего кордавского шелка, которые легко можно было продеть в украшенные самоцветами из Мери изящные золотые кольца, что продавались тут же. От обилия цветов и фруктов всех форм и расцветок рябило в глазах, а выбор скакунов всех пород и мастей мог соперничать лишь с выбором рабов и рабынь, представляющих все хайборийские расы! Любой, даже самый взыскательный, покупатель не ушел бы отсюда с пустыми руками.

Конан буквально оторопел. Безусловно, он был грозным и отважным воином, но в глубине души оставался всего лишь молодым парнем, жадным до впечатлений. Поразительно, но вся жестокость мира до сих пор не научила его удивляться!

Киммериец с трудом проталкивался сквозь толпу, отбиваясь от настырных торговцев, суливших молодому человеку за его золото все блага мира.

— Купи волшебный пояс, парень, который освящен в храме Иштар, — пристал к Конану кривобокий лысый торговец. — Всего две монеты, и все женщины Кираса — твои! Ни одна из этих кокеток не сможет устоять перед могучей любовной магией, заключенной в этом талисмане!

— Носи его лучше сам, старик! А еще лучше — помойся, а то и он тебе не поможет! — прикрикнул на мошенника Конан, вызвав взрыв смеха у находящихся поблизости горожан.

— Не слушай этого обманщика, красавчик, зачем тебе какие-то дурацкие талисманы? Уж я-то знаю, что ты в них совершенно не нуждаешься, сладкий мой, — закричала ему из палатки напротив местная

гадалка — дородная и густо намазанная румянами шемитка. — Если чего тебе по-настоящему и надо, так это чтобы мудрый человек прозрел твое будущее. Иди, я тебе погадаю. Не упускай редкую возможность узнать судьбу всего за четверть золотого!

— А я ее и так знаю, бабушка, — отмахнулся киммериец, не слушая потока брани всего мгновение назад сладко улыбавшейся гадалки.

— Сюда, сюда! — раздавалось со всех сторон. Торговцы наперебой расхваливали свой товар, заодно стараясь принизить достоинства товара других купцов.

— Ты только посмотри на эти кинжалы, воин, — мертвой хваткой вцепился в него продавец оружия из Хорайи. — Где ты еще найдешь такие клинки? Не вздумай даже возражать, северянин — ты ведь с севера, правда? — пока не посмотришь, какая у них совершенная заточка! А рукоятка, рукоятка, а? Она в три слоя обтянута кожей ящерицы туфифы и никогда не выскользнет из руки.

Черные глаза оружейника дико блеснули, и он с протяжным боевым криком взмахнул кинжалом и со свистом распорол горячий плотный воздух.

— Да тебе просто необходимо купить этот кинжал! Ты еще меня не раз вспомнишь, когда он спасет тебе жизнь!

Клинок и вправду был хорош, и Конан без сожаления расстался с парой монет, заодно выспросив у торговца дорогу в ювелирные ряды.

Выбор украшений был поистине огромен, но Конан разбирался в них лучше иного ювелира — недаром он столько лет был ловким вором и удач-

ливым пиратом! И он сразу обратил внимание на тончайшей работы золотое кольцо с синими и бледно-розовыми гималайскими самоцветами в лавке одного вендийца.

Однако он потратил немало времени, чтобы ознакомиться с ювелирными рядами, прежде чем вернулся к вендийскому купцу. Потом они обстоятельно торговались со смуглым торговцем, заломившим за кольцо невероятную цену (похоже, вендиец решил, что глупый варвар вернулся из удачливого набега и на нем можно хорошо нажиться). Торг доставил обоим уйму удовольствия и вызвал в прожженном торговце искреннее уважение к Конану. Наконец собеседники ударили по рукам, и Конан уплатил вендийцу полновесным золотом половину от первоначально запрошенной цены.

— Северянин, тебе бы морским песком на пляже торговать! — отирая после жаркого спора со лба пот, бросил вендиец. — Еще пара таких сделок, и я вернусь домой нищим! И кто тогда будет кормить моих детей? Если ты мечом орудуешь хотя бы примерно так же, как торгуешься, я не завидую твоим врагам!

— А если ты так же делаешь детей, как торгуешься, то их прокормить не сможет целый отряд, почтенный, — не остался в долгу Конан, укладывавший драгоценную покупку в кожаный поясной кошель. — Я не завидую твоим покупателям!

Оба рассмеялись и вполне довольные друг другом распили кувшин охлажденного молодого вина, который, кстати, был далеко не первым выпитым Конаном за сегодняшний день.

Едва варвар покинул лавку хитрого вендийца, он испытал мгновенный укол тревоги, тоже не первый. Однако, внимательно посмотрев вокруг, киммериец, обычно угадывавший засады каким-то неведомым звериным чутьем, ничего не обнаружил. Он пожал плечами, решив, что причиной тому была жара и выпитое вино, и пошел прочь.

Киммериец так и не обратил внимания на ничем не примечательного низенького желтокожего человечка. Заметив, что Конан обернулся, согладаясь, одетый в черную хламиду, словно бы слился с тенями, и лишь два горящих глаза с ненавистью глядели на варвара из-под капюшона.

* * *

Проголодавшийся от бесконечных хождений Конан решил утолить голод. Оглядевшись, он направился к ближайшему мангалу, от которого исходили аппетитные запахи свежего жареного мяса. Поев, киммериец собрался уже было вернуться к Руфии в «Золотую Лозу», как его внимание привлекли удивленные возгласы, одобрительные крики и громкие аплодисменты. Раздвинув плотную толпу зевак, Конан остановился, завороченный необычным зрелищем.

На расчищенном от мусора пятачке давала представление труппа бродячих жонглеров. Троица, в состав которой входили мускулистый высокий чернокожий мужчина и две гибкие грациозные девушки, проделывала что-то невероятное. Их руки и ноги мелькали в воздухе с невообразимой быстротой, и над поляной летали ножи, палицы, ме-

тательные диски и боевые топоры. Одновременно над головами жонглеров находилось столько оружия, что им можно было бы вооружить небольшой отряд.

Кешанцы — Конан определил это по их своеобразной внешности: удивительному сочетанию черной кожи и тонких черт лица — заставляли острую сталь повиноваться любому своему капризу. Послушные их воле клинки то зависали в воздухе, то, наоборот, с ужасающей скоростью устремлялись к полуобнаженным телам. Уж на что отменной реакцией киммериец обладал сам, но пару раз он был уверен, что острые лезвия неминуемо вонзятся в податливую человеческую плоть. И то, что этого не произошло, Конан воспринял как чудо.

Это казалось невозможным, но кешанцы все увеличивали и увеличивали темп и количество подбрасываемых предметов. Пот хрустальной пленкой покрывал мускулистые тела с головы до ног, когда жонглеры опустили руки, заставив вонзиться в землю свои опасные игрушки.

Конан подумал, что представление окончено, но чернокожие красавицы, обнажив в улыбках белоснежные зубы, раскланялись и разошлись в разные концы пятачка. Там они уселись на корточки и, взяв маленькие деревянные барабанчики, стали отбивать на них мерный ритм. Кешанец поднял руку, привлекая внимание. Подхватив два длинных, чуть изогнутых обоюдоострых клинка, он начал фехтовать ими с воображаемым противником.

Киммериец, сам превосходно владевший мечом, был поражен до глубины души: ни разу в жизни

он еще не видел такой виртуозной работы клинками. Кешанец превратился в настоящий вихрь. Со стороны казалось, что у него не две руки, а по крайней мере четыре. Он умудрялся быть одновременно в нескольких местах, наносил и отражал удары с самых неожиданных сторон. Киммериец мог точно сказать: так мечом мог владеть лишь настоящий воин, одной ловкости рук жонглера тут было недостаточно.

— Вот это воин, клянусь Вещим Вороном! — Он восхищенно толкнул локтем в бок соседа. — Кром Громовержец, да с отрядом таких бойцов я покори бы и Аквилонию!

Бородатый шемит с ним охотно согласился, восхищенно поцокав языком:

— Что Аквилония, на плечах таких воинов я бы въехал прямо в небесные чертоги Птеора! Знай, чужестранец, что это сам Гумелар. Говорят, — он заговорщицки понизил голос, — что после карнавала у него будут брать уроки сам Фарах и его начальник стражи Рамазан... А уж они рубаки — будь здоров!

Наконец рослый кешанец высоко подпрыгнул в воздух, сделал последнее сальто и, встав на ноги, замер. Грудь его бурно вздымалась, но мокрое от пота круглое лицо расплылось в довольной ухмылке.

Зрители дружно разразились аплодисментами и восхищенным ревом.

Чернокожий мужчина что-то выкрикнул на своем гортанном наречии, а затем на ломаном шемитском языке предложил зрителям отблагодарить таких красивых девушек и его самого несколькими монетками. Скалясь в ослепительной

улыбке, он корчил разбойничьи рожи, грозно размахивал в воздухе саблями и уговаривал славных жителей Кироса не скупиться, сопровождая свои слова двусмысленными шутками.

Зрители, знающие толк в грубых остротах, заливались смехом, одобрительно переговаривались и обменивались впечатлениями. Похоже, такое зрелище было в диковинку не только Конану, но и большинству из присутствующих здесь людей. К ногам искусных жонглеров щедро посыпались мелкие серебряные монетки, а несколько богато одетых горожан не пожалели и более крупных золотых.

Восхищенный Конан подошел к Тумелару и крепко сжал ему руку.

— Я Конан из Киммерии,— представился он.— Южанин, мы просто обязаны вместе выпить! Ты должен рассказать мне, где научился так владеть оружием,— добавил он, в восторге хлопнув себя по бедру.

Киммериец попытался было выудить золотую монету из кошель, как вдруг — о ужас! — обнаружил, что кожаный кошель, в котором также лежало и драгоценное кольцо, исчез. Конан в бешенстве заревел, как раненый буйвол, заставив толпу расступиться от страха. Оглядевшись, он заметил, как, расталкивая людей, через площадь пробирается невысокий человек — видимо, это и был вор. Недаром он чувствовал на спине чей-то взгляд! Так вот кто следил за ним! Заметив, что северянин обнаружил пропажу, вор бросился наутек.

— Приходи вечером в «Золотую Лозу»,— крикнул он кешанцу уже на бегу.— Такое мастерство достойно хорошего застолья!

Сбивая с ног не успевших освободить ему дорогу зевак, Конан ринулся вдогонку за грабителем.

* * *

Мальчишка бегал хорошо, но где избалованному горожанину было тягаться с Конаном, столь же стремительным и неутомимым, как горный тигр! Теперь их роли поменялись, и из охотника неудачливый воришка сам превратился в дичь. Однако он хорошо знал город, и, стоило пареньку юркнуть в какой-нибудь проход или затаиться в укромном местечке, найти его было бы невозможно. Но сегодня, похоже, был не его день...

Конан на бегу выхватил из-за пояса новый кинжал и замахнулся. Его рука подобно атакующей кобре рванулась вперед. Свист воздуха, отблеск солнца на смертоносной стали, короткий вскрик — и все...

Вор, раскинув руки, в одной из которых был зажат злополучный кошель, неподвижно лежал на земле. Его белоснежная чалма валялась в пыли, а на стриженном затылке, на глазах наливаясь фиолетовым цветом, вздувалась огромная шишка. Надо сказать, охотнику за чужим добром еще повезло: все-таки рукоятка кинжала была обтянута тремя слоями кожи. Будь она просто костяной или металлической, он бы уже не поднялся.

— Ну, насчет жизни ничего сказать не могу, а кошелек этот кинжал мне спас,— заметил Конан, переходя на шаг.— Смотри-ка, оружейник точно в воду глядел,— подивился киммериец.

Он присел на корточки над воришкой, вытащил из его руки свой кошель и внимательно ог-

лядел паренька: не старше пятнадцати-шестнадцати лет, тонкий, но жилистый, с симпатичным веснушчатым лицом. Такие нравятся женщинам. Одет он был на удивление хорошо и богато, длинные пальцы украшали перстни с самоцветами, да и по всему его облику нельзя было сказать, что мальчишка в чем-то нуждается.

Конан недоуменно покачал головой: больно не походил этот паренек на обычного воришку. Северянин слишком хорошо знал эту публику: лет десять назад ему самому пришлось промышлять воровством в Шадизаре, и отнюдь не от хорошей жизни. И тем не менее парень явно был опытным карманником. Уж больно ловко он спер кошель. Да так, что даже выдавший виды Конан совершенно ничего не почувствовал!

Тем временем паренек застонал, начав приходить в себя. Киммериец обратил внимание, что служба охраны порядка в Киресе была на высоте, так как в их сторону уже спешил отряд городской стражи.

— Почтенный чужеземец, что здесь произошло? — обратился сотник стражников, седоусый ветеран, к Конану.

— Пока горец, разинув рот, глаза на жонглеров пялил, парень у него кошелёк срезал! — рассмелся кто-то из зевак, сбежавшихся поглазеть на происходящее.

— Только мальчишка не рассчитал, что они там у себя по горам не хуже коз скакать умеют, — ехидно добавил кто-то еще.

— Этот здоровяк, ну прям твой коршун, за воришкой помчался, а потом — р-раз! — рукояткой

кинжала прямо ему по затылку, — объяснил кто-то еще. — Не попал, наверное, лезвием! А жалко... Развелось тут поганцев!

«В тюрьму мерзавца!.. Куда власти смотрят!.. Давить гадов!..» — раздавалось со всех сторон.

Законы Киреса были крайне суровы к преступникам, и Конан знал, что парню теперь отрубят левую руку, поставят клеймо на лоб и изгонят из Киреса. Зеваки, окружившие их, злорадствовали, плевались и кидали в мотавшего головой беднягу гнилыми овощами. Судя по всему, многие из них уже пострадали от воришек, и местные жители искренне радовались, что один из карманников попался.

Дело было совершенно ясным, и сотник велел своим солдатам связать вора. Однако Конан решил по-другому. Во-первых, его заинтересовало, почему богато одетый мальчишка избрал такое ремесло, во-вторых, он терпеть не мог публичных расправ, предпочитая выяснять отношения один на один, а в-третьих, киммериец прекрасно помнил те времена, когда сам промышлял кражами.

— Сотник, — обратился он к седоусому шеми-ту, — на самом деле все было вовсе не так. Этот маленький негодяй — мой слуга, который решил идиотским образом надо мной подшутить. Никакого уважения нет в балбесе! Сам понимаешь, молодость... Так он переоделся и надумал меня разыграть!

— То есть как это? — оторопел сотник. — Подшутить? Разыграть?

— О чем я и говорю, — с самым честным видом глядя стражнику в глаза, с готовностью продол-

жил Конан. — Я ведь буквально вчера ему и говорю: «Ты, Бонифас, когда-нибудь доиграешься! И не будь я Конан из Киммерии, если я тебя в следующий раз не вздую как следует!» — С этими словами он носком кожаного сапога пнул парня в бок.

Тому нельзя было отказать в сообразительности. Парнишка, размазывая слезы по испачканному пылью лицу, заныл:

— Господин Конан, клянусь Птеором, я никогда больше не буду над тобой шутить! Дяденька стражник, — подполз он на коленях к шемиту и жалостливо протянул к нему трясущиеся руки, — ну скажи господину, чтобы он больше меня не бил!

От такого поворота событий шемит совершенно потерял представление о том, что происходит, и лишь недоуменно переводил взгляд с паренька на северянина.

А парень тем временем устроил целое представление. Он плакал, посыпал голову пылью и, взывая ко всевозможным богам, слезно умолял столпившихся вокруг горожан заступиться за него перед дяденькой солдатом и дяденькой Конаном. Смысл его причитаний сводился к тому, чтобы его больше не били и не забирали в тюрьму.

Конан изо всех сил пытался сохранить грозный вид и не рассмеяться. В парне пропадал талантливый актер, так как только что кровожадно настроенные шемиты начали наперебой уговаривать грозных мужчин пожалеть сопляка.

— Мерзавец, чтоб это было в последний раз! Благодарю судьбу, Бонифас, что почтенный сотник

подоспел раньше, чем я выбил из тебя всю дурь! — грозно рявкнул на воришку киммериец и, повернувшись к сотнику, все еще стоявшему с открытым ртом, добавил: — Извини, почтенный, за беспокойство, которое тебе и твоим парням причинил этот песий выкормыш. — И вложил тому в руку золотую монету. — Не сочти за оскорбление, солдат, я понимаю, служба, но ведь надо и пыль в горле смыть! — Он подмигнул седоусому.

На золотой можно было смывать пыль в горле всем отрядом да еще привлечь к этому, несомненно, богоугодному делу помощниц-доброхоток. Поэтому сотник не стал дальше вдаваться в подробности происшедшего: объяснения киммерийца его вполне устроили. Извинения северянина были благосклонно приняты. Вояка махнул стражникам, чтобы те отпустили мальчишку, отсалютовал Конану и довольный повел своих людей прочь.

Поняв, что больше никого бить не будут, люди тоже потихоньку стали расходиться, и вскоре Конан остался с пареньком один на один.

Тот ловко поднялся с колен и принялся отряхиваться от пыли.

— Да что ж ты творишь, бугай здоровенный! — накинусь спасенный от рук правосудия воришка на Конана, потирая здоровенную шишку. — Бемилостивец, хорошо, что у меня башка крепкая, а ну как я хрупкий бы здоровьем оказался? За пару презренных монет ты чуть меня не угробил!

Конан даже оторопел от такой наглости. Ухватив мальчишку за ухо, киммериец почти поднял его в воздух.

— Ну ты и нахал! Может, мне позвать стражников обратно?

— Нет, пожалуй, не надо,— сморщился воришка.— Ухо-то отпусти, больно ведь,— добавил он тихо.

— То-то же,— хмыкнул Конан.— Твое счастье, что я в твои годы промышлял тем же самым делом. Ладно, как тебя звать, сирота? — спросил он участливо.— Не Бонифас же в самом деле?

— Хвала Белу, нет. Вообще-то меня зовут Ишмаэль. Только с чего это ты решил, что я сирота? — удивился паренек, с сожалением глядя на измятую грязную чалму.

— А раз не сирота, то чего ворует? — в свою очередь удивился Конан.

— Нельзя мне по-другому,— серьезно ответил парень.— Мне моя вера работать запрещает.

— Что это за вера такая? — Конан недоверчиво посмотрел на Ишмаэля.

— Мы поклоняемся Белу Ловкачу,— гордо выпятил грудь Ишмаэль.— Самому умному, ловкому и удачливому из всех богов!

Конан, естественно, слышал о Беле, которому молятся некоторые кочевники-зуагиры и воры на побережье Западного моря, но ему даже и в голову не могло прийти, что существует целая религия, живущая по его заветам и объявившая воровство богоугодным промыслом.

Ишмаэль объяснил Конану, что он происходит из благополучной во всех отношениях семьи. Вот только чтят в этой самой семье бога воров Бела.

— Нам, знаешь ли, тоже нелегко приходится,— продолжал Ишмаэль.— Не жизнь, а сплошная му-

ка! Наша вера не только запрещает покупать любую вещь, но и предписывает нарушителю этой заповеди во искупление греха украсть нечто в десять раз превосходящее стоимостью купленное. А знаешь, сколько вокруг соблазнов! — тяжело вздохнул Ишмаэль.

— Мне сейчас тебя даже жалко станет,— хмыкнул северянин.— Не повезло тебе, парень, со мной. Но, однако, и ты ловок не по годам! Я сам знаток воровских приемов, и то ничего не почувствовал.

— Отец-настоятель всегда хвалил меня за ловкость рук.— Ишмаэль смущенно потупил взор, но не выдержал и рассмеялся.— Знаешь, Конан, я на самом деле тебе благодарен. Кроме того, получается, что я купил твою помощь за золотую монету, так что с меня причитается. Пойдем, тут недалеко хорошая таверна. Нам самим не мешает промочить горло.

Конану ничего не оставалось, как развести руками. Похоже, его нового знакомого нельзя было ничем смутить.

* * *

Когда они удобно расположились за столиком и послали хозяина таверны за вином, Ишмаэль объяснил Конану, почему он выбрал именно его.

— Ты не думай, что я решил, будто ты невнимательная деревенщина. Наоборот, по всему видно, ты ловкий малый. Но дело в том, что я тут познакомился с одной девушкой, дочерью самого Абдул аль Назиза — главы торгового дома Кироса...— Ишмаэль приложился к кувшину, как зап-

равский выпивоха.— И я тебе скажу, эта такая красавица, какой...

— Я смотрю, парень, ты высоко метишь,— кивнул Конан.— Клянусь Вещим Вороном, Кром любит смельчаков! Но какое отношение имеет эта красавица к моему кошельку?

— Самое прямое.— Воришка прижал руки к сердцу.— Самое прямое! Сет меня попутал купить этой куколке дорожное жемчужное ожерелье... Небось сам Бел нашептал об этом моему папаше,— тяжело вздохнул Ишмаэль.— Тот вздул меня по первое число, а потом и говорит: «Хочешь женщине подарки делать — делай! Но делай это, как положено настоящему мужчине, а не торгашу с базара. Настоящая любовь, сынок, заключается в преодолении трудностей. Вещь надо украсть, а за горсть монет ее любой купить может. Вот Бел Покровитель для красавицы Иштар у самого Сета Око Змея украл! Так что пока не принесешь должную искупительную жертву, домой не появляйся».

— Я смотрю, твой отец — серьезный мужчина,— пряча улыбку, сказал Конан.

— Что есть, то есть,— согласился Ишмаэль.— Кстати, он даже мою маму украл с невольничьего рынка... Ну так вот, Конан, я к тому клоню, что мне теперь чуть ли не половину ювелирной лавки украсть надо! И стоило мне только присмотреть наконец подходящую вещь, как появляется здоровенный варвар, и — раз! — все мои старания псу под хвост! Так что, хочешь не хочешь, мне пришлось рискнуть, но... Теперь вообще позору не оберешься.— Он горестно махнул рукой.

— Ладно, Ишмаэль, не горюй, придумаешь чего-нибудь,— постарался ободрить Конан самого необычного паренька из всех, кого он когда-либо встречал.

Народу в таверне все прибавлялось и прибавлялось. И совершенно никто не обратил внимания на невысокого желтолицего человека в черной хламиде, который расположился на высоком табурете у самой стойки и что-то обсуждал с дородным хозяином таверны. В этой картине не было совершенно ничего необычного, и никто не заметил, как в одно мгновение глаза желтолицего подозрительно заблестели. Он тихо прошептал несколько слов на неведомом языке и прищелкнул пальцами под носом у тавернщика. Тот на середине фразы замер с открытым ртом, глаза его оставил свет разума, а на безвольно отвисший подбородок изо рта потекла струйка слюны.

— Возьмешь этот мешочек и всыплешь его содержимое во все кувшины с вином, червь,— едва слышно раздалось из-под капюшона. Голос желтолицего был холоден и ядовит, как дыхание ледяного змея Рунгельда, которого, говорят, опасался даже Сет Змееголовый.

— Слушаюсь, господин...— Казалось, дыхание жизни уже покинуло дородного шемита.

— А потом,— продолжал демон в черной накидке,— ты выпьешь из этого кубка,— на мгновение из широкого рукава показалась тощая кисть, и длинные крючковатые пальцы бросили крупицу какого-то вещества в вино. Оно забурило, но тут же успокоилось.

— Слушаюсь, господин, — равнодушно повторил таверщик.

Между тем Конан и Ишмаэль, уже порядком захмелевшие, клялись друг другу в вечной дружбе.

— А теперь ты пойдешь со мной в «Золотую Лозу». — От дружеского удара по плечу Ишмаэль чуть не упал на пол. — Я тебя познакомлю со своей красавицей, а еще — с одним кешанским воином!

— Пойдем, друг! А я украду для твоей красавицы какой-нибудь подарок, как Бел для Иптар! — Ишмаэль встал, покачиваясь. — Вот прямо сейчас и пойду. К тому же мне все равно надо по одному делу, а то я просто допну, — подмигнул он киммерийцу. — Ты закажи еще по кувшинчику, а я скоро вернусь! — Он, покачиваясь, вышел.

— Хозяин, вина! — крикнул Конан.

Желтоликий сделал повелительный жест. Хозяин таверны развязал мешочек, и почти невесомый белый порошок тонкой струйкой потек в стоявшие перед ним кувшины.

Человек в черной хлаамиде подождал, пока порошок растворится в благородном напитке, и соскочил с табурета.

— Друзья! — громко крикнул он, привлекая всеобщее внимание. — Предлагаю выпить за здоровье милостивого короля Фараха и его прекрасных дочерей! Я угощаю!

Люди довольно загомонили. Простые горожане уважали строгого, но справедливого Фараха и просто боготворили красавиц Ниенну и Аффризию. Кроме того, не каждый день удается получить дармовую выпивку.

Околдованный и обреченный на смерть хозяин таверны разнес вино по столикам. Люди поднимали кубки и хлопали друг друга по плечам. Когда желтолицый убедился, что Конан, пребывавший в благодушном настроении, выпил колдовское зелье, он тихонько рассмеялся омерзительным шипящим смехом. И доведись кому услышать это шипение, он поклялся бы, что такие звуки человеческое горло издавать просто не может. И был бы прав.

— Пей, грязный варвар. — Голос чернокнижника-отравителя сочился лютой злобой. — Больше ты никогда уже ничего не выпьешь, животное. Повелительница Зерити будет довольна моей шуткой. Порошок Раздора надежно сделает свое дело!

Между тем настроение всеобщей доброжелательности в таверне изменилось. Стихали шутки, смех и тосты. Послышалось угрюмое ворчание, люди с ненавистью начали поглядывать друг на друга. Раздались оскорбления, проклятия и черная брань. Еще миг — и обезумевшие люди схватились не на жизнь, а на смерть, осыпая друг друга ударами. Замелькали ножи, и пролилась первая кровь.

Конан почувствовал себя так, как будто его внезапно ударили чем-то тяжелым по голове. В ушах зазвенело, к горлу подкатилась тошнота. Яркий свет масляных светильников начал вокруг него мерцать, и перед глазами киммерийца ожили жуткие бредовые видения.

То киммерийцу чудилось, будто он снова находится в застенках черного мага Тулсы Дуума, то перед ним возникала отвратительная кривляющая-

ся рожа Хиззар-Зула, вытягивающего из него душу, то на него, угрожая отравленным стилетом, навигалась измазанная в крови кукла Нинги. Вокруг него с нечленораздельным завыванием прыгали демоны из всех девяти преисподних Нергала. Создания Тьмы тянули к нему свои алчные руки, с их когтей срывались капли крови и сгустки огня.

С ревом отбросив стол могучим пинком, одурманенный варвар бросился в атаку на воинство демонов. Отравленный колдовским зельем, киммериец видел вокруг себя всех своих врагов. Но какая разница в том, сколько их? Он, Конан, дорого продаст свою жизнь! Темным Владыкам придется заплатить за его душу страшную цену!

Отчаянно сражавшиеся люди сбивали друг друга с ног, рвали зубами глотки недавних собутыльников, обрушивали на головы соседей страшные удары. Лишь желтоликий, защищенный каким-то заклинанием, как ни в чем не бывало стоял у стойки, с наслаждением созерцая чудовищное побоище. Все меньше и меньше людей оставалось на ногах, все чаще они падали, сраженные ударами и зельем.

Тем временем на Конана набросились трое здоровенных шемитских воинов, которые мирно пили вино до тех пор, пока их головы не одурманила отравка. Лишь одному Нергалу известно, что привиделось беднягам в этот миг, когда, рыча от нечеловеческой злобы, они вцепились в киммерийца, намереваясь разорвать его на части. Страхнув с себя солдат, Конан отпрыгнул в сторону и, развернувшись нападавшим навстречу, нанес одному из них ужасающей силы удар в голову. Под кула-

ком у него хрустнула височная кость, и череп несчастного раскололся, как орех. Кровавые ошметки разлетелись вокруг, покрывая дерущихся людей, стены и столы.

— Ну, давай-давай! — подбодрил колдун шемитских воинов. Он получал от бойни огромное удовольствие. Глаза его разгорелись, тонкие губы то и дело облизывал длинный раздвоенный язык. — Уделайте его, парни!

Вытащив из ножен кинжалы, оставшиеся в живых солдаты слаженно напали на Конана. Одному из них повезло попасть киммерийцу лезвием по предплечью, но не успел шемит издать победный крик, как уже и сам забился в могучих руках киммерийца. Конан, легко подняв противника над головой, обрушил завывающего от ярости человека на свое колено. Позвоночник шемита сухо треснул. Северянин швырнул осевшее, как выброшенная кукловодом марионетка, тело под ноги его приятеля, сбив того с ног.

На мгновение могучему организму северянина удалось побороть действие страшного яда, но лишь на мгновение. Однако и этого мига хватило для того, чтобы Конан удержал готовую было обрушиться на голову несчастного воина тяжелую дубовую табуретку. Как будто молния пронзила его: Конан понял, что он только что убил совершенно ни в чем не виноватых людей, таких же жертв демонических чар, как и он сам, а увидав шипящего и кривляющегося у стойки чернокнижника, киммериец нутром почуял, кто во всем виноват. Однако совладать с ядом было выше его сил, и

Конан рухнул на грязный пол. Все, что он за сегодня съел и выпил, фонтаном хлынуло изо рта.

Заметив, что варвар, державшийся на ногах дольше всех, уступил его чарам, колдун приблизился к поверженному противнику.

— Что, грязное животное, ты надеялся, что Зерити тебя не найдет? Как бы не так! Ты осмелился бросить ей вызов, и твоя наглость должна быть наказана... Ай-яй-яй, кто бы мог подумать, что прославленный пират, наводящий одним своим именем страх на целое побережье, сдохнет в луже собственной блевотины! — с издевкой покачал головой колдун и злобно ударил Конана ногой в лицо. — Нет, ты не Лев-Амра, ты паршивый пес! А если на тебя не подействует яд, в чем я очень сомневаюсь, то ты погибнешь на плахе как простой убийца, и совершенно справедливо. — Последовал новый жестокий удар.

Киммериец, не в силах произнести ни слова, с ненавистью глядел на желтокожего. Кровь заливала его разбитое лицо.

— Смотри, смотри, варвар. Ты видишь перед собой самого Юсифа бен Кемаля, придворного убийцу мудрой Зерити! Вот какой чести удостоила тебя моя госпожа!

— Убь... ю... — выдохнул Конан, неимоверным усилием воли удерживая себя в сознании.

— Смотри, чтобы у тебя глаза с натуги не выскочили, — рассмеялся Юсиф, добавив нарочито тоненьким голоском: — Мой герой!

Заметив, как расширились зрачки Конана, он довольно оскалился, обнажая тонкие, как иглы, зубы.

— Ты на редкость догадлив, мертвец. Но погоди еще немного, и ты встретишься со своей самой у Отца Тьмы.

— Проклятое змеиное отродье! — Ненависть придала Конану сил. — Что ты сделал с Руфией?

Потомок древних змеелюдей запрокинул голову и захохотал.

— Лично я ничего, дубоголовый. Не было ничего легче, чем заманить твою дурочку в ловушку. Можешь порадоваться, я нашел ей достойное применение.

Глаза Юсифа встретились с глазами Конана. Киммериец внутренне содрогнулся: в этих мутных озерах тьмы с узкими вертикальными зрачками не было ничего человеческого — лишь древние ненависть и безумие.

— Так вот, мой мертвый друг, — продолжил змеечеловек. — Я не разделяю религиозных заблуждений адептов Золотого Павлина, но их способы поклонения этому кровожадному демону крайне забавны. Думаю, твоя подруга вскоре с ними познакомится.

Между тем послышались крики и топот бегущих к таверне стражников. Желтоликий издал торжествующий смешок и кивнул Конану:

— Пришла пора расстаться, пес. Жалко, что у меня нет времени, чтобы снять с тебя кожу. Из твоей дубленой шкуры вышел бы неплохой подарок для госпожи!

Юсиф, уверенный в своей безнаказанности, направился к черному ходу.

Конан, прикладывая невероятные усилия, чтобы преодолеть действие сковывавшего его мышцы

и разум яда, сумел перевернуться на живот. В его мозгу пульсировал черный огонь ненависти и горя. Каким-то чудом он сумел подняться на колени — от напряжения, которое для этого потребовалось, у него из ушей и из носа хлынула кровь. Собрав всю свою волю в кулак, киммериец нащупал за поясом рукоять уже вырвавшегося у него сегодня кинжала. С именем Крома на устах он послал клинок в цель, вложив в бросок последние силы.

Будто что-то почувствовав, Юсиф обернулся, и взгляды двух непримиримых врагов встретились. Голубые, цвета льда и тумана, глаза сына человеческого вперились в желтые, с вертикальными зрачками глаза потомка древней расы змеелюдей. На протяжении мига, по сравнению с которым удар сердца кажется вечностью, они смотрели друг на друга. И пока в одних мерк свет, в других разгорались нечеловеческая злоба и отчаяние.

Сорванная с петель дверь рухнула, и ворвавшиеся в таверну стражники оказались свидетелями удивительной сцены. В одном конце зала, раскинув руки, падал бледный как смерть огромный северянин, а в другом на залитый вином и кровью пол валился желтолицый человек в черной хламиде. Его руки были протянуты вперед, будто он в последнее мгновение пытался остановить смерть. Сбившийся назад капюшон обнажил вызывающую дрожь ужаса чешуйчатую голову колдуна, а из одного из лишенных век змеиных глаз, войдя в него по самую рукоять, торчал тяжелый хорайский кинжал.

Глава третья

онан открыл глаза и застонал. Голова киммерийца раскалывалась от боли, на него, сменяя друг друга, попеременно обрушивались волны ужасной слабости и тошноты. Ныло разбитое лицо. Северянин отчаянно пытался вспомнить, что с ним случилось, но ему это не удавалось.

Кроме того, он никак не мог понять, где находится, и далеко не сразу сообразил, что лежит в постели в полутемной комнате. К счастью, на чертоги Крома, куда воины попадают после смерти, это место никак не походило. И вдруг в голове Конана все встало на свои места: его отравил проклятый Юсиф бен Кемаль — слуга Зерити! Следующая его мысль была о рыжеволосой красавице. Руфия!

Ледяное пламя ненависти к змееголовому колдуну и страх за судьбу девушки в мгновение ока прояснили его разум. Могучий организм горца наконец справился с остатками яда, кровь истово забурлила в жилах, недомогание отступило. Конан попробовал встать, но обнаружил, что привязан к кровати.

— Эй, есть здесь кто живой? — рявкнул киммериец.

За его спиной открылась невидимая с кровати дверь, и Конан услышал дробные шаги десятков людей. Вокруг засуетились слуги в богатых ливреях.

В одно мгновение загорелись десятки свеч в золотых канделябрах, заливая ровным ярким светом огромные богато убранные покои. Стены из красного дерева и кедра были украшены роскошными гобеленами и картинами. Где он? Что, во имя Крома, произошло?

В изукрашенное тонкой резьбой кресло, стоявшее перед постелью киммерийца, опустился высокий мускулистый шемит в просторном белом одеянии. За его спиной безмолвно замерли могучие стражники с обнаженными мечами.

— Приветствую тебя во дворце короля Фараха, Конан из Киммерии. — Голос мужчины был низок и звучен. — Чувствуй здесь себя как дома.

— Незнакомец, меня дома к кровати не призывают! Пусть вороны расклют твою печеньку, кто ты такой и что ты себе позволяешь? Немедленно освободи меня, а то узнаешь на своей шкуре остроту моего меча! Проклятый колдун украл мою девушку, и ей грозит смерть! — выпалил Конан, стараясь разорвать удерживающие его веревки. — Что здесь вообще происходит?

— Успокойся, варвар, все в порядке. Ты в безопасности. Сейчас...

— В безопасности?! — перебив собеседника, взревел Конан. — Клянусь всеми девятью рогам Нергала, я такую безопасность...

— ...Тебя развяжут, — несколько раздраженно закончил высокий незнакомец, теребя ухоженную бороду.

И действительно, не успел Конан договорить до конца длинное замысловатое ругательство, как слуги ловко распутали веревки. В этот же миг здоровенные наголо обритые стражники оказались между ним и бородатым шемитом. В их плавных движениях чувствовалась такая звериная грация и сила, что Конан, сперва намеревавшийся вцепиться в горло человеку в белых одеждах, отказался от этой мысли. Он не был уверен, что в таком состоянии справится с этой пятеркой володавов голыми руками. «Ладно, — решил киммериец, — подождем, что будет дальше!»

Вновь обретя свободу, Конан несколько успокоился. Откинув одеяло, он уселся на кровати и ощупал избитое лицо. Пока он был без сознания, неведомый лекарь обработал раны и ссадины, оставленные саногом Юсифа, но, судя по ощущениям, шрамов у него прибавится. Ничего страшного, он не какой-нибудь модный хлыщ — следы битв лишь говорят о доблести мужчины!

— А что здесь происходит, я тебе сейчас расскажу по порядку. Итак, киммериец, ты, как уже было сказано, находишься во дворце короля Фараха, да прибавятся дни его жизни без счета! Я начальник королевской стражи Рамазан, а ты действительно наш гость. Мы сможем нормально поговорить, если ты будешь вести себя спокойно.

— Прости меня, Рамазан, если я был резок, — ответил Конан. — Видимо, в этом виноват яд гнус-

ного чернокнижника. Но прошу тебя, немедленно верни мне одежду и оружие и покажи кратчайший путь к выходу. Ты просто не представляешь, в какой опасности находится Руфия, угодившая в руки палачей Золотого Павлина!

— Ты ошибаешься, как раз это я себе представляю,— покачал головой Рамазан.— Но об этом чуть попозже... Ты помнишь, что произошло? — неожиданно спросил он у Конана.

Киммериец задумался.

— Проклятый колдун, наверное, отравил наше вино, потому что внезапно все в таверне будто сошло с ума и напали друг на друга,— наконец сказал он.— А потом... Потом...— Конан решил не говорить о том, что Юсиф выполнял волю стигийки Зерити, возненавидевшей Руфию и ее спасителя.— Когда чернокнижник увидел, что его яд на меня уже подействовал, он подошел ко мне и сказал... Что похитил мою девушку, а затем передал ее слугам Золотого Павлина. Мне же доводилось слышать, что те отличаются поистине великой злобой и жестокостью... Потом все как в тумане... Помню лишь, что единственным моим желанием было метнуть в него кинжал... Что было дальше, я не помню, потому что вырубился,— с тяжелым вздохом закончил варвар.

— Пускай тебя утешит то, что ты все-таки бросил кинжал. Не иначе как твою руку направлял сам Птеор,— с уважением произнес Рамазан.— Кинжал угодил колдуну точнехонько в глаз. Кстати, прекрасное оружие. Даже та дрянь, что текла в жилах колдуна, не попортила добрую сталь.

— Похоже, сам Кром в образе хорайского торговца оружием снизошел ко мне! — с гордостью сказал Конан.— Смелому и боги помогают!

Рамазан, посвященный высокого ранга, улыбнулся:

— Наивное дитя гор, ты действительно полагаешь, что небожители до сих пор вмешиваются в судьбы смертных? Уверю тебя, те времена давно миновали!

Конан из уважения к возрасту мужественного воина не стал с ним спорить, хотя многое мог бы рассказать из жизни богов и демонов.

— Позволь, я посвящу тебя в события, которые произошли, пока ты был без сознания, уважаемый.— Шемит вежливо кивнул киммерийцу.— На твоё счастье, какой-то малец вызвал стражу. Видимо, мальчишка проходил мимо таверны и услышал, что там дерутся...

— А не был ли этот парень одет в белую накидку и белую чалму, изрядно перемазанные в грязи? — поинтересовался Конан.

— Истинно так,— слегка приподнял бровь Рамазан.— Ты его знаешь?

— Нет, просто я обратил внимание на этого паренька, когда заходил в таверну,— равнодушно покачал головой Конан, стараясь не выдать своей радости. Выходит, с Ишмаэлем все в порядке!

Не желая привлекать к новому приятелю внимание стражников, киммериец на всякий случай решил умолчать и о своем знакомстве с Ишмаэлем. По его мнению, парню было ни к чему лишний раз испытать судьбу.

— Впрочем, неважно,— продолжил Рамазан.— Так вот, воины высадили дверь и обнаружили в таверне уйму тел — кто был просто без памяти, а кто уже помер. Сотник послал за лекарем. Старик оказался достаточно сведущ, чтобы определить, что все люди были отравлены. Все, за исключением некоего создания, которое и человеком-то назвать нельзя. Того прикончил кинжал.— Рамазан вновь кивнул Конану.— Лекарь на месте оказал всем необходимую помощь, а потом тех, кто остался в живых, доставили в дворцовую лечебницу. Под усиленной охраной, естественно. Пойми, горец, в Киресе такие события не каждый день происходят.

Выжидающе посмотрев на Конана, который предпочел промолчать, Рамазан продолжил:

— К утру придворный колдун разобрался, что змеечеловек отравил вас Порошком Раздора. Этот яд вызывает кошмарные видения, которые сводят человека с ума, потом несчастный становится невероятно агрессивным, а затем наступает смерть. Воистину жуткое зелье! Отравитель, наверное, был созданием Тьмы...

— Но я с ним справился! — хвастливо заявил Конан.— Не родился еще тот колдун, которому бы удалось меня победить. У меня свои счеты с этим племенем, но, могу тебе сказать, Рамазан, добрый меч в руках смелого человека значит больше, чем их непотребная ворожба и отвратительные зелья!

В голосе варвара слышалась такая убежденность, что Рамазан не стал с ним спорить, а лишь сказал:

— Благодарю за это своих суровых богов, горец, отпустивших тебе силу и здоровье многих! Но тем

не менее лекарь опасался, что ты можешь не прийти в себя или потерять память.

— Как видишь, его опасения были напрасны.— Конан вздрогнул при мысли о том, что с ним могло случиться.— Почтенный Рамазан, а что с остальными?

Бородатый шемит развел руками:

— Увы, ты пока единственный из всех, кто очнулся. Пятеро умерли от ран во время побоища, еще шесть человек скончались от яда. Лекарь уверяет, что из оставшихся выживут не более трех-четыре человек. Но нити их судьбы в руках Птеора. Впрочем, я убедился, что твоя память не пострадала. Хотя ты почему-то не упомянул о том, что проклятого бен Кемалю, да прорастут его волосы внутрь, послала Зерити Стигийская, страшная колдунья из Асталуна.— Черные глаза Рамазана впились в лицо Конана.

— Откуда ты это знаешь? — удивился Конан.

— На твое счастье, варвар, вчера вечером в город прибыл военачальник Пуршат, личный посланец Маздака, нового правителя Пелиштии. Помимо того что он уполномочен заключить военный и торговый договор с Фарахом Великим — да будет сиять это имя в веках! — он предупредил меня, что личный друг короля Маздака, — Рамазан выразительно посмотрел на Конана, — которому тот многим обязан, находится в смертельной опасности. И что король Маздак был бы весьма признателен, если бы я лично предупредил Конана из Киммерии, что на того обращено око Сета. Пуршат также сказал, что Маздаку удалось изгнать

стигийскую колдунью Зерити из Асгалуна, но ведьма успела отрядить по пятам за этим Конаном своего доверенного убийцу Юсифа бен Кемалья.

— Успеть бы ему на день раньше! — гневно ударил кулаком о ладонь Конан.

— Не гневи небеса, горец. — В голосе Рамазана появились ледяные нотки. — Я, конечно, сожалею о твоей потере, но женщин у человека много, а жизнь — одна. Могло статься и так, что ты умер бы на загаженном полу таверны. Или колдуну удалось бы улизнуть безнаказанно. В этом случае тебя нашли бы слишком поздно, когда яд уже было бы невозможно обнаружить: хитроумный колдун повесил на дверях табличку, что таверна закрыта. А могло статься и так, что Пуршат явился бы не вчера, а завтра. Тогда тебе просто отрубили бы голову за убийство солдат!

Рамазан извлек из-за широкого кушака запечатанный свиток и протянул его Конану.

— Кроме того, ему было поручено передать тебе вот это послание от некоего Фарука.

Киммериец сорвал печать и развернул листок, вчитываясь в корявые буквы: «Помнишь, я говорил, что перед тобой в долгу? Теперь мы квиты. Желаю тебе удачи, северянин. Но знай: в Асгалуне нам вдвоем будет тесно. Фарук».

— Я так и думал, что он правильно поймет мой поспешный отъезд и не станет держать на меня зла! — кивнул Конан, который счел послание Фарука-Маздака отпущением грехов. — Слава Вещему Ворону, у меня стало одним врагом меньше и одним другом больше!

Рамазан продолжил:

— А теперь я объявлю волю короля. — Голос начальника стражи стал резким и серьезным. — Поскольку именно из-за тебя нечестивый черно-книжник прибыл в наш город, то косвенно на тебе лежит кровь его граждан. Не следует забывать и то, что ты лично убил двух воинов Кироса.

— Во всем виноват колдун Юсиф! — возразил Конан. — Я вместе с остальными был одурманен ядом! Мне действительно жаль этих воинов, но тебе ли не знать, почтенный Рамазан, что высшая доблесть для мужчины — погибнуть в бою?

На миг суровое лицо опытного воина озарила скупая улыбка.

— Конан, ты еще слишком молод. Я виделся со смертью тысячи раз. И поверь мне на слово, умереть в бою — самое легкое дело. А высшая доблесть для мужчины — выполнить свой долг, пускай и ценой чести. Я думаю, наступит время, когда ты сам это поймешь. Но не в этом дело. — Рамазан опять посерьезнел. — Как человек, ответственный за исполнение законов в Киросе, я объявляю тебе решение Фараха Мудрого, да не оскудеет сокровищница его души. — Рамазан поднялся, стражники замерли. — Учитывая необычные обстоятельства этого дела, ручательство короля Маздака и то, что Шем обязан Конану из Киммерии избавлением от опаснейшего врага рода человеческого, вышеупомянутый Конан не несет прямой ответственности за смерть законопослушных граждан славного Кироса и, стало быть, не может быть подвергнут наказанию. Сейчас тебе вернут оружие

и одежду, и ты вправе воспользоваться гостеприимством Фараха или покинуть дворец,— улыбнулся он киммерийцу.

— При всем моем уважении к королю Фараху,— Конан прижал руки к груди,— я не стану задерживаться во дворце дольше, чем это необходимо. Вот когда я спасу Руфию...

В другое время он с удовольствием бы принял предложение шемита. Рамазан вызвал у Конана, больше всего ценившего в людях силу, искреннее уважение. Киммерийцу было бы интересно пообщаться с этим бывалым воином, но сейчас он действительно не мог медлить, понимая, что каждый миг приближает Руфию к ужасной смерти. Если девушка до сих пор еще жива...

— Не спеши, горец. Может быть, тебе поможет то, что я скажу,— проговорил Рамазан.— Презренный чернокнижник отдал твою спутницу в руки поклонников Золотого Павлина, да низвергнется огонь на их нечестивые головы! Дело в том, что принцессу Афризию, дочку Фараха Справедливого, да удлинит Птеор его тень, полторы седмицы назад похитили те же твари.

Конан замер от удивления:

— Как похитили?! Ведь на послезавтра назначена свадьба принцессы Афризии и принца Зебуба!

— Пока нам удастся скрывать исчезновение принцессы. Благо по нашим традициям некоторое время перед свадьбой девушки обязаны проводить в одиночестве, предаваясь ритуальному очищению и укрепляющим дух молитвам. О том, что Афризия пропала, знают лишь Фарах, жрецы Птеора и

мои Барсы.— Рамазан кивнул в сторону сопровождавших его воинов.

— Но почему же вы молчите? — непонимающе посмотрел на бородатого шемита Конан.— Надо же что-то делать! Я бы давно уже перевернул вверх дном половину Шема!

— Не все так просто, горец. В первую очередь приходится думать о политических последствиях: союз с Гхазой для нас крайне желателен. Кроме того,— Рамазан быстро огляделся,— исчезновение любимой дочери стало для Фараха, да будет к нему милостив Птеор, тяжелейшим ударом. За последнее время он сильно изменился, и я боюсь, как бы наш государь не повредился рассудком. Король Кироса ведет себя так, как будто не понимает, что Афризия исчезла. Быть может, дело в том, что Афризия как две капли воды похожа на свою мать Деметрию... Да ты сам посмотри.— Он указал на два больших портрета.

Конан давно уже пытался понять, что за красавица была на них изображена. Слова Рамазана расставили все по местам. Это была не одна женщина в разных нарядах, а мать и дочь. Суровому киммерийцу женщины пришлось по нраву. Художнику удалось запечатлеть то неукротимое пламя жизненной силы и врожденной доброты, что, несомненно, были присущи им обеим. И несмотря на то что принцесса Афризия не походила на его Белит ни лицом, ни цветом волос, на мгновение у него защемило сердце от их внутреннего сходства.

Решение Конан принял сразу же, и теперь с намеченного пути он не сошел бы ни за что в жизни.

— Клянусь снежной вершиной Бен Морга, Рамазан, я спасу обеих девушек: и Руфию, и Афризию! Будь я проклят, если не раздавлю этих любителей птичьей падали, чего бы мне это ни стоило!

Рамазан печально покачал головой:

— Я предпринял все надлежащие меры. Сразу же после похищения принцессы покинуть город без тщательнейшего досмотра стало невозможно. Не буду утомлять тебя ненужными подробностями, но, можешь мне поверить, дела обстоят так, как я говорю. Но принцесса как сквозь землю провалилась! Что может сделать один человек, когда армия целого государства оказалась бессильна?

— Много! Очень много! — рубанул ладонью воздух киммериец. — Если эти твари не могли покинуть Кирос с принцессой, значит, они затаились где-то здесь.

— Ты думаешь, мы этого не знаем? Да наш придворный колдун вот уже полторы седмицы не спит, вглядываясь в свой магический шар! Он проверил все подозрительные места в нашем городе. Ни-че-го!

— И все же я уверен, что удача нам улыбнется. — Вера Конана в торжество добра была нерушима.

И хотя Рамазан не разделял его убежденности, он сказал:

— Со своей стороны я окажу тебе любую помощь. Ты только скажи, что я могу для тебя сделать. Если тебе нужна поддержка, я прикажу своим воинам беспрекословно тебе подчиняться!

Конан был тронут до глубины души.

— Чтобы бороться с врагом, надо его знать. Я почти ничего не знаю об огненном демоне, кото-

рому поклоняются на востоке Шема. — Он покачал головой. — Расскажи мне, почтенный Рамазан, что тебе известно об этом Золотом Павлине? Ты знаешь имена тех, кто поклоняется ему?

— Если бы хоть один из низ попал ко мне в руки, принцесса Афризия давно была бы в своих покоях, а головы укравших ее сабатецев, исповедующих эту отвратительную ересь, украшали бы дворцовые стены. — Рамазан жестко улыбнулся. На мгновение он замолчал, собираясь с мыслями, а затем начал свой рассказ: — Этому демоническому созданию в уборе из павлиньих перьев и ожерелье из человеческих черепов поклоняются жители проклятого Птеором и Иштар города Сабатеи. Кровожадный культ Золотого Павлина в Шеме повсеместно запрещен, но зло извортливо и коварно. Так вот, горец, сабатецам, поклоняющимся своему мерзкому божеству, постоянно нужны новые и новые девушки для их непотребных и жестоких жертвоприношений. Отвращение и горечь переполняют меня, когда я думаю о судьбе сотен несчастных жертв, и не проси меня, северянин, вдаваться в подробности! Птеор милостивый, горе разрывает мое сердце, когда я думаю, что наша Афризия находится в их руках!

Конан похлопал его по плечу:

— Клянусь Вещим Вороном, злодеи заплатят нам за каждый волосок, который упадет с ее головы! Но продолжай, почтенный Рамазан...

Немного успокоившись, бородастый шемит заговорил снова:

— Кровожадные сабатецы считают, что если надлежащим образом выполнить некие отврати-

тельные обряды, ужасающие своей бесчеловечностью, то их злобное божество возродится во чреве принесенной ему в жертву девушки. И тогда Золотой Павлин снизойдет к своим почитателям в облаке огня. Доподлинно известно, что Огненная Птица иногда является в наш мир. Каждое ее пришествие сопровождается невиданным разгулом насилия и жестокости. В обмен на кровь и души жертв демон делится со своими адептами силой, делая их на время практически неуязвимыми...

— Но почему и ты, и Фарах уверены, что Афризию украли сабатеицы? — поинтересовался Конан. — Как я понял, девушка она молодая, красивая. Не могло ли так случиться, что она просто сбежала, чтобы свадьба не состоялась? Говорят, принц Зебуб тот еще фрукт.

— Это уж точно, — поморщился Рамазан. — Но заклинаю тебя твоими богами, не повтори это при короле Фарахе. Не знаю, чем пленил его этот косялый урод, но, скажу тебе по секрету, Фарах совершенно им очарован и считает, что лучшего мужа для нашей красавицы просто не найти. — Шемит выразительно вздохнул. — Однако это действительно было похищение. Принцесса Афризия исчезла из тщательно охраняемых покоев. Охрана из моих самых надежных людей слышала крик ужаса, но, когда ворвалась в покои, там уже никого не было. А из всех треклятых колдунов только у сабатеицев были причины похищать принцессу. Дело в том, — пояснил киммерийцу Рамазан, — что они лютой ненавистью ненавидят нашего короля.

И Рамазан поведал Конану удивительную и страшную историю. Когда молодой Фарах во главе преданных ему отрядов пришел к власти в Киресе, первым делом он решил навести в государстве порядок. Как человеку, истово чтившему Птеора, ему были отвратительны кровавые шабашы поклонников Золотого Павлина, которые при молчаливом попустительстве тогдашнего правителя нашли себе приют в Киресе и потихоньку стекались сюда со всех сторон Шема. Доведенные до отчаяния исчезновением сестер, жен и дочерей горожане примкнули к его освободительному походу. По Киросу прокатилась волна народного гнева, и в одну ночь поклонники Огненной Птицы отправились прямоком в ее объятия. И колдовские фокусы не помогли: всех буквально разорвали в клочья.

— Но, видимо, жрецам кровавого демона удалось уцелеть, так как в городе нет-нет, да и пропадают молодые девушки и происходят омерзительные человеческие жертвоприношения. К сожалению, мы, как правило, узнаем об этом уже слишком поздно. — Рамазан скрипнул зубами. — Кроме того, они уже несколько раз пытались выкрасть Афризию и ее младшую сестру Ниенну. Ты думаешь, почему Фарах Справедливый, да проживет он тысячу лет, так до сих пор и не женился? Можешь не верить, киммериец, но их с Деметрией любовь была предопределена высшими силами. Они и мгновения не могли прожить друг без друга. Ах, какая эта была пара!

— Я знаю, о чем ты говоришь, Рамазан. — Глаза Конана на мгновение вспыхнули, когда перед его мысленным взором предстал прекрасный лик Бе-

лит. Киммериец усилием воли подавил ставшую уже привычной боль. — Но такая любовь не может быть долгой. Я точно знаю, шемит, боги ревнивы к человеческому счастью... Именно поэтому я несу ответственность за судьбу той, что волей жестоких богов оказалась рядом со мной...

— Твоя правда, горец. — Взгляд Рамазана наполнился дружеским участием и теплотой. Шемит, несомненно, ощутил ту бурю чувств, что на мгновение разразилась в душе Конана. — Так вот, когда детям, в которых ни Фарах, ни Деметрия души не чаяли, исполнилось — четыре года Афризии и полтора — Ниенне, и произошла та страшная трагедия. Сабатейское отродье сговорилось с зуагирами, среди которых есть и такие племена, что поклоняются Золотому Павлину, пусть вся тяжесть Вечного Льда Имира падет на его голову! — тяжело вздохнул Рамазан. — И в одну ужасную ночь орда диких кочевников напала на дворец. Фарах, да снизойдет на него благодать небес, сам возглавил оборону дворца. Он проявил себя настоящим героем...

И столько было неподдельной страсти и напряжения в голосе Рамазана, описывающего битву, которая разразилась пятнадцать лет назад, что Конану казалось, будто он присутствует там лично. Это он, Конан из Киммерии, а не Фарах находился в гуще сражения, а завывающие дикари накатывали на него, словно вал прибоя...

* * *

Зуагиры бесшумно, словно призраки, перелезали через ограду, окружавшую дворцовые сады,

и в такой же полной тишине убивали стражников, усыпленных чарами сабатейских колдунов. Освещенные лишь серебристым мерцанием холодных звезд, дикари черными тенями со всех сторон устремились ко входу во дворец.

Их гнала вперед иступленная ярость, подогретая свойственной этим обитателям пустынь алчностью. Казалось, ничто не в силах устоять перед натиском воинственной орды.

Зуагиры беспрепятственно заняли нижние помещения, где проживали слуги, и немедленно начали набивать добычей мешки. Опьяненные золотом и кровью кочевники с улюлюканьем гонялись за еще не проснувшимися людьми.

Участь тех, кто попадал им в руки, была страшна. Мужчинам распарывали животы и отрубали руки и ноги, с женщинами и детьми поступали так же, но перед этим насиловали. Обезумевшее эхо криков агонии и боли в ужас металось от стены к стене.

Неровный свет чадающих смоляных факелов выхватывал из тьмы покрытые кровью оскаленные морды. Ничего не понимавшим шемитам казалось, что наступил конец света и, разбив каменные преграды, из чрева земли вырвались все демоны.

Но именно жадность и похоть обитателей пустыни спасли жизнь и власть Фараха.

Разбуженный жуткими криками и звоном оружия Фарах в мгновение ока оказался в коридоре. В одной ночной сорочке и в коническом стальном шлеме, с прямым обоюдоострым мечом он бросился к главной лестнице.

— Во имя Птеора, Рамазан, ко мне! — отчаянно крикнул Фарах и, не дожидаясь верного друга и соратника, в одиночку бросился в бой.

Молодой король, вращая меч над головой, неожиданно обрушился на ничего не подозревавших зуагиров, которые уже не сомневались в своей победе.

Уперевшись крепче ногами в мраморный пол, Фарах бешено размахивал мечом. Вот перед ним уже рухнули, зажимая руками разрубленные животы, двое высоких кочевников. Стремясь удержать завоеванное преимущество, шемит прыгнул вперед, срубая голову могучему противнику. Вооруженные изогнутыми короткими саблями зуагиры попятились назад, уступая бешеному натиску этого человека.

Охваченный боевым безумием Фарах кусал себя за курчавую бороду, на его губах выступила пена, а острый меч безжалостно кромсал тела врагов. Казалось, само божество войны обрушилось на головы кочевников.

И хотя зуагиры были десятки и десятки, никто не хотел умирать первым. На мгновение эти потопки песчаных шакалов замерли в нерешительности, но и этого времени хватило на то, чтобы на зов своего господина подоспели десятки придворных.

Это были не обленившиеся царедворцы, все они еще хорошо помнили те времена, когда под водительством Фараха защищали восточные границы Шема, отражая набеги туранцев. Перекрывая дворцовую лестницу, ведущую в основные помещения дворца, шемиты выстроились в боевую шеренгу, словно косцы, и принялись собирать свою крова-

вую жатву. К ним присоединялись все новые и новые бойцы, выскакивавшие из своих покоев.

— Птеор! Птеор! Фарах! Кирос! — взлетали к мозаичному сводчатому потолку крики шемитов.

И хотя мужественных воинов все еще было намного меньше, чем зуагиров, дикари стали отступать, в панике бросая добычу. Они никак не могли взять в толк, что происходит. Их сабатеиские союзники уверяли, что обитатели дворца околдованы и вырезать их будет не труднее, чем стадо овец. Однако действительность оказалась куда более жестокой. Против них билась не полусонная дворцовая челядь, а опытные воины, прошедшие огонь и воду.

Тем временем из храма Птеора подтянулись Барсы Рамазана, а к королевским садам начали стягиваться регулярные войска. Многие горожане, решив, что на город напал враг, вооружились чем попало и помчались ко дворцу, чтобы дать неведомому захватчику отпор. Участь зуагиров была решена.

— Пленных не брать! — отдал приказ потрясенный увиденным Фарах.

Зуагиры, понимая, что ждать пощады не приходится, бились как одержимые. На первом этаже дворца и в королевских садах кипела жесточайшая сеча. Кочевники гибли один за другим, но немало и доблестных шемитов сложили в эту ночь свои головы. Трупы громоздились друг на друга, плодородная земля настолько пропиталась кровью, что превратилась в хлюпавшую под ногами жижу.

Фарах, словно молния, возникал то там, то здесь, бросаясь в гущу сражения. Казалось, один

только вид правителя придает гражданам Кироса новые силы и укрепляет их сердца.

— За короля Фараха! — неслось со всех сторон.

Врагов становилось все меньше и меньше, победа была уже совсем близка, когда в глубине дворца раздался страшный крик королевы:

— Фарах! На помощь! Дети!!!

— Я иду, Деметрия!

У Фараха словно выросли крылья, когда он бросился вверх по лестнице. За ним, едва поспевая, мчались Рамазан и его воины.

Король в считанные мгновения достиг покоев, где жили маленькие принцессы. Обычно с ними сидела нянька, но накануне Ниенна приболела, и в эту ночь с девочками осталась сама королева.

Глазам Фараха предстала ужасная картина: створки тяжелых дубовых дверей были высажены, а у порога громоздились трупы стражников-шемитов и сабатеиких колдунов, одетых в кроваво-алые цвета своего нечестивого божества. Двое воинов Кироса были изрублены на куски, но и они отправились на тот свет не менее полудюжины врагов.

В этот миг Фарах осознал всю хитрость замысла сабатеицев. Колдуны усыпили стражу лишь для отвода глаз, чтобы зуагиры не сомневались, что победа достанется им легко. На самом деле почитатели Золотого Павлина просто хотели связать силы Фараха жестоким боем. Именно так все и произошло. Главная же цель сабатеицев заключалась в том, чтобы похитить дочерей Фараха.

Но кровожадные демоны не учли одного — силы материнской любви. Стражники выполнили

свой долг до конца, и того времени, пока они сдерживали противника, Деметрии хватило, чтобы спрятать малолетних сестер в потайную нишу.

Словно фурия, набросилась Деметрия на сабатеицев, стараясь выгадать время и призывая Фараха на помощь. Королева дралась, как бешеная тигрица, но справиться с воинами-жрецами она не могла. И хотя ей удалось спасти детей, себя спасти она уже не сумела.

Фарах опоздал всего на миг. Когда он, перепрыгивая через трупы, ворвался в покои, оставшиеся в живых колдуны затаскивали связанную по рукам и ногам королеву Деметрию на летающий ковер, с помощью которого им и удалось незаметно попасть во дворец.

Фарах прыгнул вперед. Но поздно! Ковер уже был в воздухе. Все, что он мог сделать, это швырнуть вдогонку хохочущим колдунам свой меч, который воткнулся прямо в спину дородному сабатеицу в алой мантии с золотой оторочкой. Нелепо всплеснув руками, тот забился в агонии и рухнул вниз.

Слезы бессилия и бешенства текли по щекам Фараха, когда он протянул руки к потерянной любимой. И хотя их разделяла всего дюжина локтей, обмануть судьбу смертный был не в силах.

Разлученная с детьми и мужем Деметрия крикнула:

— Я люблю тебя, Фарах! Я умру с твоим именем в сердце!

И тогда Фарах принял решение, подобного которому не приходилось еще принимать никому. Словно молния, метнулся он к одному из воинов Рамазана, вырвал у него короткий лук и подскочил к окну.

— Я люблю тебя, Деметрия! — Слезы хлынули у Фараха из глаз, но он поднял лук и спустил тетиву.

Глаза Фараха и Деметрии встретились. Кто может сказать, о чем они думали в этот миг и что они поведали друг другу? Не было сейчас во всем мире людей, более счастливых и более несчастных, чем они. Сами звезды и небесные светила на этот миг остановили свой ход, отдавая дань уважения смертным, любовь которых заполнила ледяную бездну Вечности теплом.

Бесконечная любовь и признательность были во взгляде Деметрии, когда оперенная стрела, выпущенная Фарахом, нашла ее сердце. И когда глаза королевы умиротворенно закрылись, Фарах издал страшный стон, из его прокушенной насквозь губы потекла кровь, и он рухнул замертво.

* * *

— Он не приходил в себя целую луну, — закончил свой рассказ Рамазан. — А когда открыл глаза, то это уже были глаза не юноши, а умудренного жизнью мужа. Теперь ты понимаешь, что для Фараха значит потерять дочь! Все-таки проклятый Павлин добился своего, — горестно заключил старый воин.

— Мерзкая птица пока ничего не добилась. — Конан от ненависти закрипел зубами. — Еще не все потеряно! Главное — не терять присутствия духа. Боги всегда на стороне правого! В любом случае, выбора нет ни у вас, ни у меня, ни у девушек. Испокон веку мужчины преодолевали все препятствия, чтобы спасти любимых!

— Ты прав, горец. Да пребудет с тобой милость Птеора!

Глава четвертая

Конан шел по погруженному в предрассветные сумерки городу. Солнце еще не встало, лишь на востоке редкие облака чуть заалели. Стены красивых белокаменных зданий были подернуты розовым флером. Легкий ветерок шелестел, играя сочной листвой деревьев и султанами пальм, нежно пробежал по головкам цветов. Приветствуя наступление нового дня, пели птицы, щебетанию которых мелодичным журчанием отвечали многочисленные фонтаны. Но теперь киммериец знал истинную цену внешней красоты и обманчивого покоя. Древнее зло черной язвой разъедало сердце Кираса. Так до поры до времени скрывается отвратительное насекомое под нарядной оболочкой кокона, чтобы в один миг осквернить мир своим появлением.

Всем своим сердцем Конан ощущал приближение грозных событий. Безошибочное чутье варвара уже уловило дыхание грядущих бедствий. И как ни странно, теперь он чувствовал себя гораздо

спокойнее и увереннее, чем накануне. Какой бы сильный и хитрый враг ему ни противостоял, Конан не сомневался в своей победе. Каждая клеточка его тела была переполнена силой, льдистые глаза грозно сверкали. Что же, он сделал свой выбор!

Первым делом Конан направился в «Золотую Лозу», чтобы на месте выяснить, как исчезла Руфия. Кто знает, может быть, какая-нибудь мелочь и наведет его на след сабатеиских колдунов.

У дверей таверны дремал на табурете пожилой кряжистый шемит в пестрой галабе. Услышав шаги, он открыл глаза, но, узнав постояльца, расслабился. Конан кивнул охраннику и вошел в пустую таверну. В это раннее время посетители еще спали. Хозяина тоже не было видно — должно быть, он разливал вино в погребе, готовясь к новому суматошному дню.

Конан, бормоча под нос проклятия Юсифу в отдельности и всем колдунам, вместе взятым, поднялся по скрипучей лестнице. Он сам толком не знал, с чего начать поиски. Эх, если бы враг оказался перед ним прямо сейчас! Северянин был не мастак разгадывать головоломки, но зато прекрасно знал, что делать, очутившись с врагом лицом к лицу. Крепкий кулак и острая сталь — вот оружие настоящего мужчины! Конан всегда считал, что все эти хилые колдуны, набравшиеся черных слов из проклятых книжек, мстят всему миру за свою неполноценность.

При мысли о беззащитных девушках, Афризии и Руфии, над которыми нависла смертельная опас-

ность, Конан заскрипел зубами и так сжал кулаки, что костяшки пальцев побелели.

Киммериец подошел к дверям своей комнаты и замер как вкопанный. Из-за тяжелых дверных створок отчетливо доносились голоса. И хотя Конан не смог различить слов, было ясно, что говорили мужчины.

Двигаясь совершенно бесшумно, словно крадущийся горный лев, Конан приблизился к дверям, извлек из-за спины обоюдоострый двуручный меч кхитайской работы, выбранный им в оружейной палате дворца (Гамазан наотрез отказался выпускать горца безоружным), и перехватил клинок поудобнее. Отлично, на ловца и зверь бежит!

«Пожалуй, убивать сразу всех нет смысла, — подумал Конан. — Мертвого не допросишь. А вот уж разговорить живого особых трудностей для меня не составит!»

Киммериец сильным пинком распахнул дубовые створки и с громогласным криком, несомненно поднявшим на ноги сладко спавших обитателей других комнат, выпрыгнул на середину комнаты, готовый к любым неожиданностям. По крайней мере, так ему казалось...

Конан замер в боевой стойке: меч занесен над головой, локти разведены в стороны, полусогнутые мускулистые ноги широко расставлены. В следующий миг северянин оглушительно расхохотался.

За туалетным столиком Руфии, с которого прямо на кровать были свалены всякие женские украшения, баночки с румянами и прочие тюби-

ки и коробочки, содержимое которых для Конана всегда оставалось загадкой, сидели двое мужчин: черный и белый. Это были Тумелар и Ишмаэль.

И если кешанец успел привстать на стуле и протянуть руку к лежавшей рядом с ним сабле, то юный адепт Бела, выпучив глаза, просто замер с поднятым кубком. На его безукоризненно белую куртку текла струйка лучшего красного вина из запасов Конана.

— Конан! — выкрикнул пришедший в себя Ишмаэль, вскакивая на ноги. — Конан! — повторил он и бросился обнимать киммерийца.

— С возвращением тебя, — поклонился, по кешанским традициям прижимая руку к сердцу, более выдержанный Тумелар.

Конан даже сам удивился, какое облегчение и радость он испытал, увидев в своей комнате этих людей.

— Но почему вы здесь? И как получилось, что вы знакомы? — не стал скрывать он своего изумления. — Хотя, клянусь Вещим Вороном, вы-то мне и нужны!

— Когда я увидел, что творится в таверне, то тут же побежал за стражей, — начал рассказывать Ишмаэль. — Знаешь, я кое-что смыслю в таких вещах и сразу понял, что без колдовства тут не обошлось. А потом я шел за твоими носилками до самого дворца и из разговора дворцового лекаря с сотником стражников понял, что, по крайней мере, ты жив. Мне удалось пробраться в королевские сады, но в сам дворец я попасть не смог.

Повертевшись там до наступления темноты, я решил вернуться в «Золотую Лозу», чтобы рассказать твоей женщине, что случилось. Но, увы, я ее не застал. — Паренек развел руками. — Зато наткнулся на какого-то кешанца, который искал «такая большой-большой северянина, который зовет Конан». — Ишмаэль озорно подмигнул Тумелару, который лишь скалил белые зубы, слушая, как шемит передразнивает его. — Я разговорился с Тумеларом, и мы решили скоротать ночь за кувшинчиком вина, чтобы с утра отправляться тебя выручать.

— Один хороший человек позвал другого хорошего человека, — кивнул, соглашаясь с Ишмаэлем, кешанец. — Разве можно не прийти? Я узнаю, что этот хороший человек в беде. Разве можно не помочь? Но я вижу в твоих глазах тревогу, брат, что произошло? Это как-то связано с тем, что твоя женщина так и не появилась?

Конан кратко изложил друзьям события последней ночи.

— Слава Вещему Ворону, я спровадил колдуна на тот свет, — сплюнул под ноги киммериец, — но к тому времени он уже успел продать Руфию сабатеям. А теперь еще выяснилось, что в грязных лапах колдунов Золотого Павлина находится и принцесса Афризия. Я поклялся спасти обеих девушек и известить колдовскую пададь, — закончил он.

— Я с тобой, Конан, — опять поклонился Тумелар. — Это обещает быть интересным приключением... Кроме того, — кешанец хитро улыбнулся, — король щедро отблагодарит спасителей Афризии!

— Можешь полностью рассчитывать на меня.— В противоположность чернокожему жонглеру Ишмаэль оставался совершенно серьезным.— Бросить все и отправиться на помощь принцессе Афризии — священный долг любого гражданина Кироса!

— Отлично сказано, юноша! — раздалось из все еще распахнутых настежь дверей.

Мужчины, как один, повернулись на голос. На пороге комнаты стоял дородный шемит в роскошной одежде.

— Джилзан! — воскликнул Конан.

— Истинно так, мой неукротимый друг. Позволь мне принести тебе свои искренние соболезнования в связи с исчезновением прекрасной Руфьи... Да позволено мне будет называть офирское сокровище ее настоящим именем...

— Откуда тебе все это известно? — пораженный Конан схватился было за рукоятку меча.— Я готов был поклясться, что почтенный Рамазан будет хранить мою тайну.

На загорелом обветренном лице караванщика промелькнула улыбка.

— Ты ошибаешься, северянин! Что-либо выве-
дать у начальника стражи Рамазана не смогла бы сама Иштар. Как я тебе уже говорил, настоящий торговец должен везде иметь свои источники сведений.— Хвала Птеору, случилось так,— купец скромно потупил глаза,— что мужем моей младшей дочери оказался дворцовый колдун...

— Ну, дед, ты даешь! — присвистнул Ишмаэль.— Если бы Бел Хитроумный не призывал избегать торговли, я бы точно подался в купцы!

— Кроме того, я знаю, что ты намерен спасти Афризию. Я тоже патриот Кироса,— Джилзан кивнул Ишмаэлю,— и поэтому пришел предложить тебе любую помощь, какую в силах оказать скромный караванщик.

— Спасибо, Джилзан! — От могучего хлопка по плечу старый шемит даже присел.— Но дело в том, что я пока не знаю, где проклятые сабатеицы прячут девушек. Если бы я смог выяснить, где находится их логово...— Киммериец по-волчьи оскалился.

Выражение его ледяных, бездонных, как озера Астарда, глаз заставило поежиться всех присутствующих в комнате. На мгновение этим выдавшим многое мужчинам показалось, что под личиной грубого варвара скрывается сама смерть.

— Увы! — Джилзан погрузился.— Никому не ведомо, в какой гнусной дыре скрываются крова-
жадные твари. С помощью своих заклятий колдуны надежно укрылись от посторонних глаз. Золото — самый благородный металл, но и оно бес-
сильно против низменного колдовства... Но, быть может, ты все же в чем-то нуждаешься? Говори, не стесняйся, мой мужественный друг. Все мое — твое! — С этими словами Джилзан кинул на стол тяжелый кожаный мешок с золотом.

— Я беден, и мне нечего предложить тебе, кроме своих клинков,— гордо вскинул голову Тумелар.— Но знай, Конан, что они в твоём распоряжении!

— Я, конечно, не такой опытный воин, как Тумелар, и не так богат, как караванщик,— присоединился к остальным Ишмаэль,— но и я могу тебе кое-что предложить!

С этими словами Ишмаэль бережно извлек из-за пазухи шелковый сверток. Размотав тонкую ткань, паренек положил на стол огромный кроваво-красный самоцвет. Этот удивительно круглый камень был вделан в странную костяную оправу, украшенную непонятными резными символами, к которой крепилась тяжелая золотая цепь. Удивителен был и странный оттенок самого золота — болезненно алый, как будто его покрывала свежая кровь.

— Спасибо, друзья! — Конан был тронут до глубины души. — Это мой вызов, но я с благодарностью принимаю вашу помощь. И даже если нам всем суждено погибнуть в борьбе с проклятыми сабатеями, я уверен, мы встретимся в туманных чертогах на Бен Морге. Кром знает, что такое настоящая храбрость!

Несколько смущенный проявлением своих чувств, киммериец перевел разговор на другую тему.

— Что это такое? — спросил он у Ишмаэля, ткнув пальцем в сторону лежавшего на столе самоцвета.

— Я говорил, что мне удалось пробраться в дворцовые сады, — сказал Ишмаэль, — но не в сам дворец. Когда я уже решил уйти, на главной аллее, ведущей к Западным воротам, показалась пышная процессия. Это был принц Зебуб со своей свитой. На правах жениха Афризии он каждый вечер наносит визит будущему тестю. Я решил, что грех не воспользоваться таким случаем, чтобы незаметно покинуть сады Фараха. Скорчив надменную морду, я присоединился к свите Зебуба.

Гхазцы решили, что я какой-то мелкий служащий Фараха, направляющийся по делам в город. Так мы и прошествовали к выходу. Ты же знаешь, — Ишмаэль заговорщицки подмигнул Конану, — какая передо мной стояла задача? Но, думаю, ты догадался, что она уже решена. — Взяв самоцвет со стола, он подкинул его на ладони. — А решить ее, хвала небесам, помог случай. Не иначе как сам Бел Изобретательный дернул ветер за хвост, потому что шквал налетел совершенно внезапно. Зебуб как раз в этот миг зачем-то наклонился, и порыв ветра распахнул его куртку. Ты представляешь, Конан, что я подумал, когда мне удалось разглядеть мерцание драгоценного камня во внутреннем кармане Зебуба?

— Я подозреваю, что ты решил немедленно облегчить карман от такой тяжелой ноши, — хмыкнул киммериец.

— Точно! — признал правоту Конана паренек. — Ну, дальше все было просто, — хвастливо заявил он. — Когда Зебуб подошел к воротам, я подпихнул очень вовремя проходившего мимо павлина прямо ему под ноги. Гхазец споткнулся о глупую птицу, и, если бы не моя помощь, — Ишмаэль рассмеялся, — Его высочество растянулся бы во весь рост. Я, можно сказать, подхватил его на лету. Ну а пока принц отряхивался и ругал стражников на чем свет стоит, я как ни в чем не бывало вышел на площадь. Свернув в ближайший переулок, я помчался во весь дух в «Золотую Лозу». Жалко только, что мне не довелось увидеть выражение лица гхазского хлыща, когда он обнаружил про-

пажу, — тяжело вздохнул Ишмаэль. — Но нельзя же сразу получить все!.. Э-э-э... Ты чего? — Приверженец бога воров обернулся к Тумелару.

Конан и Джилзан, с неподдельным интересом слушавшие рассказ Ишмаэля, тоже посмотрели на кешанца.

Тумелар сидел на стуле, уставившись, как за гипнотизированный, на добычу Ишмаэля. Лицо его посерело, как будто он увидел оживший труп (кстати сказать, когда Конану довелось побывать в Кешане, он видел и не такое), и жонглер, не в силах вымолвить ни слова, лишь хрипел, тыча пальцем в сторону самоцвета.

— Да не расстраивайся ты так, — ободряюще заметил юный шемит. — Знаешь, сколько у него таких? Не обеднеет! Или ты хочешь сказать, это был свадебный подарок? — Ишмаэль задумался.

— Г... Г... — между тем хрипел Тумелар.

Схватив со стола большой кувшин с вином, он жадно к нему приник, смачивая пересохшее горло.

— Дурак! — рявкнул он наконец, вскакивая. — Ты просто не понимаешь, что попало тебе в руки!

Конан и Джилзан смотрели на Тумелара в полном недоумении, не понимая, что могло заставить так разволноваться бесшабашного и веселого кешанца.

— Вы, необразованные задницы, это же Кровавый Глаз!!!

* * *

— Вышло так, — начал Тумелар свой рассказ, когда немного успокоился, — что много-много лет

назад, когда я еще ходил в услужении у знаменитого воина-мага Ат-Хуана, мне довелось участвовать в одной необычной поездке в глубь Зембабве.

Ат-Хуан всю свою жизнь наращивал и тренировал личную Силу. Можете мне поверить, что если бы он решил следовать путем Меча или Скипетра, то мир с готовностью лег бы ему под ноги. Но он выбрал путь Силы. Так вот, — Тумелар прикрыл глаза, вспоминая дела давно минувших дней, — я тогда был наглым юнцом, усвоившим лишь пару заговоров и простых трюков с мечами, но мнил уже себя великим воином. При каждом удобном случае я старался показать учителю свои силу и ловкость.

Мы пробирались сквозь джунгли уже третью седмицу, идя к цели, известной лишь Ат-Хуану да Черным Богам, когда вышли к древним развалинам. Ни разу в жизни я до этого не видел ничего подобного. Джунгли внезапно закончились, и мы оказались на краю огромной каменной чаши. Не могу сказать вам, что это был за камень — черный и блестящий, чем-то похожий на обсидиан, но куда более прочный.

Необычные здания из этого же камня ровными рядами спускались по стенам чаши. А точно в ее середине возвышалась исполинская черная пирамида. Что за раса возвела эти строения в сердце джунглей? К мрачному городу не вело ни одной дороги, казалось, даже лесные звери и птицы старались избегать этого места.

Когда я увидел, как вспыхнули глаза Ат-Хуана, сразу понял, что именно сюда он и стремил-

ся. Я накинулся на учителя с расспросами, но он только сказал, что этот город был возведен на заре вечности народом хенаритов, не имеющим ничего общего с людьми. Помолчав, он добавил, что учителя учителей его учителей учились у последнего ученика учеников мудрецов хенаритов и что он, Ат-Хуан, потратил жизнь на то, чтобы выяснить, где находится их город.

Он наотрез отказался говорить дальше со мной на эту тему, но я так понял, что он надеялся отыскать здесь некий магический талисман, дающий возможность путешествовать между пластами бытия.

Солнце уже заходило, и Ат-Хуан велел мне разбивать лагерь на опушке джунглей. Пока я разводил костер и пытался подстрелить какую-нибудь живность на ужин, мой учитель занимался своими делами. Он приготовил отвар, который позволял его духу путешествовать вне тела. Перед тем как его выпить, Ат-Хуан строго-настрого велел мне не подходить к каменной чаше и дожидаться восхода солнца, когда его дух вернется в тело.

Я поужинал в одиночестве. Между тем солнце зашло, но я с удивлением обнаружил, что темнее не стало: все вокруг залило голубое сияние, исходящее от странного черного камня. От возбуждения я никак не мог уснуть, и вот, когда уже до рассвета оставалось совсем немного, я решился.

Повторяю, что тогда я был молод и самонадеян. Убедившись, что учитель все еще пребывает в трансе, я задумал отправиться к пирамиде и попытаться самому отыскать нужный Ат-Хуану та-

лисман. Не теряя времени, я подпоясался верными мечами и, насвистывая, пустился в путь, без малейших препятствий достиг пирамиды и прямоком направился к каменному portalу.

Но стоило мне переступить порог, как прозрачное голубоватое облачко обрушилось точно мне на голову. Я успел взмахнуть саблей, но железо прошло сквозь мерцающий туман, не причинив неведомому стражу ни малейшего вреда. В следующий миг мир в моей голове взорвался, и я потерял сознание.

Пришел я в себя на месте стоянки. Меня мучила жуткая головная боль, и я практически ничего не видел, однако ехидный смех Ат-Хуана быстро привел меня в чувство.

«Дуракам счастье,— весело сказал он.— Неужели ты думал, что это место никто не охраняет? Как ты думаешь, что происходит с незваными гостями, которые ищут здесь личную выгоду, силу или богатство? И кроме того, Страж признал мое право войти в пирамиду хенаритов. Что же, мой мальчик, поскольку ты остался жив, это для тебя будет полезным уроком».

«Учитель,— спросил я,— а ты нашел то, что искал?»

«Тумелар,— ответил Ат-Хуан,— любые поиски рано или поздно заканчиваются, хоть и не всегда так, как хотелось бы. Но да, я нашел».

Через пару дней я был уже в полном порядке. На последней ночевке, перед тем как отправиться обратно, Ат-Хуан показал мне Книгу Знаний хенаритов. Собственно, это была не совсем книга,

а невероятно могучий магический талисман, принимающий вид книги. Причем то, что там было написано, мог прочитать любой человек на известном ему языке.

«Так получилось, что последний из моих учителей погиб, прежде чем смог забрать Книгу Знаний,— сказал Ат-Хуан.— И все эти годы она дожидалась меня. Множество магов, волшебников, колдунов, чернокнижников и волхвов продали бы души Сету за обладание ею. Но теперь я собираюсь покинуть этот мир вместе с книгой, где содержатся ответы на все вопросы, которые были, будут и могут быть заданы, ибо Книга Знаний может стать источником и невероятных благ, и вечного проклятия для людей».

Я листал эту книгу до тех пор, пока не взошло солнце и Ат-Хуан у меня ее не отобрал. Большую часть времени я потратил на то, чтобы усвоить уроки забытого воинского искусства хенаритов. Это, кстати, Конан, ответ на твой вопрос, где я научился фехтовать. А потом я развлекался тем, что задавал вопросы о предметах, которые могут представлять для меня опасность. И особо мне запомнилось описание некоего зловещего самоцвета, который называется Кровавым Глазом. Он, хочу вам сказать, и есть настоящий глаз. В незапамятные времена жестокий демон, Огненная Птица, отдал один из трех своих глаз древнему черному магу, сумевшему заключить с ним союз. Чтобы угодить своему божеству, adeпты Огненной Птицы приносят человеческие жертвы. И чем больше мучений претерпевает жертва, тем больше

силы получают Огненная Птица и ее жрецы. Хвала Черным Богам, она не может являться в наш мир по своему желанию, и именно для того, чтобы ее вызвать, служит Глаз. Эта вещь — главная святыня и главный талисман кровавых маньяков. В этой книге было сказано, что Кровавый Глаз сулит для меня величайшую опасность,— закончил Тумелар.

— Птеор великий! — воскликнул Джилзан.— Да он же говорит о Золотом Павлине!

— Точно! — согласился Ишмаэль.

— Но какое отношение к проклятому камню имеет Зебуб? — удивился Конан.

— Я думаю, самое непосредственное,— решил Джилзан.— Как же иначе у него мог оказаться Глаз Павлина? Кроме того, это прекрасно объясняет и его многочисленные странности, и то, что гхазское посольство так тщательно охраняют, и то, что Рамазан до сих пор не смог найти логова сабатеицев. Никому даже в голову не могло прийти искать колдунов Золотого Павлина там, где расположилось посольство Гхазы.

— Да, но зачем он похитил Афризию накануне свадьбы? — почесал голову Конан.

— Вероятно, для него не секрет, что он не пользуется любовью горожан,— высказал предположение Джилзан.— И наоборот, жители Кироса обожают Афризию. Более того, Афризия, по слухам, даже видеть не может Зебуба. Скорее всего, он задумал околдовать принцессу. А потом он ее якобы спасет и тем самым добьется уважения в Киросе. Кроме того,— продолжил хорошо разбираю-

щийся в политике купец,— Зебуб намеревается принять от стареющего Фараха власть и потихоньку назначить на все посты своих единоверцев. Если adeptам Золотого Павлина удастся без шума захватить власть в таком мощном государстве, как Кирос, то они на пиках нашей армии понесут свою кошмарную веру всем народам Шема, насаждая ее огнем и мечом...

— Этому не бывать! — рявкнул Конан. — Я этого урода разорву на мелкие части, и мне плевать на его замыслы!.. Отлично, теперь я знаю, где находятся девушки. — Киммериец уже обдумывал, как напасть на посольство Гхазы. — Джилзан, мне понадобится твоя помощь. Ты сможешь раздобыть нам торговые пропуска в посольство?

— Даже лучше, Конан! Как раз сегодня вечером я привожу груз зерна и редких вин на посольский склад. Так вот, среди прочих товаров будут три огромные емкости с оливковым маслом. Думаю, что даже ты, Конан, поместишься в такой бочке.

— Хорошо, Джилзан, с этим решено. Ты говорил, что готов помочь мне людьми?

— Да. Отряд моих личных воинов к твоим услугам, киммериец.

— Подведи их скрытно к стене сада, что окружает посольство, и пусть они ждут моего сигнала. Мы постараемся спасти девушек без шума, но может статься и так, что нам потребуется помощь. Дальше. Насколько надежно охраняется обитель колдунов? — обратился Конан к купцу

— Я могу ответить на этот вопрос, — вмешался Тумелар. — Вполне надежно. Я как-то пытался

туда пробраться, но меня чуть не разорвали на части зингарские псы-убийцы, которых после заката выпускают в сад. Кроме того, день и ночь и у наружных ворот, и у внутренних дверей здания несут стражу караулы зуагирских и кушитских наемников. Несмотря на все мои старания, мне не удалось миновать даже наружную стражу...

Конан вопросительно посмотрел на Джилзана, но купец только развел руками:

— Я не знаю тех, кому довелось побывать внутри. Зебуб объясняет такую скрытность особенностями национальных гхазских обычаев, которые запрещают пускать посторонних в жилые помещения. Даже посольские приемы Зебуб проводит в специально снятых залах в самом Киросе. А все торговые сделки заключают в здании торгового представительства, что стоит в сотне локтей от здания посольства. Кстати, там же находятся и склады.

— Что же, решено, — подвел итоги Конан. — Мы с Ишмаэлем и Тумеларом в бочках дожидаемся на складе ночи, а потом пробираемся в посольство и спасаем девушек. Джилзан в это время со своим отрядом стоит под стенами. Мы постараемся действовать по возможности тихо, но если будет нужда, то заодно перебьем и колдунов. Если ты, — киммериец повернулся к купцу, — услышишь крики и шум битвы, вели своим людям лезть через стены и пробиваться нам на помощь.

* * *

Конан вылез из бочки, когда, по его мнению, стояла уже глубокая ночь. Чуть позже к нему

присоединились Ишмаэль с Тумеларом. В узкие зарешеченные оконца светила полная луна, бросающая яркие белые полосы на мощенный керамической плиткой пол. Стараясь двигаться как можно тише, троица обследовала помещение склада.

— Здесь только одна дверь, и она заперта на замок снаружи,— доложил Конану Тумелар.

— Что же, придется ее ломать,— скривился киммериец.— Кром беспощадный, сюда сбежится вся стража! Ну, коли так, будем пробиваться с боем...

— Подожди,— остановил киммерийца Ишмаэль.— А ну, подсадите меня,— велел он спутникам.

Те, слегка озадаченные, выполнили просьбу парнишки. Он высоко подпрыгнул на могучих плечах киммерийца и, уцепившись за край вентиляционного отверстия, подтянулся. В эту дыру, казалось, могла пролезть лишь кошка, но Ишмаэль, извернувшись совершенно невероятным образом, на глазах у изумленных приятелей ввинтился в узкий лаз.

Из темноты над головой мужчин слышались сдавленные проклятия, сопение и шуршание, и вот уже они услышали, как Ишмаэль мягко приземлился на ноги снаружи. Потом слышались возня и позвякивание металла, и вскоре дверь приоткрылась.

— Фф-фу! — выдохнул Тумелар.— Я уж боялся, что нас здесь обложат, словно крыс в норе.

— Пустяки,— нахально заявил Ишмаэль.— С таким замком справился бы даже мой дед-паралитик.

— За мной,— шепнул Конан.— Теперь нам нужно проникнуть в само здание.

Троица бесшумно, словно облачка тумана, побежала к входу в посольство. На их счастье, зингарских волкодавов не было видно: должно быть, собаки охраняли сад лишь возле ограды.

Рядом с масляными светильниками стояли два стражника. Великаны-зуагиры, вооруженные двусторонними секирами на длинных ручках, о чем-то негромко переговаривались, не забывая тем не менее внимательно смотреть по сторонам. Оба воина были одеты в алые накидки, сколотые на груди костяными фибулами в виде павлиньих перьев. Над их головами нависала раскидистая крона большого дерева.

Тумелар сделал знак друзьям остановиться и в одно мгновение взлетел по, казалось бы, совершенно гладкому стволу. Черный кешанец растворился в темноте. Сверху не раздавалось ни звука. Ишмаэль вопросительно посмотрел на киммерийца, но тот приложил палец к губам и, улыбнувшись, чиркнул ребром ладони по горлу.

Не прошло и сотни ударов сердца, как из густой листвы над головами охранников показалось лицо Тумелара. Кешанец внимательно огляделся. То, что произошло дальше, напоминало, скорее, фокус, чем реальные события. Даже Конан, которому довелось уже составить представление о смертельном искусстве черного воина, не был подготовлен к тому, что увидел своими глазами.

Кешанец неподвижно замер на длинной и не очень толстой ветке, держа в обеих руках по сабле.

Внезапно он повалился лицом вниз. Словно гигантская летучая мышь, Тумелар широко раскинул руки в стороны, зацепившись на лету за ветку носками кожаных сапог. Два неуловимых поворота кисти — так, что сабли превратились в прозрачный круг, и оба стража, не издав ни звука, начали оседать с перерезанными от уха до уха горлами. Но прежде чем их тела коснулись земли, Тумелар перекувырнулся в воздухе и, мягко приземлившись на ноги, подхватил мертвых зуагиров.

Конан и Ишмаэль, восхищенно глядевшие на приятеля, немедленно присоединились к Тумелару. Конан прислушался, но ничто не нарушало тишины. Велев Ишмаэлю снять с убитых накидки, он сам с помощью Тумелара втащил трупы охранников на дерево, где их надежно скрыла листва. Вскоре, кроме двух лужиц крови, ничто уже не напоминало о том, что здесь произошло.

— Отлично, — заколов на груди накидку, бросил Конан кешанцу. — Теперь мы можем пробраться в дом, не поднимая тревоги. — Если что — мы стражники, поймавшие вориншку. — Киммериец кивнул на Ишмаэля. — Вперед!

Бесшумно приоткрыв двери, друзья проскользнули внутрь и, перешагнув порог, оказались в просторном зале. Каменные стены были обиты толстыми деревянными панелями и украшены тяжелыми плюшевыми портьерами с кистями. Вдоль них шли ряды вешалок для одежды и удобные скамьи, тоже обитые плюшем. Прямо напротив входа, скрытая занавесью, находилась еще одна дверь.

Конан прижался к золотистому дереву ухом и прислушался. Ни малейшего звука. Он осторожно потянул дверь на себя, просунул в образовавшуюся щель голову и быстро огляделся.

Направо и налево от него тянулся длинный коридор, по обеим сторонам которого располагались двери. Коридор был ярко освещен масляными светильниками — настенными бронзовыми чашами в виде человеческих черепов, расположенными не далее полудюжины локтей друг от друга.

Убедившись, что коридор пуст, Конан махнул рукой Ишмаэлю и Тумелару.

— И куда теперь? — поинтересовался Тумелар.

Но не успел киммериец открыть рот, как за одной из дверей послышались шаги и звук голосов.

Не раздумывая ни мгновения, Конан вытолкнул шемита обратно, шепнув: «Прячься!», — а сам замер у входа. Тумелар, с полуслова понявший киммерийца, занял место с другой стороны двери.

Едва Ишмаэль успел юркнуть за ближайшую портьеру, как тяжелые створки одной из дверей распахнулись и коридор наполнился людьми.

Процессия примерно из двух дюжин адептов Золотого Павлина неспешно двинулась в сторону Конана и Тумелара. Здесь были люди чуть ли не всех рас Хайбории: и желтоликие стигийцы, и черные кушиты, и горбоносые шемиты, и раскосые кхитайцы, и узкоглазые зуагиры, и белокурые гиперборейцы. Но все они были облачены в такие же алые накидки, что и Конан с Тумеларом, правда с золотой оторочкой. Кроме костяных павлиньих перьев их украшали ожерелья из фаланг человечес-

ких пальцев. А к поясам, судя по всему изготовленным из человеческой кожи, были подвешены различные мумифицированные человеческие органы.

Равнодушно скользнув взглядом по лицам «стражников», возглавлявшие процессию два колдуна продолжили свою беседу.

— ...Грядет время последнего жертвоприношения, — что-то настойчиво втолковывал один сабатец другому. — Еще немного, и души избранных жертв проложат путь Повелителю Пламени! Никто тогда не сможет остановить нашу победную поступь! О, близок миг нашей мести! Трижды прав был мудрый Зебуб, собравший сотни уцелевших братьев со всех концов мира!

— Истинно так, Боршат. Сразу же после свадьбы Зебуба мы проведем *должную* подготовку армии Кироса. Никто не устоит перед силой Золотого Павлина. Все эти жалкие ничтожества, поклоняющиеся своему Птеору, десятилетиями притеснявшие наш орден, сполна испытают ярость гнева Огненной Птицы!

— Ненавистный Фарах, недолго тебе радоваться! — зашипел Боршат. — Наслаждайся своей ничемной жизнью, пока можешь. Скоро и ты, и твои проклятые девки укрепите своей плотью и душами мощь Золотого Павлина!

— Не шибко-то он может и радоваться, — злобно скривился его собеседник. — Душа пустоголового Фараха сейчас томится в глазе Огненной Птицы. Старый дурак даже не заметил, как его околдовали. Этот пес теперь — просто безмозглая ма рионетка в руках Зебуба, которого он боготворит!

— Торгон, я слышал, что принцесса Аффризия — не такая легкая добыча, как ее отец.

— Ничего, и не таких обламывали. Погоди, пока не явится наш господин! Ты еще увидишь, насколько ему по вкусу придется это совершенное тело!

— Если от девки что-нибудь останется после того, как Зебуб возьмется за нее по-настоящему! — сладострастно облизнулся Боршат.

— Тут ты прав. — Торгон уважительно склонил голову. — Недаром он возглавляет нас уже пятнадцать лет! Мне остается лишь мечтать хоть когда-нибудь приблизиться к его мастерству Владыки Боли!

— Отменно сказано, брат! — всплеснул руками Боршат. — Но поспешим же, ибо сам принц будет проводить ритуал вызова Золотого Павлина. И кто знает, может быть, именно сегодня Огненная Птица соизволит отозваться на наш зов? Эта новая рыжая сучка — лакомый кусочек!

— Это точно! — Торгон подмигнул своему собеседнику и пихнул его в бок. — Не забудь, что Зебуб дает всем показать свое умение. Я ради такого случая разработал пару новых приемчиков! — Глазки колдуна маслянисто заблестели. — Не понимаю, как принцу удалось этого добиться, но агонии прошлой жертвы он растянул на целый день и половину ночи!

— Эта рыжая — тоже тварь здоровая. Могу поспорить, что из нее удастся вытянуть не менее дюжины локтей кишок!

При этих словах киммериец напрягся. Бедная Руфия!

В это время колдуны как раз поравнялись с Конаном. Кром всемогущий, что это?! На поясе у того, которого называли Боршатом, киммериец с ужасом разглядел сморщенное мумифицированное тельце ребенка. У Конана от ярости перехватило дыхание. Его глаза застилала кровавая пелена гнева. Никто даже представить себе не мог, какие душевные муки сейчас испытывал варвар, заставляя себя оставаться неподвижным. Больше всего ему хотелось обрушиться на это колдовское отребье и разорвать их зубами на мелкие части!

Ему помогла удержать себя в руках лишь мысль о том, что жизни даже пары дюжин колдунов вовсе не стоят жизни одной Руфии!

«Кром, прими мою клятву! — произнес про себя киммериец. — Я не допущу, чтобы хоть одна из этих бестий оскверняла своим дыханием чистые небеса! Это не люди, а демоны в человеческом обличье. Они даже хуже оборотней Ванахейма! Я не покину этот несчастный город до тех пор, пока в нем остается хотя бы один почитатель Огненной Птицы!»

Тем временем процессия удалялась. Слегка успокоившийся Конан с каменным лицом слушал описания пыток и мучений, которыми делились между собой жрецы. Эти твари не представляли для киммерийца ни малейшего интереса. Все они уже были мертвецами. Конан уже вынес им приговор и был полон решимости привести его в исполнение, чего бы это ему ни стоило.

Когда Боршат и Торгон поравнялись с седьмым от Конана светильником, они остановились. Бор-

шат особым образом нажал на бронзовую челюсть черепа-чаши, и часть пола бесшумно ушла вниз, открывая широкую лестницу. Жрецы один за другим спустились вниз. Конан с Тумеларом опять остались одни.

— Ишмаэль! — позвал киммериец.

— Я здесь, Конан. — Паренок легко спрыгнул с какого-то выступа под потолком, где под защитой тяжелых штор нашел себе надежное убежище.

— Значит, так, ты должен выбраться наружу и найти людей Джилзана. Отправляйтесь с караванчиком во дворец и расскажите Рамазану, что мы нашли логово сабателей. Скажите ему, что этой ночью все почитатели Павлина собрались в одном месте. Я не знаю точно, сколько здесь этих мерзавцев, но уж явно не менее нескольких сотен. Объясните почтенному начальнику стражи, что именно Зебуб возглавляет орден Золотого Павлина и что проклятый гхазец готовится захватить власть в Киресе. Кроме того, ему нужно принять во внимание, что принц околдовал Фараха, поэтому королю ни в коем случае нельзя знать, что происходит на самом деле.

— И как я заставляю Рамазана поверить в эту историю? — Ишмаэль вопросительно посмотрел на Конана.

— Пусть это сделает Джилзан, — пожал плечами киммериец. — Думаю, он сумеет. Как бы там ни было, пускай Рамазан как можно быстрее стягивает своих Барсов вокруг посольства. Если потребуется, пусть возьмет на себя и управление войсками. — Конан кровожадно ухмыльнулся: — Нельзя

допустить, чтобы хоть один из этих палачей дожид до утра. А мы с Тумеларом отправляемся спасать Руфию и Аффризию. Кроме нас, им сейчас помочь некому. Мы постараемся продержаться до вашего прибытия, но, прошу тебя, поторопись!

— Я буду быстр, как Бел Легконогий! — ответил Ишмаэль и, пожав на прощание руки друзьям, выскочил из посольства.

Убедившись, что Ишмаэль растворился в темноте, киммериец и его чернокожий спутник, проверив вооружение, направились к нужному светильнику. Конан положил руку на бронзовую челюсть и повторил движение Боршата. Пол под ногами едва заметно задрожал, и часть его опустилась, превратившись в своеобразный лестничный пролет.

Едва Конан и Тумелар его миновали, за их спинами послышался легкий рокот и каменный блок беззвучно встал на место. Мужчины кивнули друг другу и начали спускаться в неизвестность.

Глава пятая

Конан с Тумеларом едва не заблудились в каменном лабиринте. Разветвленная сеть подземных переходов пронизывала землю под посольством Гхазы, как дырочки сыр. На счастье спутников, коридоры были освещены множеством светильников. Но несколько раз они натякались на неосвещенные проходы.

Конан гадал, не по этим ли подземным ходам, которые могли тянуться на бесконечные лиги, в Кирос, как стервятники на запах мертвечины, со всей Хайбории стекались поклонники Золотого Павлина.

Нетерпеливый киммериец с трудом сдерживал ярость. Казалось бы, цель уже так близка, и вот теперь они с Тумеларом, словно слепые котята, без толку тыкались носом в каменные стены. Он понимал, что время сейчас на их стороне (Конан надеялся, что Ишмаэль и Джилзан справятся со своей задачей и Рамазан подоспеет вовремя), но и не переставал с ужасом думать о том, что, может

быть, именно вот в этот миг живодер Зебуб терзает нежную плоть его возлюбленной.

И когда казалось, что отчаяние разорвет киммерийца изнутри, словно прокисшее вино — худой бурдюк, Тумелар крепко схватил его за руку и прошептал:

— Конан, я слышу голоса!

Друзья бесшумно устремились на звук. Хвала небесам, они не ошиблись в выборе направления и, миновав всего несколько поворотов, настигли группу людей в алых накидках, но решили следовать за ними на расстоянии. К сожалению, Конан не слышал, о чем переговаривались жрецы, но какое-то первобытное чувство заставляло его не подходить ближе.

Должно быть, сам Кром заставил киммерийца проявить подобную осторожность. Едва они прошли очередной поворот, как каменный коридор закончился довольно обширным залом, поперек которого замерла шеренга безмолвных стражников. В трех шагах за их спинами стояла вторая.

Одного взгляда на неподвижных воинов хватило Конану, чтобы понять, что это были за создания.

— Зомби! — прошептал Тумелар. У себя дома кешанец тоже встречался с лишенными душ несчастными, вынужденными выполнять любую прихоть хозяина-колдуна.

— Кром их разорви! — сплюнул на каменный пол киммериец. — Чтобы миновать эти ходячие деревяшки, придется разрубить их на мелкие кусочки! Они совершенно лишены чувства самосохранения и безразличны к боли!

Тем временем adeпты Огненной Птицы достигли стражи. Идущий первым сабатеец прижал кулак к фибуле, служившей, судя по всему, и опознавательным знаком-пропуском, и громко произнес:

— Во имя Огненного Божества, Повелителя Боли, имя которому Золотой Павлин!

Стражники безмолвно расступились, освобождая проход.

Дождавшись, пока колдуны войдут в высокую каменную арку, Конан дернул Тумелара за рукав и решительно направился вперед. Кешанцу не оставалось ничего другого, как последовать за киммерийцем.

Остановившись за несколько шагов до ошетилившегося стальными лезвиями ряда сабатейских марионеток, Конан приложил свой огромный кулак к костяному перу и, недобро усмехаясь, повторил идиотскую фразу.

Воины-зомби послушно расступились, и Конан бесстрашно шагнул под арку. Тумелар, на лице которого от напряжения выступил пот, поспешил за ним.

— Разве нужно было так рисковать? — яростно зашептал он ему в спину.

Конан, не поворачиваясь, пожал плечами и так же тихо ответил:

— Теперь ты сам знаешь ответ.

Тумелар тихонечко засмеялся:

— Ну ты даешь, варвар! Таких трюков не выкидывал даже сам Ат-Хуан. А уж более непредсказуемого человека, чем он, мне встречать не до-

водилось! Не иначе как твой Кром лично тебя опекает.

— Да,— Конан был совершенно серьезен.— Повелитель Бен Морга любит храбрецов.

Еще пара шагов, и они оказались в огромном сводчатом зале.

Так много народа Конан увидеть не ожидал. Люди всех рас и возрастов, наряженные в одинаковые алые накидки, заполняли исполинское помещение, как зернышки гранат. Коленопреклоненные жрецы, сомкнув ряды, несли какую-то тарбарщину, обратив лики к стоявшему на возвышении странному тройному алтарю. Конан немало повидал храмов и других диковинных мест, где люди всевозможных верований справляли свои обряды, но такое ему довелось лицезреть впервые.

От подножия тяжелого каменного столба высотой в человеческий рост отходили три изогнутые плиты, до блеска отполированные. В месте, где плиты соединялись со столбом, была выдолблена ниша. Пока она была пуста, но Конан живо представил, как текущая по страшному жертвеннику кровь капля за каплей заполняет это углубление. Прямо над колодцем, словно фаллос какого-нибудь отвратительного демона, из каменной тумбы выступал каменный стержень.

На блестящих плитах, что отходили от непристойного жертвенника, лежали три обнаженные девушки, прикованные за кисти рук и лодыжки железными цепями. Те, что находились на боковых лепестках этого цветка Ужаса, судорожно извивались, словно стараясь слиться с холодным

камнем. Девушка же, что была прикована к средней плите, не шевелилась. Ничуть не смущенная своей наготой, белокожая красавица всей своей позой выражала презрение к пленившим ее кровавым палачам. Рыжие кудри рассыпались по ее прекрасным плечам. Это была Руфия.

Конан заскрипел зубами от бешеной злобы.

На краю каменного возвышения, повернувшись спиной к алтарю, стоял широкоплечий мужчина. В отличие от взывавших к своему нечестивому божеству жрецов он был обряжен не в алую, а в золотую накидку. Конан готов был поклясться, что время от времени по его одеянию пробегали языки пламени. Лицо жреца скрывала маска в виде черепа, изготовленная из уже знакомого киммерийцу алого золота. Это не мог быть никто иной, как Зебуб.

«Да, проклятый колдун,— подумал киммериец.— Ты поработал на славу. Но не учел лишь одного. Меня. И не будь я Конаном из Киммерии, если допущу, чтобы какой-то злобный жрец мерзкого демона пришел к власти за счет жизни женщины. Тем более моей!»

Чтобы не привлекать внимания соседей, Тумелар и Конан тоже начали бормотать под нос какую-то чушь, стараясь попадать в такт зловещему песнопению.

Зебуб воздел руки, и адепты Золотого Павлила мгновенно затихли.

— Братья, вы знаете, для чего мы здесь собрались.— Зебуб говорил вроде негромко, но его исполненный торжества и уверенности в себе голос

отчетливо был слышен во всех концах зала.— Сегодня общими усилиями мы наконец откроем путь Золотому Павлину!

— Слава Огненной Птице! — взорвалась в приветственном реве толпа.

— Когда тысячи лет назад Повелитель Боли смог переправить свой третий глаз великому магу Улхашу, он предвидел, что наступит мгновение, когда он своим сиянием заставит содрогнуться этот мир. И вот близится миг нашего торжества! Завтра я вступаю в брак с отродьем Фараха, а через седмицу Шем падет к нашим ногам, словно перезрелая смоква! — Голос Зебуба зазвенел от напряжения.— А еще через одну луну легионы наших бойцов, которым Огненная Птица предаст демоническую силу и неуязвимость, прокатятся по всей Хайбории. И из пепла этого никчемного мирка, удобренного кровью поклоняющихся ничтожному Птеору людишек, родится истинно великая культура Золотого Павлина! И мы, его верные слуги, поведем избранных по пути высшей истины!

Колдуны, потрясая кулаками, разразились многоголосым воем, в котором уже не слышалось ничего человеческого.

Не успели друзья обсудить, что делать дальше, как события начали стремительно развиваться.

— Случилось так,— продолжил Зебуб,— что сегодня Глаз Павлина был похищен.

Внезапно наступила полная тишина.

— Но ничего страшного не произошло.— Голос гхаэца источал ненависть и дикую злобу.— Более того, и этот поступок пока неизвестного воришки

послужит к вящей славе Грядущего! Почувствуйте силу Огненной Птицы, братья! Глаз Павлина сам найдет путь ко мне!

С этими словами Зебуб повернулся к алтарю.

— Внемли мне, Господин! Повелитель Огненной Боли, что в вечном сумраке изнанки мира озаряет мироздание, наполни мои слова силой,— нараспев произнес он.— Я чувствую, что Глаз Павлина где-то рядом! Повелитель, опусти край своей тени на богохульника, дерзнувшего бросить тебе вызов!

Словно по волшебству, в одной его руке появился пучок длинных тонких металлических клингов, а в другой — изогнутый нож. Зал вновь наполнил гул тысяч голосов, и, прежде чем Конан успел что-либо предпринять, жрец темного божества, выкрикивая слова какого-то заклинания, с ужасающей силой стал вонзать острые металлические шипы в тело девушки, что находилась справа.

Черноволосая шемитка зашлась в страшном крике. Конан даже не думал, что живое существо может так кричать. Словно огненный шар взорвался в голове киммерийца. Он вскочил на ноги, желая лишь одного — убить этого демона. Но не успел Конан обнажить свой меч, как почувствовал, что его ноги наливаются непреодолимой тяжестью.

На груди киммерийца, где в кожаном мешочке висела добыча Ишмаэля, начало разгораться красное сияние. Будто алые волны, прокатывались по могучему телу северянина языки пламени. И странное это было пламя. Холодное, как поцелуй

смерти, оно наполняло неопишуемой болью каждую клеточку его тела.

Недюжинной силы северянина хватило лишь на то, чтобы выдохнуть в сторону Тумелара:

— Время... Жди сколько можешь...

Чужая враждебная воля сжимала мозг киммерийца раскаленными щипцами. Руки Конана бесильно опустились, из разжатых пальцев выпал тяжелый меч. В тишине, нарушаемой лишь выкриками Зебуба, стальной лязг прозвучал особенно громко. Жрецы, находившиеся между киммерийцем и алтарем, поднимались с колен, освобождая проход Конану.

На варвара обрушился град насмешек, ударов, плевков. словно стая гиен, наткнувшись на умирающего льва, сабательские выкормыши глумились над околдованной жертвой.

Лишь Зебуб не разделял всеобщего ликования. Гхазец даже не замечал того, что происходило за его спиной. Он продолжал кромсать нежное девичье тело, заставляя несчастную корчиться в страшных судорогах. Вот уже первые ручейки потекли по алтарю. И с каждым криком боли истязаемой жертвы, с каждой новой каплей ее крови усиливалось злобное давление на разум киммерийца.

Конан вел страшный поединок с собственным телом, которое отказывалось ему повиноваться, отчаянно сопротивлялся враждебной воле, сражаясь за каждый шаг, но силы киммерийца убывали. Судорожно подергиваясь, шатаясь, то замирая на месте, то пригибаясь к земле, он неумолимо приближался к алтарю.

Он не мог сказать, сколько прошло времени, но настал миг, когда Конан обнаружил себя стоящим лицом к лицу с проклятым Зебубом. Колдун был ростом по грудь рослому киммерийцу. Гхазцу пришлось привстать на цыпочки, когда он рванул накидку с плеч Конана и, оставляя на груди северянина кровавые следы, сорвал с него мешочек с Глазом Павлина.

Как только варвар расстался со страшным украшением, к нему вернулась способность ясно мыслить. Но не двигаться. Киммериец не заметил, когда это произошло, но теперь он оказался крепко привязан к каменному столбу. Кроме того, каждый мускул его тела болел так, как будто по нему прокатилась горная лавина.

Вывернув до предела голову вправо или влево, он мог видеть распятых девушек, но Руфия находилась точно за его спиной. Не в состоянии ободрить ее взглядом, он смог лишь сказать:

— Держись, милая. Я с тобой, теперь все будет в порядке!

— Я так и знала, мой герой, что ты меня не оставишь,— слабо усмехнулась Руфия.

Конан позавидовал невероятным самообладанию и мужеству девушки.

— Братья, Огненная Птица скоро снизойдет к нам! — Потрясая камнем, кричал Зебуб.

— Кровь и души для нашего Господина! — ревели обезумевшая толпа. — Кровь и души!!!

Конан, едва сдерживая тошноту, отвернулся от Зебуба, но до его слуха доносились отвратительные хлюпающие звуки, страшные хрипы девушки,

которая уже не могла кричать, и сладострастное сопение палача. Воздух был наполнен сладковатым запахом крови. И сейчас киммерийца совершенно не волновала его собственная судьба. Он был готов заложить душу, лишь бы избавить невинных девушек от запредельных страданий.

— Кровь и души!!! — Казалось, от дикого крика содрогались основы мироздания.

Конан услышал шаги и повернул голову. Прямо перед ним стоял Зебуб. Золотое одеяние жреца было заляпано кровью, кровавые потеки покрывали даже золотую маску. Варвар вздрогнул. Нет, стоявшее перед ним существо никак не могло быть рождено женщиной!

— Я вижу, хвастун Юсиф потерпел неудачу, — в притворном удивлении покачал головой Зебуб. — Поздравляю тебя! Буду с тобой откровенен. — Гхазец мерзко хихикнул. — Ты правильно сделал, что прихлопнул это змеиное отродье! Огненная Птица всегда не могла терпеть Змея.

Конан лишь с ненавистью смотрел в лицо Зебуба, не в силах даже плюнуть в это исчадие Тьмы: от неимоверного напряжения у него совершенно пересохло в горле.

— Какой взгляд! — вновь закудаhtал Зебуб. — Представляю, как ты будешь пучить глазки, когда увидишь, что я буду проделывать с твоей рыжеволосой сукой!

— Я убью тебя, — просто сказал Конан.

И такая уверенность прозвучала в его голосе, что колдун отшатнулся. Впрочем, он мгновенно опомнился.

— Не думаю, — издевательски покачал он головой. — Но можешь быть уверен, когда я проведу твою душу через все закоулки преисподней и ты станешь моим цепным псом, я дам тебе кого-нибудь убить. Например, какого-нибудь пухленького и розового младенца. — Зебуб зашелся злобным смехом. — Более того, ты смржешь даже его съесть! Впрочем, — колдун перестал смеяться, — у тебя есть выбор. Испей жертвенной крови, принеси клятву верности Золотому Павлину и вырви сердце у этой рыжеволосой девки. — Он махнул рукой в сторону Руфии.

Конан рванулся, из его прокушенной губы потек ручеек крови.

— Ну что же, глупец, — пожал плечами Зебуб. — Ты сделал свой выбор.

Гхазец щелкнул пальцами, и к нему подошли два огромных шемита с мертвыми глазами.

— Поставьте его перед алтарем, — велел он своим зомби. — Ты все равно будешь смотреть, как твоя баба превращается в кровавое месиво под моим ножом, варвар, — бросил он киммерийцу. — И первым поприветствуешь Золотого Павлина.

Равнодушные зомби скрутили Конану руки за спиной и проволокали его вокруг алтаря. Теперь наконец он смог посмотреть на Руфию. Несмотря ни на что, его подруга была все так же прекрасна.

— Все будет в порядке, — повторил девушке Конан.

— Это точно, — кивнул Зебуб. — Однако пора начинать... — Гхазец повернулся к пастве и вскинул руки. — Кровь и души! — страшно выкрикнул он

— Кровь и души!!! — взревели адепты Золотого Павлина в ответ.

Зебуб подошел к левой плите. Прикованная к жуткому алтарю девушка тихонько заскулила. Гхазец снял с шеи Глаз Павлина и положил его девушке на живот. Воздев руки к высокому сводчатому куполу, он начал на неведомом Конану языке выкрикивать странно звучащие слова.

Не в силах даже пошевелиться, Конан с ужасом следил, как кровавый камень наливается багровым светом. И чем ярче становилось это злое сияние, тем больше сморщивалась плоть несчастной жертвы. До конца дней своих не забыть ему выражения глаз девушки, бессильно взиравшей, как ее упругая плоть превращается в серый пепел. Хвала Крому, ее агония продлилась недолго. Прошло лишь несколько мгновений, и на потерявшей было блеск каменной плите остался лишь страшный амулет Зебуба, лежавший на кучке серого праха.

Теперь это действительно был глаз, и, встретившись с ним взглядом, киммериец содрогнулся до глубины души: в нем не было ничего человеческого. Лишь запредельная злоба и жестокость, какой до этого мига не было места под Оком Митры.

С каждым новым словом Зебуба киммериец ощущал, как в воздухе нарастает присутствие некоего абсолютного Зла. Вскоре он смог уже разглядеть выросший над алтарем полупрозрачный силуэт демона. Золотой Павлин менял форму, словно был соткан из языков пламени, но можно было различить неописуемо уродливую голову, увенчан-

ную короной из павлиньих перьев. Время от времени за спиной демона разворачивались отвратительные кожистые крылья, и тогда открывались спутанные клубки щупальцев, раскиданных по всему его телу. На отвратительное складчатое чешуйчатое брюхо свисало ожерелье из человеческих черепов всех размеров.

— Ну что, варвар, вот ты и встретился с моим Богом. Он — моя вера! Но где же твои хилые боги? — оскалился Зебуб. — Преклони, пока не поздно, колени пред истинным Повелителем!

— Клянусь Кромом, я еще увижу, как и тебя, и твою летающую собаку разорвет на мелкие кусочки! — плюнул в колдуна Конан. — И сколь бы много ни было этих кусочков, для каждого из них найдется во владениях Нергала достойное местечко!

Зебуб безумно расхохотался:

— Глупец! Я сам теперь буду хозяином Страны Мертвых, в которую превратится этот дурацкий мир! А потом, глядишь, доберусь и до жалких трусливых небожителей! Во вселенной будет лишь один бог — Золотой Павлин, и я — пророк его! Врата открыты, варвар! — Глаза Зебуба подернулись алой муťou. Речь его было все труднее различить, а золотая накидка неестественно раздувалась, словно тело колдуна под ней претерпевало жуткие изменения. — Последняя жертва, и установится царствие Огненной Птицы. Боль и ужас — вот та пища, в которой по-настоящему нуждается мой Господин! А теперь смотри, несчастный, и ужасайся! Никто уже не в силах остановить Золотого Павлина!!!

Зебуб, встав над Руфией, воздел к полупрозрачному силуэту обе руки. В правой был зажат кривой нож, а в левой — Глаз Павлина. С пальцев обеих рук гхазца слетали языки пламени. С места, на котором стоял Конан, можно было видеть, что ноги колдуна на ладонь оторвались от камня. Сила Зебуба прибывала с каждым ударом сердца. Золотой Павлин приближался, одну за другой разбивая преграды, отделявшие его мир от мира людей. Остальные жрецы впали в транс, совместными усилиями прокладывая путь своему нечестивому божеству.

Конан бессильно извивался в руках удерживавших его зомби. Он ничего не мог поделать. Руфия, закусив губу, глядела киммерийцу прямо в глаза. И вот, достигнув верхней точки, рука Зебуба с жертвенным ножом устремилась прямо к животу девушки.

Время остановилось для Конана. Киммериец не сводил безумного взгляда с черного острия, медленно, но неумолимо опускавшегося на его возлюбленную. И когда кривое лезвие отделяло от гладкой кожи девушки лишь пол-ладони, случилось чудо.

Тумелар, все это время незаметно пробиравшийся к алтарному возвышению, ринулся в бой. Черной молнией взметнулось в воздух мускулистое тело кешанца. Нет, ни один человек, кроме Тумелара, освоившего боевые приемы хенаритов, не смог бы сделать то, чего удалось добиться ему.

Конан не смог разглядеть движений друга, он лишь почувствовал дуновение ветерка, когда Ту-

мелар еще на лету перерубил веревки, опутывавшие его кисти. Длинная сабля кешанца словно обрела свою жизнь, и острое лезвие, едва заметно качнувшись, легко перерубило шейные позвонки одного из зомби, который держал варвара.

В душе Конана вновь вспыхнула надежда. Он был готов к чуду, ждал его, чего нельзя было сказать о Зебубе и его присных. В следующее мгновение киммериец одним чудовищным ударом кулака размозил череп великану-шемиту, затем сильнейшим пинком отправил тело зомби с каменного возвышения прямо на головы впавших в транс жрецов и тут же рванулся к алтарю.

С Руфией было все в порядке. Пронзивший Зебуба удар тяжелой кешанской сабли Тумелара оказался настолько силен, что откинул колдуна на полдюжины локтей в сторону. Не теряя времени на то, чтобы посмотреть, что стало с гхазским принцем, Конан подхватил с камня свой меч и двумя ударами сбил с рыжеволосой красавицы цепи. Лишь после того, как девушка была свободна, Конан подскочил к Тумелару и крепко обнял кешанца.

У подножия возвышения творилось что-то невообразимое. Колдуны с криками метались по залу, а большинство из них вообще не могли понять, что произошло.

— Ты сделал это, брат! — Киммериец в восторге хлопал чернокожего воина по спине.

Внезапно Руфия в ужасе закричала. Мужчины, вскинув клинки, обернулись.

— Кром великий! — слетело с губ Конана.

Оживший Зебуб висел в воздухе. С демоническим смехом колдун запустил руку, как будто в ней не было костей, себе за спину и медленно вытянул пронзивший его насквозь тяжелый клинок.

— Тупые животные! — взревел гхазец. — Смертные букашки! Вы решили испытать мою силу?!

Пальцы Зебуба сжались, сминая крепчайшую сталь, словно лист бумаги. Еще пара движений, и он небрежно стряхнул наземь горстку стального крошева.

— Я непобедим! — взревел колдун, запрокидывая голову. Он повернулся к кешанцу и уставился лишенными белков глазами на Тумелара. — Ты будешь первым, кого я свергну в пучину страданий, червь! — С каждым словом из неестественно растянутаго рта Зебуба вылетал сноп пламени.

Его рука удлинилась на десяток локтей, и Зебуб схватил чернокожего воина за горло. Легкое движение кисти — и рослый кешанец врезался в каменный алтарь. Глаза колдуна полыхнули красным, а из сложенных щепотью пальцев слетела молния.

Окровавленный Тумелар успел откатиться в сторону, и огонь лишь коснулся его бока, превратив пустую каменную плиту в груды щебня. Алтарь пошатнулся и медленно стал заваливаться набок. Каменная тумба наклонялась все больше и больше, и наконец с чудовищным грохотом все сооружение сверзилось с алтарного возвышения вниз, давя и калеча находившихся под ним почитателей Золотого Павлина.

Конан подхватил Руфию и отпрыгнул с девушкой за груды камней, ища хоть какое-нибудь укрытие. Через мгновение к нему присоединился Тумелар. Он держался за бок, из-под обугленной накидки сочилась кровь. С каждым вздохом на губах кешанца лопались розовые пузыри, но тем не менее он был жив.

Больше не обращая ни на кого внимания, Зебуб возносил свои богомерзкие молитвы. Тело Золотого Павлина становилось все осязаемее, наливаясь нестерпимым свечением. Между демоном и его жрецом все чаще проскакивали молнии.

Остальные жрецы все еще метались по залу, как безумные. Одни впали в транс, другие пытались пробиться к залитому огнем возвышению, чтобы уничтожить святотатцев. Если бы они не мешали друг другу, то этот людской вал захлестнул бы друзей в одно мгновение.

— Следи за Руфией, — приказал Конан раненому Тумелару, а сам, ухватив меч понадежнее, бросился к Зебубу.

Варвар, пускай и ценой своей жизни, намеревался помешать колдуну осуществить его замысел — свергнуть мир в узилище Зла.

— Кро-о-о-м!!! — перекрывая рев огня и крики колдунов, взлетел над помостом боевой клич Конана. Киммериец крепче уперся ногами в помост и, вкладывая в удар все свои силы и ненависть к этому созданию, обрушил меч на колдуна.

Ах, как был он близок к заветной цели! Какой бы демонической силой ни обладал Зебуб, но, упав на колени, он издал жуткий крик боли, когда тяже-

лое лезвие опустилось на его плечо, сокрушая преобразившуюся плоть. Левая рука колдуна, в которой был зажат Глаз Павлина, отделилась от тела и упала на залитые кровью обутленные плиты.

Разжавшиеся пальцы выпустили страшный самоцвет, и глаз божества откатился далеко в сторону.

Рука колдуна, извиваясь, как бодотная пиявка, поползла к своему хозяину. Длинные жуткие когти глубоко впились в гранит, подтаскивая себя к скорчившемуся от нестерпимой боли Зебубу.

Конан вновь замахнулся мечом, но удара завершить не успел.

Зебуб, шатаясь, поднялся на ноги и повернулся к киммерийцу.

— Архан диблак ум вергац! — выкрикнул гхаец, и Конан, сбитый с ног ударом невероятной силы, покатился по камням прямо под ноги Руфии и Тумелару.

Ребра киммерийца затрещали, изо рта хлынула кровь. Вряд ли кто-либо другой, не обладающий крепостью костей и мышц горца, остался бы жив после такого потрясения.

Сил Конана хватило лишь на то, чтобы, встав на одно колено, отмахиваться от опомнившихся жрецов. В голове у него звенело, перед глазами плыли цветные пятна, но киммериец раз за разом отражал удары сабателейцев. Каждый его выпад находил свою жертву. И если сперва варвар убивал паству Золотого Павлина голыми руками — его меч валялся у ног Зебуба, — то потом северянину удалось завладеть коротким широким коринфским мечом.

Двое израненных мужчин и обнаженная девушка сдерживали напор десятков и десятков разъяренных колдунов.

Раз за разом находил цель меч Конана, со свистом рассекала вражескую плоть сабля Тумелара, словно стальной коготь, рвал тела кинжал Руфии, но натиск жрецов не ослабевал.

Вокруг них уже громоздились горы трупов. Они были покрыты с ног до головы кровью, как своей, так и чужой, а над ними парил полупрозрачный огненнокрылый силуэт Золотого Павлина. Глаза демона пылали злобным торжеством. Темного Бога не волновали судьбы людишек. Скоро в его власти окажутся миллионы подобных козлов!

И вдруг сквозь звон в ушах Конан услышал рев.

— Фарах! Фарах! Фарах! — Перепуганное эхо отскакивало от каменных стен.

Воспользовавшись тем, что натиск врагов на мгновение ослаб, Конан огляделся по сторонам.

Смяв цепочку зомби у входа, в арку вливался отряд Барсов Рамазана. Мгновенно оценив обстановку, они клином устремились в атаку, пробираясь к алтарю на помощь Конану. За ними появились и бойцы регулярной армии Кироса. Закованные в броню ветераны, прошедшие горнило множества битв, рассыпались вдоль стен, окружая зал. Боевые клики шемитов смешались с ревом колдунов.

— Я же говорил, что все будет в порядке! — прохрипел Конан, обращаясь к Руфии. Подхватив

железной рукой начавшего оседать на пол Тумелара, он приказал кешанцу: — Держись! Идет помощь!

Тумелар, изо рта которого текла струйка крови, благодарно кивнул.

— Позаботься о моих женщинах... — просипел он.

— Ты сможешь это сделать лучше меня. — Конан сжал плечо друга.

— Права была мудрая книга... — Чернокожий воин покачал головой. — Нужно мне было держаться подальше от этого камня...

Руфия поддержала кешанца с другой стороны и ободряюще улыбнулась ему. Грудь рыжеволосой красавицы бурно вздымалась.

— Будет здорово умереть вместе с такими героями, Амра, — выдохнула она. — Я ни о чем не жалею... Мне есть что вспомнить в жизни!

— Чушь! — рявкнул Конан в ответ. — Кто здесь говорит о смерти? Смерть!? Смерть придумали трусы! Есть только вечный бой! Пока ты сражаешься, ты жив! Что бы там ни говорил Рамазан насчет доблести и чести, доблесть — это убить как можно больше злобных тварей! Честь — войти в чертоги Крома с ног до головы покрытым кровью врагов!

И настолько сильна была его вера, что и Руфия, и Тумелар воспряли духом. Глаза их загорелись, руки крепче сжали оружие.

Тем временем воины Кироса, не дожидаясь подкрепления, обрушились на приверженцев Золотого Павлина. Сталь обогрилась кровью, колдуны гибли один за одним. Но и их сила была не малень-

кой. Слишком близко к миру людей подошел уже их зловещий повелитель.

Сыпались молнии, трепали огненные разряды, бойцы Фараха и Рамазана корчились, пожираемые жадными языками пламени. Противники, не ведающие жалости и сомнений, сошлись в последней битве. Как бы ни было то странным, но в этом месте и в это время решалась дальнейшая судьба всей Хайбории. И если на стороне Кироса была воинская выучка и численное превосходство, то на стороне адептов Золотого Павлина — мощь непотребного колдовства. И, судя по всему, колдовство начинало побеждать.

Зебуб, окончательно потерявший человеческий облик, на мгновение прервал свое бормотание. Отсеченная Конаном рука вновь приросла к плечу. Колдун выставил перед собой руки, больше напоминавшие щупальцы Золотого Павлина, и целая река огня обрушилась в середину зала, где шла особо жестокая схватка.

Чуть ли не половина воинов Птеора в одно мгновение превратилась в пепел, но воины Кироса не дрогнули. Пусть их всех ждала смерть, но за их спинами была родная страна, а перед ними — гнусный враг.

Желание отомстить за павших друзей лишь придало им новых сил.

— Кирос! Фарах! — взревели шемиты, усиливая натиск.

Конан почувствовал усиливавшиеся волны уже знакомого ему ледяного пламени. Отерев кровь, заливавшую ему глаза, киммериец обернулся.

Буквально в двух дюжинах шагов от него каменный помост попирала гигантская фигура огненного демона. У ног ответившего на его молитвы бога распростерся ниц Зебуб.

Неописуемо зловещий, лишенный каких бы то ни было интонаций шелестящий голос поплыл над залом.

— Свобода. Огонь. Боль. Плоть,— вещал Золотой Павлин.— Мое.

— Вот уж нет, тварь! — Глубокий звучный баритон заставил рассеяться зловещее наваждение.

Птичьим движением Золотой Павлин повернул голову ко входу в зал. Прямо под каменной аркой стоял высокий плечистый мужчина. Неведомый смельчак, посмевавший бросить вызов Владыке Огня, был одет в черные доспехи. И как бы, казалось, ни был слаб человек пред ликом могущественнейшего демона, Конан почувствовал, что Золотой Павлин встретился с равным противником.

— Кто ты, смертный?

— Не такой уж я и смертный.— Загадочный человек скрестил на груди руки.— А зовут меня Андуран!

На какой-то миг наступила полная тишина, и шепот удивления поплыл над залом.

Конану показалось, что в глазах демона промелькнул огонек неуверенности.

— Ажешь! — воскликнул Зебуб.— Андуран оставил наш мир сотни лет назад!

— Но, хвала Творцу всего сущего, вернулся вовремя,— пожал плечами могущественнейший в

мире волшебник, истории о приключениях которого рассказывали детям даже в суровых горах Киммерии.— Вовремя, чтобы отправить тебя обратно, демон!

С безумным воплем Зебуб метнул в Андурана огненный шар. По залу, испепеляя все на своем пути, прокатилась волна огня. Чародей вскинул руки, и охватившие было его языки пламени осели.

Все стояли неподвижно, переводя взгляды с Огненного Павлина на Андурана. Конан решил, что настало самое подходящее время, чтобы расправиться с окружающими его врагами. Припадая на искалеченную ногу, киммериец бросился на жрецов и, прежде чем те успели опомниться, убил несколько человек. Тумелар и Руфия поспешили ему на помощь, собирая кровавую жатву.

Битва вновь разгорелась, но теперь положение дел изменилось. Андуран вступил в поединок с Золотым Павлином и его прихвостнем Зебубом, и солдаты Фараха медленно, но верно стали побеждать.

Вот уже к Конану пробились Барсы, окружив киммерийца и его друзей стальным кольцом. Волны приверженцев Огненной Птицы разбивались о мечи воинов-храмовников.

Ноги Конана подкосились, и он бессильно рухнул наземь рядом с Тумеларом.

Кровавая битва переместилась ближе к стенам, потому что середина зала превратилась в оплавленную воронку. Объединенная мощь Зебуба и Золотого Павлина оказалась слишком велика даже для такого могущественнейшего волшебника, ка-

ким был Андуран. Мужчина в черных доспехах упал на одно колено, то и дело по его рукам пробегали языки пламени. Но и его противникам приходилось несладко. Силуэт Золотого Павлина заметно поблек. Все более и более походивший на своего господина Зебуб скособочился, его золотая накидка пропиталась отвратительной на вид желтовато-зеленой слизью.

Мир в глазах Конана плыл, но киммериец не сводил глаз с Андурана. Закованный в черную броню маг выпрямился во весь рост, что-то выкрикнул и метнул в демона свой черный меч.

Оружие волшебника на лету преобразалось. Наливаясь чернотой, для описания которой вряд ли нашлись бы подходящие слова, клинок изгибался, превращаясь в кольцо клубящегося небытия. Приближаясь к Золотому Павлину, кольцо все увеличивалось и увеличивалось. Киммериец видел, как глаза демона наполняются багровой мглой. Дух зла замер на месте, вытянув руки и запахнувшись в крылья, изо всех сил стараясь отразить кольцо мага. Но все его усилия были тщетны!

И вот кольцо мрака охватило огненного демона. Золотой Павлин издал жуткий вопль, заставивший попадать стоявших на ногах людей. На мгновение Повелитель Огненной Бездны ослепительно вспыхнул и растаял, точно его и не было. Но перед тем как могучие чары изгнали демона за грань бытия, Золотой Павлин успел метнуть в Андурана огненное копье. Невыносимо яркий луч света ударил волшебника прямо в грудь. Маг пошатнулся и рухнул как подкошенный.

На поле боя обрушилась тишина. Ее нарушали лишь треск горячей плоти и стоны умирающих. И тут, заполняя огромный зал безумным смехом, на ноги поднялся Зебуб.

Золотая накидка превратилась в клочья, маска в виде черепа свалилась с головы гхазского принца, обнажая вздувшееся перекошенное шишковатое лицо. Страшен был его вид. Должно быть, зло заставляет перерождаться человека. Но тем не менее пророк низложенного бога оставался цел и относительно невредим.

Понимая, что единственный его противник повержен и не осталось никого, кто может дать ему отпор, Зебуб злобно захохотал, глядя, как Андуран пытается встать на ноги.

— Куда подевалась твоя сила, маг? — ехидно поинтересовался у него Зебуб. — И это все, что могли противопоставить мне силы Света?! Твои боги бессильны, потому что Тьма внутри каждого из нас! И не надейся, что смерть избавит тебя от страданий, волшебник! Твою душу будут рвать на части ветра межмирья, пока я не призову ее, чтобы вволю позабавиться. — Зебуб не торопясь начал произносить заклинание.

И в этот миг Конан понял, что имел в виду Рамазан, когда говорил о судьбе воина. Тысячу раз прав был старый воин! Доблесть и Честь значат очень много. Но куда выше ценится Долг, ибо плата за него — не людская слава, а собственная душа.

Шатаясь, как пьяный, Конан побрел к куче камней, оставшейся от треклятого алтаря. В го-

рячке боя все как-то забыли о Глазе Павлина, но киммериец не сомневался, что именно в его кровавом оке заключено могущество Зебуба. Несмотря на то что Андуран изгнал демона, часть силы Золотого Павлина все еще оставалась с гхазским колдуном.

Выпавший из отрубленной руки Зебуба самоцвет тускло светился в каменном крошечке. Конан потянулся к Глазу, но, стоило киммерийцу взять его в руки, как все его существо охватило уже знакомое ледяное онемение. Но в этот раз варвар уступать чарам не собирался. В душе киммерийца пылал неугасимый пламень ненависти и гнева. И черное колдовство не устояло перед этим чистым огнем.

Ухватившись за цепочку, киммериец изо всех сил взмахнул талисманом. На мгновение мир замер. Конан видел Зебуба с искаженным от ужаса лицом, вытягивавшего в его сторону руки-щупальцы, видел он Тумелара, который замахнулся на колдуна саблей, видел Руфию, распахнувшую в беззвучном крике рот, видел он и Андурана, который сумел подняться на колени.

А в следующий миг Глаз Павлина обрушился на камни, разлетаясь на мириады осколков. Зебуб издал страшный вопль и метнул в Конана молнию. Не ударь Тумелар колдуна по руке саблей, киммерийцу пришел бы конец. А так молния угодила в кучу камней, сбив Конана с ног шквалом осколков.

Сквозь пелену полузабытья варвар увидел, как когти Зебуба вонзаются кешанцу в грудь. Тумелар

рухнул на колени, но, перехватив отчаянный взгляд киммерийца, чернокожий воин подмигнул другу. Из страшной раны хлынула кровь, и он умер...

Но не успел стихнуть безумный вой колдуна, как собравшийся с силами Андуран выкрикнул заклятие, и Зебуб повалился на залитые кровью камни. Колдун выглядел так, будто угодил на мельничные жернова, но тем не менее он все еще дышал.

Меркнувший взгляд киммерийца наткнулся на заостренный изогнутый штырь, некогда украшавший жертвенник поклонников Золотого Павлина. Ухватив этот обломок длиной с его руку, Конан пополз к Зебубу. Оставляя за собой кровавую полосу, варвар неумолимо приближался к своему врагу, и не было в мире той силы, что могла бы заставить киммерийца остановиться.

Две древние противоборствующие силы — Свет и Тьма — в который уже раз вели непримиримый бой. Варвар, рожденный в холодных горах Киммерии, был воплощением Жизни. Зебуб олицетворял собой Смерть. И именно по той причине, по какой Смерть не может одержать полную победу над Жизнью, Конан был непобедим.

Варвар с невероятным трудом подполз к колдуну, который пытался восстановить свое тело, ухватил оружие двумя руками и, из последних сил поднявшись на колени, воздел над головой тяжелый штырь.

— Нет, дрянь, тьма внутри не каждого из нас, — прохрипел варвар, с ненавистью глядя в алые бельма Зебуба. — И сил у света предостаточно! Так

было раньше, так будет и всегда! Человечество никогда не станет поклоняться Злу!

— Та серая масса, которую ты называешь человечеством, признает лишь силу, — выдавил из себя гхазец. — А истинная несокрушимая сила — сила Тьмы!

— Врешь, недоносок, — кровью сплюнул Конан. — Нет силы превыше справедливости!

— Да сгустится Тьма! — прошипел колдун.

— Да сгинет Зло! — ответил Зебубу Конан и вонзил каменный обломок точно между глаз колдуна.

Конан пошатнулся, силы оставили его, и он без сознания рухнул на труп поверженного врага.

Глава шестая

Конан открыл глаза и потянулся. Чувствовал он себя превосходно. Несколько ударов сердца киммериец лежал, бездумно наслаждаясь пением птиц и шелестом листвы за распахнутыми окнами. Но вдруг на него обрушился шквал воспоминаний. Кровь! Крики! Боль! Хруст черепа ненавистного Зебуба под руками! Боль! Боль!!! Темнота...

Киммериец рывком сел на кровати и огляделся по сторонам. Он находился в уже знакомых ему покоях во дворце Фараха. Но нынешнее пробуждение Конана совершенно не напоминало то, когда он мучительно приходил в себя после яда Юсифа бен Кемалья.

Северянин совершенно не представлял, как долго он был без сознания. Чутье подсказывало, что этот срок не мог быть большим. С другой стороны, ратный опыт киммерийца подсказывал, что человек, получивший такие раны и увечья, как он, настолько хорошо чувствовать себя вообще

не может. Великие небеса, что тут все-таки происходит?

Увидав стоявший чуть поодаль накрытый стол, Конан решил отложить праздные философские изыски на потом. Какая, в конце концов, разница, почему у него ничего не болит? Хвала Крому, он жив и здоров, а что может быть важнее для воина?!

Даже не потрудившись облачиться в уложенную рядом с кроватью новую одежду, варвар нагишом плюхнулся в бархатное кресло. Желудок Конана сводило от голода, и он жадно набросился на еду, не замечая ее вкуса.

Едва он утолил первый голод, как резные двери распахнулись и в комнату вошли трое мужчин. К своей огромной радости, Конан узнал верных друзей: Рамазана, Ишмаэля и Джилзана.

— А вы еще боялись за него! — радостно завопил Ишмаэль, обращаясь к своим спутникам. — Его дубленую горскую шкуру ничем не пронять! Вы посмотрите только, как он жрет!

— Приветствую тебя, воин, — степенно поклонился Рамазан.

— Друг мой, да ниспошлет тебе Птеор еще дюжину дюжин лет жизни! Ты даже не представляешь, как я рад, что вижу тебя живым и здоровым! — со свойственной ему велеречивостью приветствовал киммерийца караванщик. — А я, грешным делом, испугался, что мне придется пьянствовать в одиночку! — Джилзан толкнул в бок Ишмаэля. — Куда этому малому до тебя, горец. Он не может выпить даже трех кувшинов!

Конан порывисто вскочил, отбросив полуобглоданную кость.

— Клянусь Вещим Вороном, разве я когда-нибудь мог предположить, что ваши наглые рожи так обрадуют меня! — Вытерев руки прямо о скатерть, он в восторге бросился к друзьям.

Пока Конан одевался, пришедшие как раз смогли восстановить дыхание после его медвежьих объятий.

Едва натянув кожаные штаны, киммериец набросился на них с расспросами:

— Чем все закончилось? Что с Руфией? Сколько я валялся без сознания? Откуда взялся волшебник? Удалось ли разыскать Аффризию?

— Подожди, подожди, не все сразу, — улыбнулся Рамазан. — Давай по порядку...

Все уселись за стол, и начальник стражи на правах старшего наполнил стоявшие на столе серебряные кубки.

— Мы выиграли, Конан. После того как ты добил ублюдка Зебуба, жрецам надеяться уже было не на что. Пленных мы не брали... — На скулах старого воина заиграли желваки. — Ни один из проклятых еретиков не избежал справедливой расплаты. Но и цена, которую нам пришлось уплатить за уничтожение кровавого культа Золотого Павлина, поистине ужасает. От рук Зебуба, да будут вечно раздирать его черную душу сотни демонов, погибла едва ли не треть моих Барсов... Сотни и сотни солдат армии Кираса сложили голову в этом бою... Ты сам видел, что произошло с твоим другом... Да будет всем павшим уготов-

лено место по правую сторону Небесного Трона.— Рамазан плеснул немного вина себе под ноги.

Все последовали его примеру. Молча выпили, отдавая дань уважения погибшим.

— Хвала Птеору, что ты не видел того, чему я оказался свидетелем, когда мы прочесывали это змеиное гнездо. Страшные орудия пыток, тошнотворные собрания человеческих органов, жуткие кельи, где к скользким стенам были прикованы изуродованные люди, многие из которых еще дышали...— Рамазан помотал головой, отгоняя страшные воспоминания.— Ты не представляешь мое счастье, когда в одном из подвалов мы наткнулись на два десятка женщин, ожидавших мучительной смерти в руках этих тварей. Эти несчастные отделались лишь испугом. Их не успела еще коснуться рука палачей Золотого Павлина. Хвала Птеору, мы подоспели вовремя!

Конан спросил:

— Почтенный Рамазан, но вы нашли Афризию? Со слов Зебуба я понял, что принцесса все еще жива и невредима.

Рамазан улыбнулся:

— С принцессой все в порядке, но об этом чуть позже. Наполним кубки, друзья!

Мужчины вновь помянули погибших. В суровую хайборийскую эру для мужчины смерть в бою была совершенно естественна, а те, кто выжил, не предавались долго грусти, поэтому вновь зазвучал смех и слышались шутки.

— С твоей женщиной тоже все в порядке, горец. Кстати, своей жизнью ты в первую очередь

обязан ей. Если бы твоя рыжая волчица не оказала тебе первую помощь, то нам бы достался свежий покойник.

— За здоровье прекрасной офирской розы, чья красота и храбрость поистине совершенны! — поддержал Рамазана караванщик.— Иштар Щедрая, откуда в этой обольстительной женщине столько мужества и силы? Ах, Конан, Конан, будь я помоложе...— Почтенный Джилзан умудрился скроить такую хитрую физиономию, что никто не смог удержаться от смеха.

— Что касается Андурана,— Рамазан покачал головой,— то потерпи немного и сам все от него услышишь. Скоро он нас примет...

— Андуран парень что надо,— кивнул слегка зашмелевший Ишмаэль.— Если бы не он, нам с Джилзаном оттяпали бы головы за здорово живешь! Ты только послушай, что с нами произошло. Ну вот, вы с Тумеларом отправились внутрь, а я помчался к ограде.— Юный шемит выскочил из-за стола и разыграл целую пантомиму, изображая все, что с ним было.— Но только я добежал до забора, а ты уж поверь, Конан, что бежал я, будто мне в задницу стручок перца вставили, как прямо из кустов на меня бросаются два во-о-от таких зингарских волкодава!

Приверженец Бела, в ужасе схватившись за голову, замолчал, а потом так мастерски изобразил страшных собак, что Конан чуть от смеха со стула не свалился. Да, в этом парнишке пропадал великий лицедей!

— Ага, мне сейчас тоже смешно.— Ишмаэль почесал живот.— А тогда, поверь, было не до сме-

ха. Ты когда-нибудь сталкивался, Конан, с этими людоедами?

Киммериец стал серьезным.

— Доводилось,— кивнул он.— Несколько раз...

— Ну так ты знаешь, что эти милые песики предпочитают охотиться парами. А еще они очень любят лакомиться потрохами своих жертв... Так вот, только я собирался влезть на ограду, как с двух сторон на меня набрасываются эти чудовища. Первый пес сбил меня с ног, а его товарищ сел рядом, дожидаясь своей очереди. Реши они сразу взяться за меня всерьез, то разорвали бы на части раньше, чем я успел бы сказать «ай-яй-яй». Бел Милосердный, на мое счастье, они сперва задумали поиграть со мной, как с мышкой. Да только вот мышка оказалась с острым хвостиком...— Ишмаэль перевел дух.— Проклятый зингарский кабысдох хватил меня за бок и отпрыгнул. Знал бы глупый зверь, с кем связался! Когда он решил повторить свой номер, его уже ждал подарочек. Когда зингарец прыгнул, я встретил его ударами обеих ног прямо в пузо.— Ишмаэль повалился на мягкий ковер и показал, как он это проделал.— Вот так... Р-раз!

Конан одобрительно кивнул:

— Правильно, живот — это их слабое место.

— Эта злобная бестия откатилась в сторону, собирать с травы свои собственные потроха, потому что между ступнями я зажал свой верный кинжал! — продолжил Ишмаэль.— Увы, удар такой силы сам по себе чуть не выбил из меня дух, поэтому я не смог удержать клинок... Но делать

было нечего, я перекатился в сторону.— Ишмаэль, ловко перекувырнувшись на ковре, оказался на ногах.— Вот так! Да ниспошлет Бел Щедрый богатую добычу моему старику, потому что он крепко вбил мне в голову свою науку. «Сынок, будь готов к тому, что непросвещенные миряне не разумеют высшей мудрости Бела. Но на то и трудности, чтобы наша вера была крепче. Замки, запоры, ловушки, стража и, наконец, собаки. Собаки, сынок, это уже испытание для праведников! И чтобы быть к нему готовым, Шмоли, надобно укрепить свой дух и свои руки следующим образом...» — говорил мне отец.— А уж рука у него, поверьте моему опыту, была укреплена что надо! — Ишмаэль поежился, вспоминая, видно, отцовское учение.— Второй пес разинул пасть, что твой камин (мне показалось, что я даже увидел землю под ним), и прыгнул прямо на меня. А норовят эти поганцы добраться до горла...

Юный шемит с такой скоростью запрыгал вокруг стола, что могло показаться, будто в комнате не один паренек, а целая их ватага.

— Я, значит, разворачиваюсь и со всего маху всаживаю в слюнявую зубатую пасть левый локоть. Тут, главное, выгадать правильный миг и засадить локоть поглубже в глотку. Если поспешить, можно остаться без руки, а если опоздать, то без головы. Дальше все пошло куда проще. Стоит, значит, пес на задних лапах, пыхтит, стараясь выплюнуть мою руку и рвет мне грудь когтями передних лап. А вот тут уж главное — устоять на ногах и чем-нибудь на несколько мгновений отвлечь внимание

собаки. Так вот, делаю я правой рукой «козу» и изо всех сил втыкаю средний и указательный пальцы волкодаву в глаза. Ослепший пес от жуткой боли завизжал и еще больше пасть разинул. Я, значит, давай заталкивать полуобглоданный локоть левой ему в глотку и изо всех сил хватаю его за мошонку. Не иначе как сам Бел придал мне сил, хотите верьте, хотите нет, но она так и осталась у меня в руках. А серый убийца захрипел и издох. Я перемахнул через ограду и огляделся. Хвала Небесам, я правильно выбрал направление, потому что оказался не более чем в полусотне локтей от отряда Джилзана. Ну а что было потом, это пускай караванщик рассказывает. — Ишмаэль отер пот со лба и, схватив со стола полный кубок, припал к нему.

— Видел бы ты этого мальчишку! — начал Джилзан. — Стоим мы под стенами. Ночь, звезды, луна светит, цикады стрекочут. И вдруг слышим, какая-то возня за стенами, рычание, скулеж, вой. Только мы решили лезть туда, как появляется наш юный герой. — Джилзан похлопал по плечу Ишмаэля. — Видел бы ты, Конан, в каком виде он появился. — Караванщик покачал головой. — Весь в окровавленных лохмотьях, в боку здоровенная дырища, из руки кровь хлещет. Я бросился ему навстречу, а он хрипит: «Во дворец! Во дворец!» Хватаю я мальчика в охапку, прыгаю в повозку и кричу возничему: «Ходу!» Лошадьми же правил мой племянник Рафаил, вот уже три года бессменный чемпион Кироса в гонках на колесницах. Уж он ходу дал так дал. Я едва успел наложить Ишмаэлю повязки, чтобы парень не истек кровью.

Со слов Ишмаэля я уже более-менее представлял, что происходит, и понимал: сейчас каждое мгновение на вес золота. Подлетаем мы к посту стражи, лошади в мыле, повозка в крови. Стражники, ясное дело, в копья. Ну, вы сами понимаете, что купец без соответствующих связей и не купец вовсе. — Джилзан, посмотрев на Рамазана, прижал руки к сердцу. — Почтенный Рамазан, такая жизнь настала, каждый изо рта старого человека кусок вырвать норовит...

— Да уж, у тебя вырвешь, — хмыкнул начальник стражи. — Сам без рук останешься... Ладно, можешь не говорить, кто у тебя в дворцовой охране подкуплен.

— Почтенный Рамазан! — искренне возмущился Джилзан. — Что значит подкуплен? Как истинный патриот Кироса я возмущен твоими подозрениями... За золото верность не купишь... — Караванщик помолчал и, осклабившись до ушей, добавил: — Ну должен же я получить от Птеора какое-то возмещение за то, что небеса одарили меня лишь дочерями!

Конан громогласно рассмеялся, к нему присоединились Рамазан и Ишмаэль.

— Слушай, Джилзан, — в восторге хлопнул по бедру киммериец. — Ты что, умудрился выдать своих дочек за всех чиновников Кироса? Сколько же их у тебя?

Караванщик смущенно потупился:

— Двадцать три...

Ишмаэль сполз под стол:

— Ну, старик, ты даешь!

— Это не я даю, а мои жены,— степенно огла-
дил седую бороду купец.

— Может, и мне сторгуешь какую посимпатич-
нее? — поинтересовался юный шемит.

— Только подойди к моему дому, поганец,—
погрозил ему пальцем Джилзан.— Нечего мне де-
вок сбивать с пути истинного.

— Небось они у тебя все на пять лет вперед
расписаны,— не удержался от шутки Рамазан.—
Ох, чувствую, придется мне выяснять родослов-
ные жен подчиненных.

— Ну,— Джилзан стал серьезным,— если бы не
мои родственнички, попали бы мы к тебе среди
ночи, а, почтенный Рамазан?

Начальник стражи развел руками:

— Твоя правда, Джилзан.

— Так вот,— продолжил Джилзан, обращаясь к
Конану.— Как бы там ни было, а совсем скоро мне
удалось поднять начальника стражи с постели.

Киммериец сказал:

— Мы с Тумеларом,— на лицо Конана набежала
тень,— уже плутали по коридорам под зданием...

— Еще время потребовалось, чтобы рассказать
Рамазану все, что тебе удалось выяснить.

— И будь я проклят, горец,— соглашаясь с Джил-
заном, кивнул Рамазан,— если я ему сразу не пове-
рил. Ты знаешь, я всегда чувствовал в Зебубе ка-
кую-то гниль. Но кому могло прийти в голову, что
под личиной светского хлыща скрывается глава
кровавого культа! Все-таки его сила была действи-
тельно велика! Знал бы ты, Конан, что я почув-
ствовал, когда купец сказал мне, что Фарах окол-

дован.— Рамазан скривился.— Я думал, король так
сдал из-за исчезновения принцессы... Мне и в го-
лову не пришло, что душу Фараха, да ниспошлет
ему Птеор исцеление, поработил нечестивый жрец
Золотого Павлина!

— Но едва мы покинули покои почтенного на-
чальника стражи,— продолжил Джилзан свою ис-
торию,— как случилось вот что...

Кто знает, что привело Фараха с отрядом лич-
ных телохранителей к дверям начальника стражи?
Страх одиночества тому виной, заклинание Зебуба
или простая случайность? Но произошло так, что
правитель Кироса стоял на пороге покоев Рама-
зана, когда Джилзан, открывая дверь, обронил:

— Я не знаю, сколько там этих тварей, но ха-
зец собрал вместе всех поклонников Огненной
Птицы. Главное — вовремя остановить Зебуба!

Наверное, рассудок короля Кироса совсем по-
мутился. Услышав слова Джилзана, он завопил:

— Измена! Рамазан, проклятый заговорщик, ты
предал меня! Ты предал Кирос! Так вот почему ты
так ненавидишь моего драгоценнейшего Зебуба!
Ты всегда хотел занять мой трон! Не бывать это-
му, мерзкий злодей! — в бешенстве затопал нога-
ми Фарах. Глаза правителя Кироса налились кро-
вью, изо рта летела слюна: — Отрубить изменни-
кам головы! Немедленно! — отдал он приказ сво-
им телохранителям.

Надо сказать, угрюмые гиганты-запорожцы по-
виновались лишь Фараху. Эти дикари признава-
ли только одного-единственного хозяина, отказы-
ваясь подчиняться даже начальнику стражи.

— Ты знаешь, я не трус,— прижимая руку к сердцу сказал Конану Джилзан.— Но я подумал: «Джилзан, ну вот тебе и крышка!» Что могли противопоставить два старых безоружных человека, пускай и бывших воина, и полумертвый парень, полудюжине стражников, этих непревзойденных рубак?

Рамазан кивнул, признавая справедливость слов Джилзана:

— Я тоже растерялся. Погибнуть по приказу обезумевшего друга? Нет, не так я представлял свою смерть!

— А я этого ничего вообще не помню,— пожал плечами Ишмаэль.— Мне к тому времени уже было все равно...

— На меня надвигается огромный вислоусый стражник, я глаз не могу оторвать от его блестящей сабли, которая вот-вот обрушится на мою бедную голову, и вдруг... Бабах! Прямо из гигантского зеркала, стоявшего в коридоре, появляется, глазам своим не верю...— Голос Джилзана звенел от возбуждения.— Аффризия!

— Как Аффризия? — подскочил на стуле Конан.— Ее же украли!

— Ну! И я так подумал.— Джилзан быстро-быстро закивал.— Я, грешным делом, решил, что мне уже отрубили голову и то, что я вижу — предсмертные видения. Но ничего подобного! А за принцессой какой-то парень в черном...

— Андуран! — догадался Конан.

— Точно! — Джилзан подмигнул киммерийцу. На мгновение он замолк, жадно приникнув к куб-

ку.— Слушай, что дальше было. «Отец» — это, значит, кричит Аффризия. «Стоять!» — кричит мужчина в черном и щелкает пальцами. Я уже вообще перестаю что-либо понимать, потому что прямо на моих глазах казаки превращаются в статуи. Фарах — так тот вообще обезумел. Он побледнел, побагровел, попытался что-то сказать, но лишь прохрипел: «Афхр-рри...» — и рухнул замертво.

— Между тем во дворце поднялась страшная кутерьма.— Теперь говорил Рамазан.— Коридор наполнился людьми, разбуженными шумом и грохотом, все кричат, вопят, со всего дворца сбегается стража... Те, кто постарше, решили, что на дворец опять напали зуагиры... Аффризия стоит на коленях рядом с отцом и зовет врача... В общем, лечебница для полоумных. Но тут незнакомец начинает отдавать распоряжения и мгновенно наводит полный порядок. Одно слово, волшебник.— Рамазан развел руками.— Значит, мужчина в черном подхватывает на руки Фараха, как будто тот ничего не весит, и решительно направляется в мои покои. «Мальчика — сюда же,— говорит он Джилзану.— Навести порядок,— это мне.— Все будет хорошо»,— это Аффризии. Яставляю у дверей караул и строго-настрого велю им никого ко мне не пускать. Кроме того, я послал гонца в храмовые казармы поднимать по тревоге своих Барсов.

Когда я вернулся в комнату, Фарах уже был нормального цвета и ровно дышал, а незнакомец стоял над Ишмаэлем, что-то бормоча под нос. Прежде чем я успел что-то сказать, прямо на моих глазах раны мальчишки начали затягиваться. «По-

знакомься, Рамазан, это Андуран,— сказала мне Афризия.— Тот самый знаменитый волшебник... И мой будущий муж»,— добавила она. Андуран мне кивнул и сказал: «С этим мы разберемся попозже, а теперь у нас есть проблемы и посерьезнее. Можете мне поверить, но судьба мира сейчас зависит от того, поспеем ли мы на помощь одному безумному храбрецу».

— Это он тебя имел в виду, Конан! — подмигнул киммерийцу Ишмаэль.

— Андуран каким-то образом знал о происхождении, поэтому мы насколько могли быстро составили план атаки и, не теряя ни мгновения, с отрядом Барсов помчались к посольству Гхазы. Ну а что было дальше, ты и сам видел,— закончил свой рассказ Рамазан.

— Ничего не понимаю,— помотал головой Конан.— Андуран, конечно, и воин, и маг великий, спору нет. Я сам видел, как он демона куда подальше спровадил. Но Афризия-то как к нему от Зебуба попала?

— Так в том-то все и дело! — вскричал Джилзан.— Зебуб не имел ни малейшего отношения к исчезновению Афризии!

Конан в полном недоумении посмотрел на Рамазана. Тот кивнул киммерийцу:

— Так и есть. Но подожди немного, ты все сам узнаешь. Одевайся, нам уже пора.

* * *

Трудолюбивые и мужественные граждане Кироса уже справились с последствиями той страшной

ночи, когда судьба и их города, и всего мира висела на волоске. Более того, весть о том, что злое божество окончательно повержено Андураном, наполнила сердца этих людей радостью, несмотря на то что многие семьи все еще носили траур.

Когда же в Кирос прибыл король Арамаз и узнал, что представлял собой принц Зебуб на самом деле, он отрекся от сына и публично принес извинения дружественному народу Кироса. Афризия с Ниенной старались помочь правителю Гхазы чем могли. Хвала Птеору, что у Арамаза были еще дети и заносчивый принц не был из них самым любимым. Второго по старшинству сына Арамаза, принца Хубата, гхазцы любили несравненно больше, чем его брата.

Фарах еще окончательно не выздоровел, хотя быстро шел на поправку. Раны духовные поддаются лечению куда тяжелее, нежели раны телесные. Поэтому выступивший от его имени Рамазан, пользующийся всеобщим уважением, объявил, что помолвка Андурана и Афризии состоится через две седмицы. И то, что мужем их любимой принцессы станет знаменитый волшебник, а не отвратительное чудовище, вызвало у киросцев неподдельный восторг.

Андуран принял Конана, Руфию, Джилзана, Ишмаэля и Рамазана в семейной гостиной Фараха, а не в тронном зале. Поскольку свадьба волшебника и Афризии еще не состоялась, бразды правления официально принадлежали Фараху, хотя ни для кого не было секретом, кто правит Киросом на самом деле.

Андуран и Афризия сидели рядом в инкрустированных костью и золотом резных деревянных креслах с высокими спинками. Конан с удовольствием оглядел будущих правителей Кироса. За свои двадцать пять лет он успел пообщаться со многими королями и королевами десятков стран. Но в этой бесконечной череде владык киммерийцу нечасто попадались люди, которые заслуживали бы своего положения больше, чем эта пара.

Вряд ли кто мог бы назвать резкие черты лица Андурана красивыми, но глаза древнего волшебника светились невероятными умом, волей и внутренней силой. Этот человек отверг все искусы зла, и, несмотря на свою нелюбовь ко всякой власти, Конан готов был признать, что вряд ли где-либо еще сыщется король более мудрый, чем Андуран.

Под стать ему была и Афризия. Волей богов принцесса совмещала в себе редкостный даже для мужчины ум, унаследованный от отца, и красоту, доставшуюся ей от матери. А горячие взгляды, которыми они обменивались, были красноречивее любых слов.

— Приветствую вас, друзья мои! — поднялся с кресла Андуран. На этот раз он сменил черные доспехи на богатые пурпурные одеяния. На шее волшебника висел драгоценный кристалл в виде звезды. — То, что мы все совершили, можно назвать великим деянием. И я хочу отблагодарить вас по заслугам.

Вошедшие поклонились.

— Рамазан, что я тебе могу дать еще, кроме искренней своей признательности и расположения?

— Это самая большая награда, на которую может рассчитывать царедворец, — взволнованно ответил Рамазан.

— Мы решили, — улыбнулась старому воину Афризия, — что назовем нашего первенца в твою честь и поручим его твоему воспитанию.

— Ваше Высочество! — Рамазан даже потерял дар речи.

— Джилзан, тебе и твоим наследникам дается право беспоплатной торговли в Киросе.

— Благодарю, Ваше Высочество, — степенно поклонился караванщик. — Теперь я наконец с более вескими основаниями смогу надеяться на обеспеченную старость...

— А кроме того, — улыбнулся Андуран, — тебе дается право свободного доступа к подвалам королевской винокурни. Впрочем, я сам с удовольствием буду составлять тебе компанию.

— О-о-о... — Караванщик открывал и закрывал рот, не в силах выдать из себя ни слова.

Конан впервые за время знакомства с Джилзаном увидел купца растерянным.

— Ишмаэль, тебе как ревностному почитателю бога воров я не могу вручить никакого дара...

Юный шемит скроил печальную физиономию и пожал плечами.

— Такова нелегкая стезя подвижника, Ваше Высочество!

— ...За исключением той небольшой шкатулки, которую ты так ловко спрятал за пазуху пару мгновений назад, — рассмеялся Андуран. — Но можешь быть уверен, в ней всегда найдется вещи-

ца, которая сумеет тебе помочь. И пускай пребудет с тобой мое благословение, а это отнюдь не пустое слово!

Ишмаэль растерянно прижимал руки к сердцу:

— Я попрошу Бела, Ваше Высочество, чтобы он обходил стороной королевский дворец.— Голос юного шемита звучал торжественно.— И знай, стоит тебе только позвать, как я примчусь в мгновение ока!

— Ага, как будто тебе в задницу стручок перца вставили,— еле слышно прошептал за спиной Ишмаэля не удержавшийся от шутки Конан.

— Руфия, можешь быть уверена, что твои мечты сбудутся. Да-да, и эти тоже.— Андуран и Руфия обменялись улыбками.— Ты любишь власть, и твоя любовь будет взаимна. И помни, что бы тебе ни пришлось пережить, твоя красота не потеряет блеска, а ты — силы духа. А на память о нашей встрече прими вот это.— Андуран встал с кресла и, подойдя к девушке, повесил ей на шею свой амулет.— Пускай он скрасит все пережитые тобой ужасы.

Огромная бриллиантовая звезда светилась, точно живая. У Руфии вырвался возглас восхищения:

— Я не могу принять такой бесценный дар, Ваше Высочество. Кроме того, у меня ее вместе с головой снимут!

Андуран покачал головой:

— Чары, наложенные мной на эту безделушку, никому не позволят поднять на нее руку. А кроме того, у тебя надежная охрана! — Волшебник кивнул в сторону киммерийца.

Рыжеволосая офирка прильнула к плечу Кона-на и потупилась.

— Истинно так, Ваше Высочество!

— А теперь, Конан,— обратился к северянину Андуран.— Нужно решить, чем я действительно могу отблагодарить тебя по достоинству.

— А мне ничего не надо,— пожал плечами варвар.— Лучше позаботься о девушках Тумелара, который пожертвовал своей жизнью, чтобы все остальные смогли уцелеть.

— Об этом, горец, можешь не волноваться,— кивнул Андуран.— Кешанкам с их редким талантом нашлось соответствующее место в свите Афризии. Теперь они никогда ни в чем не будут нуждаться. И все же, Конан, один дар от меня ты уже получил,— после небольшой паузы продолжил волшебник.— Посмотри в зеркало, воин.

Киммериец, недоумевая про себя, подошел к зеркалу и всмотрелся в полированную поверхность. Сперва варвар не мог понять, что изменилось в его лице, а потом...

— Шрамы! У меня нет ни одного шрама! — Он кинул взгляд на радостно ухмылявшихся друзей, потом обернулся к Андурану.

— Да, я не только вылечил раны, нанесенные Зебубом, но и полностью обновил твое тело.— Волшебник кивнул Конану.— Я постарался хоть в малой степени вознаградить тебя за пережитые зло и боль, горец. Твои кости и внутренние органы стали намного прочнее. Теперь тебя очень тяжело убить или вообще серьезно ранить. Ты сам удивишься, когда увидишь, как быстро будешь

оправляться после ранений. Ибо немало ждет их тебя впереди. Я смог лишь краем глаза заглянуть в твое будущее, Конан. И будет одна битва сменять другую, ибо таково твое предназначение — бороться со злом и помогать людям. И какой бы грозный вызов тебе ни бросала судьба, знай, если ты отступишь, то принять его будет некому...

— А я, волшебник, никогда не отступаю, — пожал плечами Конан. — И никогда не перекладываю на плечи других людей то, что должен сделать сам.

— Знаю, — кивнул Андуран. — Поэтому и вмешался в твою судьбу. Но в твоих глазах, горец, я читаю вопрос. О чем ты хотел спросить?

— Я вижу, что с принцессой Аффризией, — Конан вежливо склонил голову, — хвала Вещему Ворону, все в полном порядке. Но мне хотелось бы знать, что произошло на самом деле, раз уж выяснилось, что Зебуб к ее похищению не причастен. Кто же ее украл?

— Я, — просто сказал Андуран.

Глядя на замершего от удивления Конана, Аффризия тихонько рассмеялась:

— Я все объясню тебе, северянин. Дело было так...

...Две сотни лет назад Андурану, не уступавшему мудростью небожителям, смертельно надоели люди с их жадностью, глупостью и мелочностью. Устав от их бесконечных просьб и нытья, он воздвигнул себе небольшой замок на облаке. Волшебник покинул землю, решив отдохнуть от соплеменников.

Мудреца манили бескрайние просторы неба, холодные ветра, заснеженные вершины гор, чью девственную белизну не оскверняла нога человека. Андурану интереснее были тайны мироздания, нежели тайны политики. Его привлекали поиски истины, а не власти.

Волшебное облако среди тысяч и тысяч ему подобных плыло в небесах.

Многие годы лишь золотые драконы были собеседниками Андурана. Росли сила и мудрость мага.

В один прекрасный миг само время потеряло власть над этим воистину могучим чародеем. Десятилетия сменялись десятилетиями, и в конце концов Андурану захотелось узнать, как идут дела на грешной земле.

Издревле он практиковал магию зеркал, и любая полированная поверхность служила для Андурана дверью в мир. На первый взгляд, ничего внизу не изменилось. Те же три силы определяли ход человеческой истории: деньги, власть и личное могущество. Все так же люди плакали, смеялись, воевали и любили. Как же это все было скучно и однообразно!

Но лишь до той поры, пока случайно в одном из своих путешествий по зеркалам Андуран не увидел плачущую красавицу. Ее слезы, упавшие на поверхность волшебного зеркала, сработанного лично Андураном, связали их судьбы навеки.

Маг, чей возраст исчислялся веками, словно мальчишка, влюбился в юную принцессу, которой было девятнадцать лет от роду. Андуран, привык-

ший считать, что он навеки отринул земные страсти и привязанности, совершенно потерял голову.

Не желая медлить ни единого мига, волшебник погрузил руки в зеркало и перенес Афризию из дворца Фараха к себе на облако...

— Разве могла я когда-нибудь подумать, что свершится заветная мечта любой девчонки попасть в замок Бенкизер? — сказала Афризия. — Конечно, сперва я испугалась и совершенно не понимала, что происходит на самом деле. Я решила, что угодила в руки палачей Золотого Павлина...

— ...И чуть не убила меня своим костяным гребнем! — рассмеялся Андуран. — Знали бы вы, чего мне стоило справиться с этой дикой кошкой. Я с ног до головы был покрыт синяками!

— Я хорошо усвоила твои уроки, дядя Рамазан, — кивнула, соглашаясь с волшебником, принцесса.

...Удивлению принцессы, уяснившей, кто ее похитил на самом деле, не было предела. А через несколько дней огромный интерес и уважение к кумиру ее детства сменила неподдельная страсть.

— Это действительно была любовь с первого взгляда! — воскликнула Афризия, беря в свои узкие ладошки мощную руку Андурана.

Влюбленные обменялись взглядами. У Конана даже екнуло в груди: он знал этот взгляд, именно так смотрела на него его прекрасная Белит...

Волна чувств, обрушившаяся на Андурана и Афризию, закружила их в вечном, как мир, водовороте, заставив забыть обо всем на свете. Свитки, содержавшие ответы на сокровенные вопросы

человечества, пылились на столе; удивленные драконы улетали, не дождавшись хозяина; судьба далекого Кироса — все было забыто и принесено в жертву на алтаре Любви. Бенкизер бесцельно плыл по бескрайнему океану воздушных просторов, послушный воле ветров. Подлинная страсть сжигала время и расстояние.

Так, один за другим, текли дни, открывая влюбленным сокровенные тайники души друг друга. И лишь накануне дня, на который была назначена свадьба с Зебубом (казалось, это было вечно назад!), Афризия стряхнула с себя сладкое наваждение. По просьбе принцессы Андуран показал ей Кирос и ее отца Фараха. Кто может описать ужас девушки, увидевшей, во что превратился могучий и крепкий мужчина за время ее отсутствия?

— Я решила, что всему виной мое исчезновение. — Голос Афризии дрогнул. — Я проклинала себя за то, что совершенно забыла про отца! Но Андуран, умевший видеть истинную суть вещей, сразу заметил, что с Фарахом было что-то не так.

— По облику человека всегда можно определить, что у него похищена душа, — кивнул волшебник.

Для столь опытного и мудрого чародея не составило труда докопаться до истины. Истина же оказалась страшна. Андуран прекрасно сознавал, какая опасность нависла над миром. Ему была знакома настоящая мощь Огненной Птицы. Но он до сих пор был уверен, что Золотой Павлин надежно заперт. Ни один маг на земле не имел понятия, что продавшийся силам Зла некромант

Улхаш с помощью страшных чар сумел призвать Глаз Павлина на землю.

Удивительна воля Случая, этого настоящего господина всего сущего. Глаз Павлина питал силой Зебуба. Пока же кровавое око висело у гхазского колдуна на шее, оно было надежно укрыто сильнейшими чарами от взора любого мага. Но не от взгляда простого смертного! И надо же такому случиться, что Андуран начал свои поиски именно в тот миг, когда глаз демона оказался в руках Ишмаэля.

— На весы была брошена судьба рода людского. А благодаря Афризии я снова чувствовал себя одним из его представителей. Хвала Силам Света, мне вовремя удалось разгадать, с кем придется иметь дело,— проговорил Андуран,— и я сумел подготовиться к магическому поединку. Но до последнего мгновения я не был уверен, что моих сил хватит, чтобы справиться со страшным демоном. Чем все закончилось, вам самим ведомо, поскольку все вы в той или иной мере участвовали в этих событиях.

Но главный герой этого поединка — это ты, северянин,— обратился Андуран к Конану.— Если бы не твое вмешательство, не твои сила воли и беспримерное мужество, нам всем было суждено стать горстью праха под пятой Зебуба. Именно ты, Конан, окончательно избавил наш мир от Посланца Тьмы, когда уничтожил Глаз Павлина. Ибо до тех пор, пока кровавый камень оставался цел и невредим, в распоряжении Зебуба была вся страшная сила Огненной Птицы.

— Так что же это получается? — удивился Конан.— Если бы ты не украл Афризию, она вышла бы замуж за Зебуба. Тогда бы ничто ему не помешало стать королем Кироса, накопить сил и обрушить свою ересь на мир!

— Точно,— согласился Андуран.— Более того, зло само себя перехитрило! Если бы Юсиф не отдал Руфию в руки палачей Золотого Павлина или просто промолчал об этом, у тебя не было бы никаких причин лезть в их логово! И стало быть, ты не оказался бы в нужное время в нужном месте, не уничтожил бы Глаз Павлина и не избавил мир от Зебуба!

— Чудны дела ваши, боги! — покачал головой окончательно запутавшийся Конан.

— Не стоит над этим ломать голову, горец,— посочувствовал киммерийцу Андуран.— Добро всегда найдет тот или иной способ противостоять злу. А тебе, северянин, не впервой воздавать злодею по заслугам.

— Дело говоришь,— согласился Конан с Андураном.

— Ну вот и пришло время прощаться, друзья мои. Надо ли говорить, что все вы мои дорогие гости на нашей свадьбе? Перед тем же, как отправиться по своим делам, подумайте, нет ли у вас ко мне каких-нибудь просьб,— обратился к присутствующим волшебник.

Все были вознаграждены по заслугам, и никто не хотел искущать судьбу. Лишь Конан о чем-то глубоко задумался. Наконец совсем мальчишеская улыбка озарила лицо киммерийца.

— Знаешь, волшебник, я всегда завидовал птицам, которые смотрят на наш мир из поднебесья. Но как бы высоко я ни поднимался в горы, все равно мне не удавалось охватить взглядом весь мир. Сейчас же ни ты, ни Афризия, — рассудил Конан, — не можете покинуть Кирос. А сразу же после твоей свадьбы, волшебник, мы с Руфией, — Конан обнял девушку за плечи и крепко прижал ее к себе, — отправляемся в Кот. — Так вот, не одолжишь ли ты на эти две седмицы нам свой летающий замок?

Даже Ишмаэль присвистнул от такой наглости. Но, к удивлению друзей, Андурани не считал просьбу киммерийца чрезмерной.

— Да будет так. Я прекрасно тебя понимаю и сам с удовольствием составил бы тебе компанию, но увя... — Волшебник вздохнул и развел руками. — Ты совершенно прав. В ближайшее время вряд ли мне представится возможность покинуть землю. Как я ни старался убежать от дел людских, судьба распорядилась по-другому. Теперь, — Андурани с нежностью посмотрел на Афризию, — я в ответе не только за себя, но и за народ своих будущих детей. — Он посмотрел долгим взглядом на Конана: — И знаешь, мне это по душе, хотя не думаю, что ты сейчас со мной согласишься. Вспомни, горец, мои слова через тридцать лет.

* * *

Послушный воле киммерийца сказочный замок летел на восток. Далеко внизу проплывали каменные отроги Гамалейских хребтов.

Горы уходили во все стороны, насколько хватало глаз, и лишь на севере сменялись лесистыми равнинами.

На далеком-далеком горизонте только начало всходить солнце, и первые лучи дневного светила окрасили вечные снега в розовый цвет. Ледяной воздух был удивительно прозрачен. Торжественную тишину вечных гор нарушала лишь бесконечная, как время, песня ветров.

Конан во весь рост выпрямился на невысоком каменном парапете. Подставив грудь холодному свежему ветру, киммериец не сводил прищуренных глаз с солнечного диска. Счастье переполняло его душу.

Он был молод, здоров и полон сил. Вот он, весь мир, — как на ладони лежит под его ногами! Что можно было желать еще? Золото? Тлен! Власть? Ловушка для сильных! Смысла имела лишь вечная борьба.

Может быть, дальновидный Андурани и знал, как сложится жизнь киммерийца, но сейчас Конану было наплевать на все откровения волшебника. Он сам без чьих-либо советов разберется, где зло, а где добро!

От распирающих его чувств киммериец запрокинул лицо к бело-голубому небу и во весь дух закричал:

— Эа-а-а!!!

Далеко внизу дрогнули потревоженные впервые с начала времен горные склоны, но вскоре последнее эхо крика киммерийца затерялось среди каменных пиков.

— Ты прямо как маленький.— Закутавшись в пушистую мягкую меховую накидку, Руфия стояла в дверях.— Иди лучше ко мне, мой герой!

— Иду, радость моя, иду! — отозвался Конан. Киммериец довольно рассмеялся и направился к девушке.

Глава первая

Ронан проснулся, но продолжал лежать, не открывая глаз и дыша ровно и спокойно, будто по-прежнему крепко спал. Сон порастил его до глубины души, и киммериец, все еще пребывая в полудреме, пытался осмыслить увиденное. Случись это с ним лет сорок назад, когда он был еще молод, Конану и в голову бы не пришло задумываться над сновидением. Да что там сорок... Еще год назад он бы попросту отмахнулся от всей этой чуши, но совсем недавно все круто изменилось. А началось все...

Он невольно наморщил лоб и попытался припомнить, с чего все началось, на какое-то время даже забыв о ночном кошмаре. Понемногу ответ начал вырисовываться, но был он неверен, словно призрачный силуэт незнакомца, скрытый пеленой предрассветного тумана, который виден и не виден одновременно. Скорее, это была догадка, постепенно оформившаяся в убеждение. Верно. Началось все со сна...

Едва эта мысль пришла киммерийцу в голову, как прошедшее ясно предстало перед ним, словно все случилось вчера. Видение оказалось настолько ярким, что он невольно вздрогнул. Красные Тени хватали бегущих по улицам Тарантии людей и уносили их неведомо куда, а он в бессилии сжимал кулаки, совершенно неспособный понять, что же происходит на самом деле.

Очередной страшный день закончился. Король вернулся в свои покои и, не раздеваясь, без сил повалился на постель. Он боялся, что не сможет уснуть, но невероятное напряжение последних дней взяло свое, и почти мгновенно он провалился в сон... Странные воспоминания закружились бешеным хороводом непонятных образов, в безумном танце которых он узнавал только отдельные картины. Мудрец Эпимитриус... Западный океан... Тяжелые свинцовые волны, разрезаемые форштевнем «Крылатого Дракона»... Улочки Птаукана... Сражение с гигантскими крысами и драконами, о которых в Хайбории никто уже и не помнит... И вновь путь на запад...

Когда все это всплыло в памяти, Конан попытался сосредоточиться, но поймал себя на мысли, что не в силах ответить на простой вопрос: что это? Отголоски того, что было на самом деле, или отрывки недавнего сна? Видения оказались настолько яркими и четкими, что запутаться было не мудрено. Как же отличить явь от сна? А может быть, и не было никакого сна? Или не было яви?..

Конану стало смешно, и он наверняка бы расхохотался, не возникни у него еще один вопрос: где он сейчас? Все еще спит? Или уже нет?

Северянин прислушался к своим ощущениям. Несомненно, он лежал на ложе из настеленных в несколько слоев шкур, накрытый вместо одеяла такой же шкурой. В следующий миг ноздри его тревожно затрепетали: в воздухе чувствовался тонкий аромат трав, смешанный с запахом сгоравшего в очаге смолистого дерева. Конан прислушался. Где-то рядом уютно потрескивал огонь, и больше не раздавалось ни единого звука, но киммериец понял главное: где бы он ни находился, он был не дома.

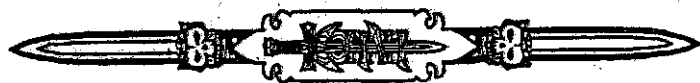
Конан осторожно, словно от этого зависела его жизнь, открыл глаза. Высоко над головой тонул в густом полумраке сводчатый, по-видимому, каменный потолок, который в редких вспышках пламени очага вдруг начинал искриться, словно его покрывал густой слой инея. Однако, судя по жару, ни о каком инее не могло быть и речи. Правую стену также скрывала темнота. Левая, рядом с которой он лежал, представляла собой грубо обтесанный кусок скалы, будто варвар находился в пещере.

— Долго же ты спал...

Низкий, бархатистый, с едва заметной хрипотцой голос неожиданно для него самого заставил Конана вздрогнуть. Притворяться спящим дальше не имело смысла.

— Кто ты? — задал он первый пришедший на ум вопрос, но ответом ему была тишина, и лишь когда киммериец собрался вновь напомнить неизвестной о себе, она наконец заговорила вновь.

— Ты все-таки забыл меня! — На сей раз в голосе прозвучали нотки горечи. — Пожалуй, в на-

казание стоило бы превратить тебя в камень... И не знай я, что все вы, мужчины, таковы...

— Деркэто...— едва слышно прошептал Конан.

Он резко сел, отбросив шкуру, которая взвилась темным облаком и мгновенно скрылась во тьме.

— Все-таки помнишь! — усмехнулась невидимая собеседница, и Конан понял, что смеется она над собой.

— Да разве мог я забыть тебя? — воскликнул он, удивляясь собственным словам, но все же добавил: — После того, что между нами было, что ты сделала для меня!

— Хотелось бы верить, что ты не лжешь... Впрочем, — повторила богиня, — все вы, мужчины, одинаковы. С глаз долой — из сердца вон!

Настроение Конана странным образом изменилось, хотя сам он еще и не осознал этого. Услышав ее горький упрек, он мгновенно забыл о ночном кошмаре и порожденной им тревоге. Ему вдруг стало стыдно, он неожиданно почувствовал, что виноват перед ней. И это тоже было странно. Король Аквилонии никогда не отличался склонностью к самокопанию. Он всегда считал себя во всем правым, и ничто до сих пор не могло поколебать его уверенности в этом.

— Но я...— начал было он, но богиня не дала ему договорить.

— Об этом поговорим позднее, а пока забудь! — приказала Деркэто. Конан не привык, чтобы с ним разговаривали таким тоном, но что-то в ее голосе заставило киммерийца не возражать. — Сейчас

есть дела поважнее. Твой сон, — закончила она, и северянин мгновенно позабыл об обиде.

— Откуда ты знаешь о моем сне?! — взволнованно спросил он и тут же осекся.

— Мне ли не знать? — снисходительно усмехнулась богиня. — Я ведь сама его на тебя наслала. — Конан недовольно нахмурился, но она не обратила на это внимания. — Расскажи мне теперь, что ты помнишь?!

— Что? — Киммериец вновь вспомнил о сне и вскочил, чувствуя необыкновенную легкость во всем теле, но даже не заметил этого, что тоже было совсем не в его характере. — Многое! — возбужденно воскликнул он. — Но явь и сон так перемешались, что я просто не в силах разобраться, где кончается вымысел и начинаются воспоминания о том, что было!

— Разве это так уж важно? — насмешливо поинтересовалась богиня.

— Кром! — Конан едва не вспыхнул: она что, издевается над ним? Глаза его гневно сверкнули. — То есть как это не важно?!

— Все очень просто, — вдруг совершенно серьезно заявила Деркэто, и, наверное, только поэтому Конан заставил себя сдержаться. — Все, что ты видел, правда, — объяснила она, — просто кое-что уже произошло, а остальному только предстоит свершиться. — Богиня мгновение помолчала. — Или нет, — добавила она, подумав. — Все зависит от того, по какому пути ты пойдешь.

— Так ты хочешь сказать, что я видел...

Внезапное озарение заставило Конана умолкнуть. Он верил и не верил ей одновременно. Яр-

кие воспоминания о том, чего не было, вспыхнули и закружились в его мозгу, но тут же пропали, едва зазвучал голос Деркэто.

— Да,— спокойно заговорила она.— Ты видел свою судьбу. Вернее, один из возможных путей.

— И все эти ужасы — лишь развлечение Высоких Богов?! — спросил Конан, уже зная, что она ответит.

— Верно,— подтвердила богиня.— И не могу тебя успокоить. Твой сон — наилучшее из того, что ожидает этот мир, если Высокие Боги возьмутся за него всерьез.

Киммериец молчал, пораженный. Так вот что ждет людей! Всеобщее умопомрачение, убийства, которым нет конца, ожившие мертвецы и вылезшие из нор нелюди, пришедшие из другого мира твари, кровопролитные войны всего мира против Аквилонии. Правда, он помнил, что во сне все кончилось хорошо, но ведь это лишь сон... Нет! Лучше бы ему так и остаться сном!

— Так ты хочешь сказать, что все еще можно изменить?

Конан с надеждой уставился в темноту. Туда, откуда мягкий голос Деркэто приносил ужасные ответы на его вопросы. Он по-прежнему не видел никого, и это против воли начало его злить.

— Будущее, несомненно, можно изменить,— нахмурившись заметила Деркэто.— По крайней мере, до тех пор, пока настоящее не отодвинуло его в прошлое.

И тут наконец Конан не выдержал. Ему надоел этот пустой разговор, надоело бессмысленное кружение вокруг истины.

— Кром! — вскричал он.— Если ты хочешь говорить о чем-то важном, так говори! Я готов тебя выслушать! И нечего стыдливо прятаться! Не девочка!

— С твоей стороны довольно бестактно напоминать мне об этом,— тихо засмеялась она.— Хотя... Быть может, ты и прав!

Помещение наполнилось светом, но он не вспыхнул, не ослепил Конана, который даже не понял, что произошло. Просто огонь в очаге разгорелся ярче, а воздух стал прозрачней, и тьма отступила.

Киммериец взглянул по сторонам. Место, где он оказался, и правда было пещерой, причем не вырубленной в породе, насыщенной вкраплениями кварца и горного хрусталя, как ему показалось в первое мгновение, а явно естественной. Об этом говорили исполинские каменные сосульки, свисавшие с высокого свода. Он уже видел такое прежде, в недрах гор, куда его иногда забрасывала судьба, только здесь эти огромные сосульки уже выросли до пола, сотни лет назад превратившись в роскошные колонны, подобных которым не смогла бы создать рука человека. Но Конан лишь мельком скользнул по ним равнодушным взглядом.

— Деркэто! — восхищенно воскликнул он, и злость его мгновенно улетучилась, не оставив и следа.— Ты все так же ослепительна!

— Конечно! — Она улыбнулась, но в ее улыбке не было радости, и Конан, сам не зная почему, вновь почувствовал себя подлецом.— Я ведь богиня...

Она шагнула ему навстречу, юная и прекрасная, и на лице ее уже застыла давно знакомая

снисходительная и чуть ироничная улыбка. Она словно говорила: «Я знаю, ты восхищен мной. Восхищен настолько, что не можешь вымолвить ни слова. Что ж, если так, не говори ничего. Все, что ты мог бы сказать, написано на твоём лице. В этом нет ничего нового...»

Киммерийцу тоже все это было давно знакомо, но если Богиня Страсти попросту устала от всеобщего поклонения, пресытилась им, то северянин увидел и нечто другое, то, чего не замечал прежде. Всего на миг во взгляде Деркэто мелькнули любовь и затаенная грусть, но это значило, что ироничная снисходительность — лишь маска, скрывающая истинное лицо богини!

Но это принесло ему не радость, а щемящую боль. Приоткрой богиня своё лицо тогда, когда ему было двадцать, все могло бы повернуться иначе! А теперь... Теперь ему шестьдесят, и для него все уже в прошлом... Он едва не вздохнул сокрушенно, но, поймав на себе её насмешливый взгляд, вовремя спохватился.

— Мы говорили о моём сне, — хмуро напомнил он, отгоняя прочь горькие мысли и злясь на себя за слабость.

— Хорошо. Расскажи мне о нём, — вновь попросила она.

— Кром! Не ты ли говорила, что сама насладила его?

— Да, это так, — охотно подтвердила Деркэто. — Я пыталась показать тебе грядущую беду, но не знаю, что из задуманного мною ты смог увидеть.

И тогда Конан начал говорить...

Рассказ получился долгим, зато в нём было все. И рейд на Антилию, и последовавший за ним поход на заокраинный запад, странный договор с горбуном, оказавшимся на поверку вовсе не тем, за кого хотел себя выдать. Он рассказал о путешествии к замку некроманта, который был совсем не некромантом, о возвращении в Аквилонию и об ужасных событиях, происшедших там. Он поведал богине обо всем, опустив в своём рассказе совсем чуть-чуть: то, что посчитал ничего не значившими мелочами. Правда, кое-что он не упомянул по забывчивости, но кое-что скрыл сознательно.

Когда он закончил говорить, Деркэто долго молчала, задумчиво глядя куда-то вдаль. Конан встал и подошел к столу. Собственно, это был не стол, а такая же изысканно извивающаяся колонна, что окружали их со всех сторон, но середина её была вынута. На полу осталась круглая, с изрезанными краями подставка локтей десять в поперечнике. Её тщательно отполированную поверхность, словно годичные кольца на дереве, покрывали извилистые круги, которые плавно меняли цвета от нежно-голубого в середине до бледно-розового по краям.

Изысканные вина, вазы с фруктами, блюда с мясом громоздились едва ли не друг на друге, не оставляя и пол-ладони свободного места. Рот короля против воли наполнился слюной. Он ощутил страшный, нечеловеческий голод и подивился про себя тому, что не замечал всего этого великолепия раньше, когда говорил. Впрочем, совсем недавно в пещере царила темнота, но Конан ведь прекрас-

но помнил запахи, и среди них точно не было того чудесного букета, что вызывал болезненные спазмы в желудке сейчас! Смолистые поленья и травы, но никакого мяса. И уж тем более вина!

А-а! Кром! Какая разница?

Киммериец налил себе огромный кубок красного пуантенского и с наслаждением выпил его: в горле от долгого рассказа пересохло.

— Что скажешь, богиня?! — весело спросил он, лукаво взглянув на Деркэто.

— В твоём рассказе было много странного... — призналась наконец Деркэто.

— Например?

— Не ожидая приглашения, киммериец уселся за стол и принялся за еду.

— Откуда взялся горбун? — задумчиво произнесла она. — Его не должно было быть в твоём сне...

— Но если он Вестник Высоких Богов, то без него было бы не обойтись. — Конан равнодушно пожал плечами.

— Быть может, и так, — согласилась богиня. — Во всяком случае, ничего иного в голову мне просто не приходит.

— Я завидую тебе, — заметил Конан, утерев губы. — Ты расстраиваешься из-за какого-то горбатого Вестника, в то время как я вообще ничего не понимаю! Кто такие Высокие Боги? Что за странные игры, в которые меня втянули против воли? И что это, наконец, за беды, на которые ты намекала? И это только самые крупные из вопросов!

Деркэто встала, и Конан умолк, пораженный: так обворожительна была она в длинном белоснежном платье, перетянута на узкой талии тоненьким золотым пояском.

— Я понимаю, что у тебя накопилось много вопросов, и мы обязательно поговорим об этом... — начала она. — Потом. А сейчас скажи мне еще вот что... — Она запнулась. — Если бы та беда, что привиделась тебе во сне, грозила наяву и ты мог бы, пусть даже ценой собственной жизни, предотвратить ее, ты бы пошел на это?

— Конечно! — ответил Конан, ни на миг не задумываясь. — Что терять мне, старику? — спросил он простодушно, хотя сейчас совсем не чувствовал себя старым.

— Старику?!

Деркэто лукаво взглянула на Конана и, взяв его за руку, повела за собой. От ее прикосновения кровь, как в молодые годы, закипела в жилах киммерийца, а сердце бешено заколотилось в груди, но он ничем не выдал себя. Она же подвела его к зеркалу, искусно изготовленному из куска идеально отполированного голубоватого льда; в оправе из разноцветных снежинок, уложенных в бутонны сказочных цветов.

Конан взглянул на свое отражение — это был он и одновременно не он. Из толщи льда на него с усмешкой смотрел покрытый шрамами могучий двадцатипятилетний воин без единого седого волоска в смоляных волосах, без единой морщинки на гладком лице. Киммериец обмер. Он чувствовал, пожалуй, даже верил, что его двойник в зер-

кале — не искусно наведенная иллюзия, не глупая шутка, не гнусное колдовство, не попытка жестоко посмеяться над ним.

Осторожно и неожиданно робко, страхась обмануться в последнее мгновение, он коснулся себя рукой — несомненно, зеркало отражало его. Его, но не такого, каким он помнил себя, а могучего и помолодевшего! Он уже знал, что это правда, верил в нее умом, но все еще боялся поверить сердцем. Конан трогал шрамы, которые начали уже болеть к непогоде, которые ныли по утрам или после долгой скачки... Все прошло. Тело утратило память о боли, но мозг не лишился воспоминаний о прожитой жизни! Так вот откуда та легкость, которую он почувствовал!

Он перевел взгляд на наблюдавшую за ним богиню, и она кивнула ему.

— Теперь ты видишь, тебе есть что терять, — улыбнулась Деркэто, напряженно вглядываясь в него: не передумает ли?

— Это верно, — согласился Конан, — но теперь у меня еще больше причин драться. — Он вдруг нахмурился. — А ведь я помнил и об этом! — воскликнул он. — Я помню Врата Вечности, сады Иштар и саму богиню, вернувшую мне молодость.

— Так почему же ты так удивлен? — рассмеялась Деркэто.

— Да потому что горбун ведь тоже вернул мне молодость! А дважды молодость не возвращают!.. По крайней мере, одновременно. В этом просто нет смысла! Ну я и подумал, что все это мне только приснилось.

— Но теперь-то ты видишь, что это не так?

— Да, — ответил киммериец и посмотрел на богиню, как смотрел когда-то давно. Видимо решившись на что-то, Конан шагнул к ней, но она, легкая, как пушинка, увернулась. — Между прочим, — самодовольно усмехнулся он и прищурился, — мне помогали пять моих бывших подружек.

— А вот о них забудь! — Деркэто строила премилую гримаску и щелкнула пальцами перед носом помолодевшего варвара. — Как раз это был сон! — мстительно заявила она.

* * *

Повелитель Вечной Ночи, как звали его обитатели Нижнего Мира, замер на черном, испещренном замысловатыми вензелями троне, и взгляд его остановился на прекрасной гостье. Зал с низко нависшим потолком тонул в полутьме, и лишь два масляных светильника по бокам трона освещали его.

— Что скажешь, прекраснейшая из богинь? — заговорил наконец сидевший на троне, странно выделяя свистящие и шипящие звуки.

— Темно у тебя здесь, — низким бархатным голосом ответила богиня. — Мрачно как-то, — добавила она, подумав.

— Насколько я понимаю, у Митры тебе понравилось больше? — простодушно поинтересовался Сет.

— Там, по крайней мере, светлее, — уклончиво ответила она.

— Что ж, — усмехнулся Отец Тьмы, — желание гостя для меня закон!

Он небрежно хлопнул в ладоши, и в тот же миг все вокруг переменялось. Показавшийся вдруг неправдоподобно огромным зал залили потоки яркого света, белого и золотого, и от их сверкания зарябило в глазах.

— О, нет! Это уж слишком! — простила Деркэто, прикрыв лицо ладонями.

Сет, следивший за ней с откровенной усмешкой, взмахнул рукой, и все пропало.

— Правду говорят люди — трудно угодить женщине, — лицемерно вздохнул он. — Но все-таки я попытаюсь.

Он щелкнул пальцами, и зал тут же превратился в храм, спрятавшийся в глубине веселой долины. Стройные обсидиановые колонны поддерживали легкую двускатную крышу. Храм стоял на галечной отмели, с трех сторон окруженный древними горами из мягкого песчаника. Веками дувшие ветра разделили его на пласты, каждый из которых отличался цветом от соседних — белый, голубой, розовый, желтый всех мыслимых оттенков. Шустрый ручеек бежал вдоль правой стены, наполняя воздух хрустальным перезвоном. Светильники возле трона стали курильницами, источавшими аромат сосновой смолы.

Деркэто блаженно зажмурилась.

— Он согласился? — грубо вернул гостью к действительности Сет.

— Конечно! — Богиня удивленно посмотрела на собеседника. — Разве могло быть иначе? — Сидевший на троне склонил голову в знак согласия, но не проронил ни слова. — Ответ и ты мне, если все

так просто, как ты сказал, и Посланцу не избежать ловушки, то зачем тебе Конан?

— Сдается мне, не все пройдет столь гладко, как нам того бы хотелось. — Некоторое время Великий Змей напряженно молчал. — Я все рассказал тебе о ловушках, но ничего не сказал о Претенденте.

— О ком? — Деркэто удивленно вскинула брови.

— О Претенденте на право наследования этого мира, — устало пояснил Сет, и богиня невольно вздрогнула. — Ты понимаешь, кто такой этот Посланец? Сюда прибудет Претендент на право наследования этого мира, — повторил он, на этот раз делая ударение на каждом произнесенном слове. — Он из кожи вон готов будет вылезти, лишь бы подтвердить свое право! Ну... если, конечно, у него будет кожа, — добавил Повелитель Ночи, подумав. — К тому же нельзя забывать, что Высокие на его стороне, а это значит, что мы не сможем нарушить правила игры, даже если захотим! Нам, правда, могут позволить это. — Он помолчал и после паузы счел нужным добавить: — Но нарушение правил само по себе ведет к нашему поражению. А может оказаться и еще хуже, — нахмурился он вдруг, словно крайне неприятная мысль внезапно пришла ему в голову. — Нас могут сознательно поставить в такие условия, что ради победы мы будем вынуждены нарушить правила!

— Но разве нельзя сделать этого тайно? — тихо спросила она, став на мгновение похожей на простую, хотя и божественно прекрасную, женщину. — Ведь ты говоришь, что тот щит, которым окружен наш мир...

— Нет! — отрезал он. — Правила игры таковы, что скрывать ничего и не нужно — все и так останется в тайне. Просто нарушивший правила станет более уязвимым, в его защите появится невидимая брешь, а оружие станет не столь сокрушительным, как прежде!

Сет невесело усмехнулся, и она тут же поняла, что на свои силы им рассчитывать не стоит.

— И все-таки что тебя страшит? — продолжала допытываться она.

— Неизвестность, — спокойно ответил Сет, равнодушно пожимая плечами, словно речь шла о чем-то совершенно очевидном. — А ведь Высокие знают о нас все! — добавил он яростным шепотом. — Они пришлют бойца, для которого любой из людей будет не опаснее, чем блоха для пса! С той разницей, что пёс еще должен суметь поймать блоху, а выставленному нами бойцу надо не прятаться, а нападать, понимаешь?! Блохе придется сожрать пса!

И без того огромные глаза богини округлились, когда она представила, что предстоит сделать Конану, но и ужас не исказил ее прекрасного лица, и Сет, невольно забыв обо всем, залюбовался ею.

— Ты все еще любишь его? — вдруг спросил он.

— Да, — без колебаний ответила богиня.

— Ты меня прости, — неожиданно мягко сказал Великий Змей, — но, по моему, это бессмысленно...

Деркэто пожала плечами и ничего не ответила.

— Ты знаешь, — вдруг заговорила она, — недавно я поняла одну до смешного простую истину: любви никто не может добиться силой, даже Бо-

гиня Страсти! Только любовь порождает ответное чувство!

Владыка Ночи скептически покачал головой, но спорить не стал.

— Вот и постарайся объяснить ему суть нашего разговора. Он должен понять, что его личная доблесть ничего не будет значить, а его сила не пригодится! И запомни: если ты плохо объяснишь это Конану или решишь пощадить его самолюбие, он погибнет, не успев сделать и сотни шагов! Ему придется работать головой. Заманить чужака в ловушку, и не более того. Если справится, мы все спасены. Нет — всем крышка, как принято выражаться у людей.

— И все-таки зачем тебе Конан? — не отставала от него Деркэто.

— Мне нужна блоха, способная не попасться псу на зуб, — ответил Сет, отводя глаза.

* * *

— Ну хорошо, — сказал Конан, — я согласен. Теперь скажи, на кого мне нужно охотиться.

— Охотиться? — Она усмехнулась, правда невесело, мгновенно припомнив все, что рассказал ей Сет. — Да ни на кого. Охотиться будут на тебя!

— Как интересно... — мечтательно протянул киммериец, и она так и не поняла, шутит он или говорит серьезно.

Конан отхлебнул вина из кубка и, прищурившись, окинул Деркэто насмешливым взглядом.

— Дурак! — возмущенно фыркнула богиня, и ее огромные прекрасные глаза потемнели от гнева. — Я ведь говорю с тобой серьезно!

— Ну а если серьезно, так не пора ли мне все рассказать, а потом уже спрашивать, что я об этом думаю?

— Надеюсь, многое ты и сам уже понял,— резонно заметила богиня.

— Кром! Верно мыслишь, красавица.— Конан кивнул.— Предстоит охота, на которой мне отведена роль зайца. Правда, я оказался староват, а потому, чтобы мог скакать пошустрее, мне вернули молодость. Теперь хорошо бы узнать еще кое-что. Кто охотник? Где лес? Не говоря уже о том, зачем все это вообще?

— Хорошо, я объясню.

— Наконец-то! — с деланным облегчением воскликнул Конан, утирая со лба несуществующий пот.— Только не сердись, если после твоего рассказа мне расхочется играть в эти игры.

— С чего же начать? — Она надолго задумалась.

— Ну,— Конан легкомысленно пожал плечами,— расскажи для начала хотя бы, кто такие Высокие Боги. А то глупо как-то получается: мы разговариваем, а я даже не все понимаю.

— Что же, можно и так,— кивнула Деркэто.— Хочу только сразу сказать, что наверняка не знаю всего, равно как и люди не знают всего о богах Хайбории. Начнем хотя бы с того, что есть среди них такие, о которых знают все,— Высокие Боги, Имеющие Имена. Это Рок, Властитель Судеб. Ему известны жизненные дороги всех, включая нас, людей и даже Высоких Богов. Это Харунос — Властитель Времени. Только с его согласия можно

проникнуть мыслью в грядущее или узреть видения прошлого.

— Это понятно,— прервал ее Конан.— Только мне отчего-то кажется, что речь пойдет не о них.

— Верно,— согласилась богиня.— Эти боги вездесущи и всеильны. Бороться с ними — пустая трата времени и сил. Но есть и другие. Речь о них. Так вот, все мы: люди, населяющие землю, и боги, которым они поклоняются,— находимся под покровительством одного из них, одного из Безымянных.

— Так кто же он такой? — удивился Конан.

— Это мир, в котором мы живем! — воскликнула Деркэто, и глаза ее засветились восторгом.

— Уж не хочешь ли ты сказать,— изумился киммериец, невольно покачав головой,— что нашему миру кто-то угрожает?!

— Именно так,— подтвердила она.

— Но кто же это? — подумав, спросил киммериец.

— Во вселенной полно других миров,— со вздохом ответила она,— но очень мало живых, как наш. И это большинство, к которому не относится наш мир, нетерпимо ко всему, что не похоже на них или просто им не по нраву! — Она возбужденно заходила по пещере, а Конан невольно залюбовался ею, забыв обо всем.— А меньшинство, резко отличающееся от них, не желает существовать в отведенных им тесных рамках,— продолжила она.— Им скучно размышлять над вечными вопросами. На телах таких мечтателей возникает жизнь. В первую очередь это боги-помощники, боги-скитальцы. Те, кому наскучило странствовать в просторах вселенной, те, кто хочет где-нибудь

обосноваться, но так, чтобы кто-то из Высоких Богов не обратил на них внимания и не истребил, ведь их и наше могущество несопоставимо!

Некоторое время Деркэто вновь молчала, собираясь с мыслями.

— Так случилось и здесь,— вновь заговорила богиня.— Постепенно семья наша расширялась. Все шло хорошо, но все мы были слишком молоды и беспечны, а потому не знали, что Высокие Боги, даже не имея возможности непосредственно следить за событиями, не забывают о нас.— Сказав это, она поморщилась, как от зубной боли, и Конану мгновенно захотелось отомстить тому, кто эту боль причинил.— Теперь-то мы знаем, что в каждом живом мире у них есть тайные и явные соглядатаи. Высокие Боги считают, что жизнь — это особое заболевание, которому подвержены их тела, а потому следят, как бы болезнь не зашла слишком далеко.

Немало киммериец повидал за свою долгую жизнь и плохого, и хорошего, и горя, и слез. Не раз он сталкивался с колдовством, о котором большинство людей и понятия не имело. Но такого... Он очумело потрянул головой.

— Кром! — невольно вырвалось у него.— Да это ж бред какой-то!

— Я тоже так думаю...— спокойно согласилась Деркэто.

— Так в чем же дело? — Конан впился в богиню взглядом, требуя немедленного ответа.

— Я думаю, они просто боятся...— помявшись, молвила Деркэто.

— Кого? — недоверчиво буркнул киммериец.

— Людей...

Она пожала плечами, словно и сама понимала нелепость своих слов. Некоторое время Конан молча смотрел на нее, стараясь понять, не шутит ли. Но нет, она говорила серьезно.

— Чем же люди-то могут быть им опасны? — наконец спросил он.

— Колдовством и ремеслами,— все так же спокойно объяснила она.

— Кром! — не выдержал киммериец.— Ну, колдовство,— он по старой привычке скривился,— это я еще могу понять, хотя поверить, что кто-то накопил силу, чтобы разрушить мир, мне все-таки сложно. Но ведь только такая сила может представлять опасность для Высоких Богов!

— Верно.— Деркэто не стала спорить.— Тем не менее колдунам Ахерона оставалось сделать последний шаг, и они смогли бы уничтожить мир, в котором мы живем.

— Но зачем это им было нужно? — вскричал Конан, отказываясь верить в услышанное.

— Разве я говорила, что они этого хотели? — Деркэто искренне удивилась.— Я только сказала, что они могли бы, а это не одно и то же...— Конан кивнул, и она продолжила: — До них были нааги, давно исчезнувшие с лица земли. Те были еще сильнее. Правда, их сила не угрожала иным мирам, но они были сметены.

— Кем? — спросил Конан.

— Митрой,— как нечто само собой разумеющееся пояснила богиня, и Конан нахмурился. Инту-

иция подсказывала ему, что так оно и есть на самом деле, но истребление целого народа ему было явно не по душе, хотя вспоминать свою единственную встречу с пробужденным королем наагов без содрогания он не мог. Правда, он понимал и то, что слишком мало еще знает, чтобы судить о далеких и, видимо, грозных делах.

— Но почему же мир, на теле которого мы живем, не защитит нас, если он добр и могуч?

— У него слишком много противников.— На лицо Деркэто легла печать задумчивости, глаза превратились в два бездонных колодца, словно сама Вечность взглянула сквозь них на Конана.— Как бы тебе объяснить... Представь, что на тебя напали враги, четверо против одного. Все вы безоружны и равны по силам. Их ничто не связывает, в то время как ты должен расправиться со всей четверкой, чтобы защитить свою семью...

— Ярость придаст мне сил! — запальчиво воскликнул он.

— Я рада, что ты так ответил, — богиня улыбнулась, — но достаточно ли этого? А если их не четыре, а четыре десятка?

— Не весело... — погрузнев, согласился Конан.

— Да, — повторила она, — не весело. Пример, конечно, грубый, но суть передает верно. У Высоких нет оружия в нашем понимании. Они не умеют передвигаться, а значит, не смогут непосредственно напасть на наш мир. Они действуют Силой! Сила — их оружие. Оно может быть мечом, может быть щитом или инструментом. Все зависит от того, что нужно сделать. Но главное, что их много

и действуют они сообща! Теперь ты представляешь, что произойдет, если они сочтут, что люди опасны для них? Нас никто не сможет защитить, только мы сами! Понимаешь?!

— Понимаю?! — Конан покачал головой. — Да ты меня совсем запутала, женщина!

Она рассмеялась и тут же посерьезнела:

— А если бы против той же четверки нападавших ты вышел в полном облачении?

Теперь уже пришел черед Конана смеяться: ответ был очевиден.

— Дело в том, — заговорила богиня, пристально глядя ему в глаза, — что Сет придумал кое-что. Давно... Очень давно.

Конан нахмурился, но ничего не сказал. Теперь он вообще ничего не понимал... Вернее, была у него неясная догадка — не зря же Деркэто упомянула об оружии! Но такая мысль казалась ему слишком уж нелепой. Когда он попытался представить себе мир, чья плоть — земля, на которой они живут, а разум — ее глубины, воинственно размахивающим мечом, то почувствовал, что разрывается между двумя желаниями: расхотеться и рассвирепеть.

— Что ты имеешь в виду?

— Пирамиды, — спокойно ответила она.

— Но это же просто гробницы! — воскликнул он, едва не всплеснув руками, но вовремя вспомнил о зажатом в правой руке кубке.

— Все так думают, — усмехнулась Деркэто. — На самом деле это не так. — По ее высокому чистому лбу пробежали морщинки. — Ты никогда не заду-

мывался над тем, что заставляло властителей Стигии строить себе гробницы за десятки лет до смерти, а то и сразу после рождения?

Конан поставил кубок на стол и начал теревить себя за губу, словно собрался оторвать ее. А действительно — что?

— Я думаю, они и сами не знали этого, — наконец произнес он задумчиво и глубокомысленно добавил: — На все воля богов!

— Верно! — Деркэто рассмеялась. — На то была воля Сета! Так вот, пирамиды как раз и есть то оружие, которое позволяет Высокому, под чьим покровительством мы живем, использовать свою силу.

Конан запустил пятерню во всклокоченную шевелюру и почесал затылок.

— Странное оружие...

— Быть может, — согласилась богиня, — но оно действует.

Киммериец покачал головой: Кром! Ну и дела!

— Хорошо, а что оно дает? — наконец спросил он.

— Оно защищает наш мир от проникновения извне, равно как и от бегства отсюда без нашего ведома.

— Тогда зачем я? — недоуменно спросил Конан.

— Ты слишком нетерпелив! — Деркэто жестом остановила его. — В том-то и беда, что есть краткие периоды, когда проникновение все-таки возможно... Они чрезвычайно редки, но раз в несколько тысячелетий расположение светил становится невыгодным для нашего мира. С этим ничего не поделаешь. — Она вздохнула. — Сет говорит, что очень скоро наступит такое время.

— Об этом нужно было думать раньше, — резонно заметил Конан и невесело усмехнулся.

— Раньше!.. — Деркэто опять возбужденно заходила по пещере, и киммериец вновь поймал себя на том, что любит ее. Наконец она остановилась. — А кто сказал тебе, что это не так? Но самые могучие из нас — Митра и Сет... — Она замолчала, и лицо ее на мгновение исказила болезненная гримаса, словно она вынуждена говорить о чем-то очень неприятном. — Если бы они действовали заодно, сейчас не о чем было бы беспокоиться, но каждый считал себя умней другого, а на деле они лишь мешали друг другу!

— Расскажи мне об этом, — попросил Конан, — ведь у нас есть еще время, пока... Звезды сблизятся?

Она рассмеялась:

— Хорошо, что ты еще не потерял чувства юмора. Ну, слушай. Наш мир молод. Относительно, конечно. Но все боги Хайбории понимали: раз появился живой мир, а в него пришли они и создали людей, за ним будут наблюдать, и вовсе не доброджелательно.

— Ну еще бы! — Конан усмехнулся. — Даже если дозволено все, одно только сознание того, что за тобой постоянно приглядывают, способно испортить любое наслаждение.

— Правильно, — слегка улыбнулась Деркэто. — Прибавь к этому еще одно: несмотря на вседозволенность, тебя непременно поправят, как только ты сделаешь что-то не то, а огрызнешься, так и накажут. Не могу утверждать наверняка, но думаю, что каждый из нас не раз задумывался над

тем, как обрести свободу, но придумать что-то дельное удалось лишь Сету.

— Быть может, сам мир подбросил ему идею? — спросил Конан.

— Все может быть. — Деркэто задумалась. — Признаться, мне это как-то не приходило в голову. Впрочем, какая разница?

— Верно, — согласился он, — никакой.

— Так вот, — продолжала она, — Сет задумал создать несколько... Как ты их назвал? Гробниц. Ты ведь бывал в Стигии? — Киммериец кивнул. — Значит, должен знать, что они очень разные, и это выглядит вполне естественно.

— Угу. Чем богаче покойник, тем внушительней возведенная над ним гробница.

— Вот, вот. На самом же деле все здесь тщательно продумано. Положение каждой из пирамид скрупулезно рассчитано по звездам, а грани строго сориентированы по сторонам света и относительно друг друга. В итоге получился инструмент, при помощи которого силу нашего мира можно использовать для совершенно новых целей. Но, в общем-то, тебе это, наверное, неинтересно. Главное, что все это действует.

— Откуда ты это знаешь? — осведомился Конан, вновь принявшись за еду. — С чего ты вообще взяла, что кто-то должен прибыть?

— Ну, — Деркэто усмехнулась, — это-то как раз просто. В свое время мы выловили одного соглядатая, развоплотили его и тут же получили ответный удар, но с помощью пирамид сумели защититься. Более того, и наш мир, и все мы стали

неизмеримо сильнее, хотя и не настолько, чтобы противостоять объединенной мощи остальных.

— И кто же это был?

— Твой знакомый горбун.

— Надо же! — покачал головой киммериец, ничуть при этом не удивившись. — А он-то хвалился, что ему все нипочем, а уж наши жалкие боги и подавно!

— Он должен был так думать: всегда полезно, когда противник тебя недооценивает. Впрочем, — тут же добавила она, — он не лгал. Так оно и было до тех пор, пока горбун не обнаружил себя. Но теперь это в прошлом.

Конан вспомнил мерзкого старикашку и почувствовал, как легкий холодок пробежал по спине. Он резко обернулся — никого не было.

Однако богиня настожила:

— Что с тобой?

— Так... Показалось, — отмахнулся Конан. — Рассказывай дальше.

Киммериец старался выглядеть беспечным, хотя на самом деле чувствовал себя не в своей тарелке: испугался непонятно чего! Деркэто странно посмотрела на него, но ничего не сказала.

— Так вот, пирамиды — это еще не все, — продолжила она. — Сет создал племя наагов, способных сообща противостоять Пришельцам, или Посланцам — называй как хочешь. Он был близок к цели, но Митра воспротивился этому. О том, что случилось после, вспоминать тошно. Началась междоусобная борьба, длившаяся бездну лет. В конце концов и сами нааги забыли о своем предназна-

чении, все силы отдав битве с людьми за место под солнцем, и были уничтожены.

— И правильно! — воскликнул Конан. — Встречался я с одним из них... Лучше бы этой твари вообще не родиться на свет!

Деркэто вздохнула:

— В том-то и вся беда! Митра не мог согласиться с существованием змеелюдей. Он считал, что таким образом Сет просто пытается усилить свои позиции в борьбе с ним.

Киммериец недобро усмехнулся:

— Ты говоришь так, потому что сама ближе к Сету, чем к Митре.

— Что еще можно ожидать от смертного? — фыркнула богиня. — А я думаю, что нужно было и искать общие интересы, а не отстаивать свою правоту любой ценой. — Она вызывающе посмотрела на варвара. — Кстати, это относится в равной степени к обоим. Митра же и слушать ничего не желал, а Сет встал в позу обиженного! И мир получил то, что получил: уничтоженных наагов и на тысячелетие отброшенных в своем развитии людей.

Тут Конан впервые засомневался. Он видел, что доводы Деркэто вполне разумны, но почему-то не мог согласиться с ними.

— Не знаю, не знаю. — Он задумчиво покачал головой.

— Я понимаю, — Деркэто вздохнула, — в это трудно поверить. Любой человек относится к змеелюдям как к воплощению зла... В общем, я тебя понимаю, — повторила она. — Но ведь нечто подобное произошло и после того, как пала Валузия.

— О чем ты говоришь? — насторожился киммериец.

— Об Ахероне. Слышал о нем что-нибудь?

Конан кивнул:

— Империя колдунов.

— Именно! А ты помнишь, что пирамиды нужны были не сами по себе? — Последовал новый кивок, и Деркэто продолжила: — Так вот, Сет извлек уроки из случившегося. На сей раз он не стал создавать особых существ, приспособленных к овладению магией. Они наверняка выглядели бы монстрами. Он решил вообще никого не создавать, а вместо этого начал передавать свои знания людям, надеясь, что теперь-то не возникнет поводов для недовольства, и опять ошибся. Податель Жизни вновь решил, что Великий Змей интригует, и история повторилась. Только на сей раз был разрушен Ахерон.

— Но ведь это была страна жестоких и беспощадных колдунов! — перебил ее варвар, но Деркэто только расхохоталась.

— А что ты вообще знаешь об Ахероне? — неожиданно спросила она.

— Ну... — Конан задумался, потому что и правда почти ничего не знал. — Я много о нем слышал, — наконец выкрутился он, — но, к сожалению, ничего хорошего.

— Да, — грустно кивнула Деркэто, — в те времена было много жестокости... — Она помолчала. — Но подумай-ка, разве современный мир избавился от нее? Что делают с нежеланными гостями пикты? И никто не позавидует пленникам гирканцев. Раз-

ве не так? — Она пытливо посмотрела на киммерийца, но тот молчал. — Но знаешь ли ты, как прекрасен был Ахерон? Ты не видел и никогда не увидишь его городов с рвущимися в синее небо серебряными башнями! А еще была Атлантида, пронзительный и ясный мир... Мир твоих предков, Конан! Молодой мир, дерзкий! Мир, которому еще предстояло превратиться в могучую империю! Что же сделал Митра? Понимая, что только атланты способны противостоять Ахерону, он затопил остров, чтобы варвары устремились на восток, сметая все на своем пути! Мир вновь оказался отброшенным назад!

Долгое время Конан молчал, обдумывая услышанное.

— Как-то все странно, — наконец заговорил он, — Митра — символ добра для людей. Сет — символ зла, а ты пытаешься убедить меня, что на самом деле все наоборот...

Он вопросительно посмотрел на Деркэто, словно прося ее помочь разобраться.

— Мир проще и сложнее одновременно. Одно и то же может оказаться добром для одного и злом для другого. А Митра и Сет...

— То есть как это? — не понял Конан.

— Ты только что утолил голод. Это хорошо или плохо?

— Конечно, хорошо!

— Но вряд ли с тобой согласится баран, которого ты съел.

— Ладно. — Киммериец пожал плечами. — Можно питаться и фруктами, — добавил он со вздохом,

вспомнив свой печальный опыт, и лицо его перекопилось.

Глядя на него, Деркэто расхохоталась:

— Между прочим, друиды уверены, что и растения имеют души, а значит, они ничем не отличаются от прочих живых существ.

— Так что же, мне вообще ничего не есть? — вспыхнул Конан.

— Тогда ты умрешь, то есть причинишь вред себе.

Деркэто улыбнулась, а Конан затряс головой. Теперь, после ее объяснения, он чувствовал себя полным идиотом.

— Хорошо, — наконец сдался он, — ты говорила о Митре и Сете...

— Ладно, — кивнув, согласилась она. — Итак, Сет. Он активен. Он по-своему понимает благо и, чтобы претворить в жизнь свои идеи, способен на большие жертвы. И он никому не рассказывает о своих замыслах. Митра же предпочитает ничего не делать, зато любит проповедовать свою точку зрения на мир. Он ждет, когда его идеи проникнут в сердца людей, и тогда он одержит окончательную победу. Мудрено ли, что большинство хайборийцев поклоняются ему. И как это ни горько, именно поэтому крепнет его вера в свою правоту. Когда же наконец он решает, что пора применить силу, достается всем! Мир оказывается на грани уничтожения, потому что этот миротворец не щадит никого! Стремясь уничтожить противников, он не думает о том, что вместе с ними гибнут и его сторонники.

— Ты хочешь сказать, что Митра лишь разглаживает о добре, в то время как Сет действует во имя добра?! — не скрывая иронии, воскликнул Конан.

— Зачем впадать в крайности? — удивилась Деркэто. — Слуги Митры сделали много полезного, искореняя зло. Развитие ремесел достигло необычайных высот, причем без всякого колдовства.

«Или вкупе с ним», — подумал Конан. Именно с этим он столкнулся во время агадейской кампании. Впрочем, киммериец знал, что науки вытесняют магию. Об этом еще лет двадцать назад ему говорил чернокнижник Пелиас.

— Плохо другое, — пояснила Деркэто. — Сет был вечно занят своими делами и никогда лично не вмешивался в дела Митры, в то время как Податель Жизни не гнушался этим. Он лихо разрушал то, что удавалось создать Сету. Впрочем, мы об этом уже говорили. Он вознамерился дать людям иные знания, в корне отличные от колдовства, но овладеть ими нельзя вот так, сразу, как это делают те, кто изучает магию. Чародеям, чтобы достичь Высокого Мастерства, порой хватает жизни. В постижении наук все иначе. Чтобы добиться по-настоящему впечатляющих успехов, многие поколения людей должны упорно работать. Конечно, это благородная и вдохновенная цель, но беда в том, что Митра ею оправдывает все и без колебаний вмешивается, если думает, что зло набирает силу, причем не просто зло, а то, что он считает злом.

— Но разве это говорит о том, что он не прав? — спросил Конан, и богиня надолго задумалась.

— Понимаешь, Сет давал людям знания, позволявшие пользоваться силой нашего мира. Он знал, что рано или поздно Высокие Боги посчитают необходимым вмешаться, и готовился к этому. Быть может, в чем-то он оказался не прав, но он знал, чего хочет, старался предугадать возможные последствия и защититься от них. Согласись, это разумно. — Конан подумал, кивнул, и она продолжила: — Знаешь, почему Митра решил уничтожить наагов? — Он покачал головой. — Из-за предупреждения Высоких Богов. Как сейчас. Но тогда причиной были змеелюди Сета. После этого появилось пресловутое Великое Равновесие Добра и Зла. Величайшее изобретение Митры.

— Я кое-что слышал о нем, — скромно заметил Конан.

— Знаю. Выглядит-то все очень красиво.

— К чему ты клонишь? — не понял киммериец.

— Помнишь, — богиня пристально посмотрела в его синие, как лед, глаза, — мы только что говорили о твоём голоде, барашке и фруктах?

— Но ведь это мелочи... — неуверенно произнес Конан.

— Верно, — согласилась она. — Но ведь большое складывается из малого... Понимаешь? Сет щедро раздавал знания, но далеко не всем. Он понимал, что это заметят, и был осторожен. Я не хочу сказать, что он не ошибался, но еще раз повторю: он знал, чего хотел и что делал.

— А Митра?

— А Митра посчитал, что, если он рассеет знания среди множества людей, они не будут столь

заметны, хотя сумма их и окажется значительной. Он свято верил в свою непогрешимость и даже не думал скрываться, но недавно наступил переломный момент: мир окончательно свернул на этот путь развития. Только Солнцеликий ошибся. Мы опять получили предупреждение. Поэтому-то и решились уничтожить соглядатая: нужно было готовиться к отпору, а делать это лучше скрытно.

— Что же их не устроило на этот раз?

— Они испугались...

— Испугались?! — Конан не выдержал и расхохотался. — Испугались чего?! Того, что сапожник станет тачать сапоги лучше, а повар готовить вкуснее?!

Однако богиня оставалась серьезной.

— И все же они сочли это не менее опасным, чем расцвет магии в древней Валузии... Само по себе это уже говорит о многом. Не забывай, мы ведь получили предупреждение!

— Но это бред какой-то! — Конан недоверчиво смотрел на богиню.

— И тем не менее это так! — возразила она. — Мы ждем Посланца, поэтому ты здесь.

— Кто он такой?

Деркэто пожала плечами:

— Не знаю. Возможно, когда ты встретишься с Сетом, он сумеет удовлетворить твоё любопытство. А мне известно лишь, что очень скоро звезды примут нужное положение и Посланец появится внутри величайшей из пирамид — пирамиды Тут-Хоса. И еще я знаю, что он непременно должен попасть к Алтарю Митры и разрушить его.

— Пусть разрушает. — Конан хмыкнул. — Я не хочу выглядеть святотатцем, но то, что разрушено, можно отстроить.

— Ты не понимаешь! — воскликнула она. — Если Алтарь будет уничтожен, произойдет нечто ужасное! Митра слишком много силы вложил в свое творение!

— Что ты хочешь сказать?

— В нем сосредоточена значительная часть силы Митры. Ты же видел, что это такое. Если немногие из людей и сумеют выжить, они окажутся не в силах бороться с соплеменниками Посланца. С теми, кто придет следом. Его необходимо остановить.

— И для этого выбрали меня?

— Да, — просто ответила она.

— Но что же я могу сделать? — удивился Конан. — Я никогда не обучался колдовству. Мне ли противостоять Посланцу Высоких Богов!

— Но он не будет колдуном! Он будет воином!

— Ты уверена в этом?

— Ты просто забыл, что я тебе говорила о Высоких Богах. Их силы огромны, знания почти безграничны, но они лишены способности передвигаться. Их досуг занят созерцанием и размышлениями, и они надумали, что человечество таит в себе угрозу! Они нанесли удар, но ничего не достигли. Теперь они пришлют к нам существо, способное справиться с возложенной на него задачей.

— И все-таки, — продолжал настаивать Конан, — откуда ты знаешь, что это будет воин, а не колдун?

— Таковы правила. В мир, который пошел по пути овладения науками, приходит существо, лишенное магических способностей.

— Но кто установил эти правила?

— Сами Высокие Боги!

— Кром! Тогда я вообще ничего не понимаю! — в сердцах воскликнул Конан. — Раз в их интересах победить, то какой смысл устанавливать правила, при которых сам же можешь и проиграть?

— А ты подумай хорошенько о том, кто такие Высокие Боги. Для них ведь это не только возможность избавиться от пока не существующей опасности, но и развлечение, которое они придумали сами для себя. Они размышляют и наблюдают. Иной возможности развлечься, кроме как понаблюдать за сражением, за подготовкой к нему, у них просто нет. Они придумали много игр, и правила во всех разные. Иногда они сложны, иногда просты, но всегда суровы, порой замысловаты и выматывают душу, как в твоём сне. Но сейчас затронуты их интересы, и Сет считает, что они откажутся от хитроумных ловушек, в одну из которых рискует угодить и отправленный ими Посланец. Все будет предельно просто. Он должен пройти к Алтарю и разрушить его, а ты, если согласишься, попробуешь его остановить.

— Так ведь я уже согласился! — Конану надоело пустопорожние разговоры. — Я понял, что происходит, но объясни мне: если Посланец так силен, как я смогу помешать ему?

— Все очень просто. Если бы змеелюди не были уничтожены, Посланец Высоких Богов в качестве

оружия использовал бы магию. Нааги выставили бы своего бойца, и, отрезав Посланца от силы Высоких, мы могли бы рассчитывать на успех.

— А теперь прибудет воин, и в поединщики ему выбрали меня, человека, который обречен на поражение, — криво усмехнулся Конан.

— Все правильно, — вздохнула богиня. — Беда в том, что магия везде одна, а живые существа бывают разными. Сет считает, что сюда прибудет боец, которого ты даже поцарапать не сумеешь.

Конан хотел было расхохотаться, но передумал: если дело действительно обстоит так, то смешного здесь мало. Он вдруг почувствовал, что его знобит, хотя дрова в раскаленном камине, сгорая, трещали и стреляли искрами. Конечно же, он не трусил, но и погибать не торопился.

— Кто это может быть? — спросил он.

— Даже не представляю. Но такое уже случилось в других мирах, и поэтому мы знаем, что есть определенный свод правил, обязательных для обеих сторон. Нарушивший их наносит вред самому себе. Это единственное, что хоть немного радует. Ну как? Ты не передумал?

Деркэто с тревогой взглядела в глаза помолодевшего варвара, но Конан молча встал и подошел к зеркалу. Со стороны могло показаться, что он оценивает дар, полученный в награду за согласие участвовать в каком-то чудовищном турнире. Однако это было не так, и богиня ни на миг не усомнилась в своем избраннике, а потому не знала, о чем он думает. Конечно, она могла бы проникнуть в его мысли, но это даже не пришло ей

в голову. Она просто смотрела на него и ждала ответа.

— Ну так как?

Конан вздрогнул и обернулся:

— Ты сомневаешься во мне?

— Конечно, нет.— Она невесело улыбнулась.—

Но теперь, когда ты знаешь все, я просто обязана спросить еще раз.

— Согласен.

Деркэто кивнула и исчезла.

* * *

Конан остался один. Он вновь посмотрел на свое отражение, и прежние мысли тотчас вернулись к нему. Он и в самом деле думал не о поединке. Он смотрел на свое помолодевшее лицо, вспоминая, как получил его.

Словно откликнувшись на его мысли, в зеркале появились Врата Вечности. Он стоял рядом с Деркэто в запряженной драконом повозке и смотрел, как Врата приближаются. Впрочем, сказать, что они приближались, было бы неверно. Ничто не менялось, только дымка, окружавшая их, становилась все более прозрачной.

— Кэрдакс и Глор больше не охраняют Врата,— печально произнесла Деркэто, и Конан невольно вздрогнул.— Теперь Врата закрыты для смертных. Только боги могут попасть в сады Иштар.

— Я не бог,— возразил киммериец.

— Пока,— ответила она, но тогда Конан не осознал смысла сказанного ею, однако теперь вдруг припомнил ее слова.

Что она хотела сказать? Эта мысль, едва успев возникнуть, тут же исчезла, словно внезапно налетевший порыв ветра сдул ее.

Он помнил, как вдруг, когда дымка пропала, они очутились внутри, и он чуть не задохнулся от восторга. Едва он успел окинуть беглым взглядом словно сотканную из шелка покрытую росой зелень трав, серебряные стволы деревьев волшебного сада, укутанные изумрудной листвой, как богиня дернула его за руку, и он увидел хозяйку сада — Иштар, столь прекрасную, что Деркэто пришлось уцепиться за нее, чтобы привести в чувство.

Иштар подошла к дереву и, запустив руку в густую зелень, что-то извлекла из листвы.

— Возьми! — Она протянула ему небольшой, грушевидной формы, золотистый плод, покрытый бархатистой, как у персика, кожей.

Конан ощутил на ладони нежную прохладу, увидел полупрозрачную мякоть, и ему показалось кощунством есть этот сказочный фрукт.

— Зачем? — только и смог спросить он.

— Это Кориола, плод Древа Жизни. Каждое дерево моего сада плодоносит раз в сто веков. Все младшие боги Хайбории когда-то были смертными и, попав ко мне, вкусили его. Съешь и когда-нибудь станешь одним из нас.

— Богом? — спросил Конан. Он был настолько изумлен, что услышанное даже не показалось ему смешным.

— Нет,— ответила Иштар.— Пока только Бессмертным, но можешь стать и богом, если совершишь то, что смертному не по плечу.

Словно во сне, Конан поднес дивный плод к пересохшим губам и надкусил кожуру. Божественный нектар горячей и одновременно освежающей волной медленно потек в рот. Киммериец замер от невыразимого наслаждения, однако это не помешало ему почувствовать, как расправляются плечи и наливаются силой мышцы, как перестают ныть старые раны и давно позабытая жажда жизни возвращается к нему. Голова закружилась, мир вспыхнул ярким многоцветьем, и Конан как будто поплыл навстречу золотому сиянию, в середине которого стоял... он сам.

Это могло показаться невероятным, но было именно так. Правда, тогда он еще не понимал этого. Он просто ощущал необъяснимый восторг от того, что скоро встретится с самим собой, хотя и не знал, зачем это нужно и кто такой вообще этот второй он.

— Это твоя бессмертная душа,— торжественно прозвучал чей-то голос.— Теперь она будет жить в твоём теле.

И едва душа влилась в него, все пропало.

Наутро он очутился здесь, в этой странной пещере, и увидел Деркэто.

Воспоминание о богине вернуло киммерийца к действительности. Кто-то внутри нашептывал на ухо злую мыслишку: «Не верь! Все это обман! Сет задумал погубить тебя! Он мстит за Тот-Амона, за уничтоженный Черный Круг, за сына, которого ты убил!»

Конан едва не застонал.

«О, Кром! Отец мой! Помоги мне разобраться!»

Но вопль его души так и остался без ответа. Однако стоило ему подумать о том, что глупо одаривать молодостью и бессмертием перед тем, как убить, как тот же голосок захихикал: «Боль тела ничто по сравнению с болью души. А Сет... Он мастер на выдумки! Влюбись в Деркэто, в эту продажную девку, прислужницу Темного Божества! Дай ей убедить себя в том, что ты, жалкий червь, станешь ей равным, и считай, что месть его удалась! Каким горьким окажется пробуждение! Беги! Беги, пока не поздно!»

Ну нет!

Конан тряхнул смоляной гривой, сбрасывая наваждение. Он никогда не любил долго рассуждать, полагался на чутье и ни разу не пожалел об этом. А сейчас, несмотря на все сомнения, он чувствовал, что все его страхи яйца выеденного не стоят.

А посему к Нергалу все!

Он подошел к столу, до краев наполнил кубок вином и выпил не отрываясь, но этого ему показалось мало. Тогда он поднял кувшин, опорожнил его, дошел до постели, рухнул в шкуры и тут же заснул.

* * *

Конан спал и видел сон. Во сне все было хорошо, даже более того, он разговаривал с самим Подателем Жизни, но это случилось чуть позже. Сперва он не видел ничего. Он парил, совершенно не ощущая собственного тела, и его окружала непроглядная тьма.

А потом вдруг тьма рассеялась. Киммериец почувствовал, что твердо стоит на ногах, и огляделся: он стоял в пустом зале из ослепительно белого мрамора с золотыми барельефами на стенах, которые словно сами светились в ярких солнечных лучах.

— Обернись ко мне, Бессмертный! — раздался приятный мужской голос.

Северянин с удивлением увидел, что стоит перед величественным белым тронем, богато украшенным золоченой инкрустацией. В расслабленной позе на троне сидел не старый еще мужчина, облаченный в простую белоснежную полотняную тогу, подпоясанную алым поясом. Длинные каштановые волосы, обрамлявшие приятное лицо с добрыми глазами, мягко спадали на плечи, нижнюю часть лица окаймляла окладистая борода.

— Я рад, — заговорил мужчина, встретившись взглядом с киммерийцем, — что именно тебе, одному из моих бывших слуг, выпала честь разделиться с Посланцем, и доволен, что награда соответствует опасности.

— Дело не в награде, — сдержанно заметил Конан.

Он уже понял, с кем разговаривает, и теперь старался угадать, зачем очутился здесь.

— Верно, — кивнул Митра. — И призвал я тебя вовсе не для того, чтобы порассуждать об опасности с тем кто с детства привык к ней. — Он помолчал. — Перед тем, как встретиться, я немного наблюдал за тобой.

— Зачем это? — спросил Конан, и желваки заиграли на его скулах.

В разговоре с Деркэто он старательно защищал Митру, одним из слуг которого был когда-то, но едва лишь столкнулся с самим Подателем Жизни — огромная честь, если вдуматься! — лицом к лицу, как прежняя ярость, порожденная бесцеремонным вмешательством в его жизнь, не просто вернулась, но и вспыхнула с новой силой.

— Сейчас не время ссориться, Конан! — Митра грозно сдвинул брови. — Мною двигало вовсе не праздное любопытство. Ты должен это понимать. Впервые за многие века мы с Сетом пришли к согласию хоть в чем-то, так хоть ты не нарушай его!

— Да я ведь ничего еще и не сказал, — ухмыльнулся Конан, весьма довольный этой вспышкой, которая неожиданно успокоила его. — Так что ты успел увидеть?

— Когда Деркэто покинула тебя вечером и ты остался один, я уловил обуревающие тебя сомнения, которых не должно быть, — сказал Солнцеликий. — Расскажи, что тебя тревожит. Быть может, я сумею помочь?

Конан задумался, не зная, что ответить. Больше всего киммерийца, наверное, беспокоило то, что он несколько раз испытывал весьма необычные ощущения: некоторые мысли вдруг ускользали от него, словно кто-то нарочно выдергивал их из головы. А ведь он никогда не страдал провалами в памяти! Получалось так, что неизвестный направлял его рассуждения по определенному руслу, преследуя какую-то свою цель.

Выслушав сбивчивый рассказ гостя, Митра долго задумался.

— Ты уверен, что ничего не путаешь? — спросил наконец Податель Жизни.

— Уверен! — Конан тряхнул головой. — Я, конечно, не могу знать, от чего меня уводили, я только ловил обрывки ускользающих мыслей и чувствовал, что они очень важны. Такое бывает с каждым, но не так часто. — Он помолчал, и Митра не стал торопить его. — Зато я знаю себя, — вновь заговорил киммериец. — Я знаю, в чем могу сомневаться, а в чем нет. Так вот, то, о чем я рассказывал, — не мое!

— Странно, что Деркэто ничего не почувствовала, — задумчиво произнес Хранитель Горнего Очага. Он посмотрел на короля Аквилонии, но тот лишь пожал плечами: ему ли рассуждать о возможностях богов? — Она должна была ощутить присутствие чужака, — заявил Податель Жизни, — если только, — добавил он, подумав, — оно было.

— Быть может, она знала, но не сочла нужным сказать мне?

— Может, ты и прав, — рассеянно согласился Митра, но видно было, что думает он о чем-то своем.

— Могу я спросить кое о чем? — поинтересовался Конан. Податель Жизни оторвался от размышлений и внимательно посмотрел на своего гостя. — Ты не рассердишься, если я скажу, что во многом виноват ты? По крайней мере, так мне сказали.

Конан не знал, что заставило его задать этот вопрос. Однако теперь, дожидаясь ответа и наблюдая за Подателем Жизни, был рад, что сделал это.

Некоторое время Митра сидел нахмурившись, потом щека его болезненно дернулась, как от пощечины, и он улыбнулся, сперва растерянно, а затем снисходительно, и, наконец, рассмеялся.

— Что ж, — он еще раз взглянул на гостя, — ты спросил, и я отвечаю: да, в случившемся есть моя вина. — На мгновение он запнулся, и Конан понял, что признание далось Подателю Жизни совсем непросто. — Я надеялся, что Высокие дадут нам больше времени и люди смогут подготовиться к приходу Посланца, которого нам в любом случае не удалось бы избежать. — Он опять замолчал. — Но я ошибся. Они всполошились слишком рано. Да-а... Слишком, — повторил он. — Люди еще не готовы. Кстати, для меня не секрет, что Деркэто считает Отца Тьмы дальновиднее. Однако она ошибается, если думает, что и мне в голову не приходили те же самые мысли. Я вовсе не пытаюсь выглядеть лучше, чем есть, но Сет начал действовать раньше, а у меня много времени ушло на то, чтобы очистить землю от его созданий. Это было просто.

Конан сразу вспомнил услышанный когда-то рассказ о гигантах — любимых детях Митры, освободивших землю от монстров, чтобы люди могли спокойно жить на ней.

— Да, я знаю.

— Хорошо! — Митра кивнул. — Между нами существовало много разногласий. В чем-то мы могли договориться, в чем-то — нет. Многое можно было сделать лучше. Наверняка тогда и угроза, нависшая над нами, не была бы столь серьезной

или пришла бы позже. Но всего учесть не в силах никто. Даже боги!

— Даже Высокие Боги? — переспросил Конан.

— Даже они, — с усмешкой ответил Солнцеликий. — Правда, сами они думают, что всеильны, но, поверь мне, это далеко не так. Наверное, в этом наша единственная надежда.

— Так что же им не под силу?

— Многое, — невесело улыбнулся Податель Жизни. — Но самое главное — они не могут изменить правила игры!

— Но ведь они сами их установили! — воскликнул Конан, чувствуя, что перестает понимать что-либо.

— Верно, но даже здесь не все было в их власти. — На лице киммерийца столь явно отразилось недоверие, что Митра рассмеялся. — А между тем это так. Если бы правила были выгодны только одной из сторон, Рок не допустил бы этого.

— Но как?

— Не знаю. — Податель Жизни равнодушно пожал плечами. Судя по всему, его это не интересовало вовсе. — Пути Рока никому не ведомы. Быть может, он сделал бы так, чтобы Высоким быстро наскучило наблюдать за поединками, в которых победитель заранее известен, и они меняли бы правила до тех пор, пока те не стали бы справедливыми.

— Хорошо, но если они все-таки схитрят?

— Они не станут этого делать, — подумав, заверил его Митра. — Они знают, что, если кинуть гирьку на одну из чаш весов, Рок мгновенно урав-

новесит их, но так, что они и не узнают. Нет, — уверенно закончил он, — они поступят иначе: найдут бойца, которого мы не сможем победить...

* * *

На следующий день Конан стоял в знакомой уже повозке с запряженным в нее крылатым драконом, которой, как и в прошлый раз, правила Деркэто.

Высоко над головой киммерийца висело серое небо, больше походившее на растрескавшийся камень, чем на бескрайний голубой простор, к которому он привык.

Внизу, насколько хватало глаз, тянулся бессолнечный мир, хмурый и безрадостный. И все-таки это была огромная страна, где жили люди, а может быть, и другие существа. Конан видел какие-то фигурки внизу, но с высоты не мог как следует рассмотреть их. Ясно было только то, что в общих чертах они походили на людей.

— Куда мы легим? — спросил он у Деркэто.

Она улыбнулась ему, но совсем не той улыбкой, к которой он успел привыкнуть когда-то. В ней не было ни затаенной тоски, ни страстного призыва. Только тихая радость... Радость от сознания того, что он есть, что они, пусть не надолго, вместе.

— Ты должен увидеть путь, по которому тебе предстоит пройти, — ответила она. — Путь от саркофага до Алтаря. Но мне бы очень хотелось, чтобы он оказался короче... Ты понимаешь, о чем я?

Конан кивнул.

— Ночью я беседовал с Митрой, — наконец сказал он, мрачно глядя вдаль, и сам удивился тому, как обыденно прозвучали его слова.

— Знаю. Он уже спрашивал меня... Ты уверен, что то, о чем ты ему рассказал, тебе не почудилось?

— Откуда мне знать? — Конан пожал плечами: сейчас он уже совсем не был уверен в этом. — Кром! Да! — внезапно выпалил он. — Я всегда знал, что мне делать, понимаешь? Я взвешивал возможности противника и прикидывал свою тактику, держа в уме возможные ответы, но никогда не мучался сомнениями! Вся эта чушь не для меня! Но вчера было именно так!

— Да, — посерьезнев, согласилась она, — такое трудно не заметить.

— Именно. И потом... — Он задумался и некоторое время молчал. — Мне приходит в голову мысль, неожиданная и важная, и вдруг ее словно ветром сдувает, хотя, поверь, я ни на что не отвлекался!

— Тебя это пугает?

— Пугает? — переспросил он и усмехнулся. — Мне это не нравится.

— Признаться, мне тоже, — согласилась Деркэто. — Нужно обязательно поговорить с Сетом, и как можно быстрее.

— Когда? — коротко спросил Конан.

— Думаю, сегодня мы уже вряд ли успеем, но завтра, — она перекинула поводья в правую руку, а левую положила Конану на плечо, и сердце киммерийца забилось сильнее, — завтра будет в самый раз. А сейчас мы уже прилетели.

Конан и сам это видел. Дракон, видимо, был прекрасно выдрессирован. Колеса повозки уже бежали по земле, когда он еще продолжал лететь. В следующий миг его длинная шея взметнулась вверх, а голова, увенчанная крупными, завитыми в спираль рогами, отклонилась назад. Могучие крылья раскинулись, превратившись в два мощных паруса, которые ловили встречный ветер. Когда движение прекратилось, дракон обернулся, и его огромные зеленые глаза внимательно взглянули на наездников: все ли с ними в порядке. В этот миг Конан впервые поймал себя на мысли, что, быть может, люди больше потеряли, чем приобрели, лишивших таких умных и сильных помощников.

Конан сошел с повозки. Деркэто оперлась о его руку и, прыгнув, очутилась рядом. Оба чувствовали себя так, словно впервые после длительного плавания сошли на землю с палубы корабля. Киммериец огляделся. Красноватая полутьма, царившая в Нижнем Море, не позволяла как следует рассмотреть то, что находилось вдали. Они стояли у исполинской каменной стены, уходившей в обе стороны насколько хватало глаз. Справа, на пределе видимости, стена плавно изгибалась, слева неясно виднелись строения, величественные и мрачные, как и весь этот мир.

— Что там? — Конан кивнул в сторону строений.

— Там обитает Сет, туда мы еще вернемся, а сейчас пойдем, я проведу тебя к саркофагу. Быть может, это и не слишком важно, но мне кажется, что тебе будет интересно взглянуть на него.

Они направились вдоль стены направо, туда, где вдалеке возвышалась каменная россыпь. Вскоре Конан увидел огромную, примерно в десять его ростов, арку, которую издалика принял за груду камней. Собственно, это была даже не арка, а несколько строений, прилепившихся к отвесной стене.

Два исполинских изваяния с человеческими лицами и телами зверей лежали по бокам от входа, гордо подняв головы, и киммерийцу показалось, что глаза их смотрят на пришельцев, словно спрашивая, зачем они явились сюда, имеют ли на это право. Сразу за громадными фигурами появился выступающий вперед прямоугольник входа. Низкая треугольная крыша опиралась на два ряда столбов, первые из которых стояли снаружи, в то время как вся колоннада уходила глубоко внутрь.

— Нам сюда, — сказала Деркэто.

Они прошли между фигурами, на добрых полтора десятка локтей возвышавшимися над головой Конана, и углубились в ярко освещенный проход — светильники были скрыты в глубине, в боковых нишах за колоннами.

Киммериец внимательно смотрел по сторонам. Колонны не были сложены из отдельных деталей, как ему показалось вначале, а оказались вырублены прямо в скале — он не увидел ни одного стыка, хотя камень нес на себе отпечаток многих веков, пролетевших со времени их создания. Сколько всего их минуло с тех пор? Сто? Тысяча? Больше? Этого он не знал, но, несмотря на то что глянец и полировка давно потускнели, нигде не заметил

ни малейшего признака запущенности. Наоборот, все говорило о тщательном и постоянном уходе.

— Нам навстречу!

Голос Деркэто прозвучал так неожиданно, что Конан невольно вздрогнул и увидел, что они дошли до конца коридора, который, скорее, можно было назвать протянувшимся в бесконечность залом.

Теперь они поднимались по лестнице, столь широкой, что по ней смогли бы пройти выстроившиеся в ряд шесть конников.

— Я бывал в Стигии, — заявил вдруг Конан, — и видел такие изваяния, как при входе. Я думал, что они символизируют власть, могущество древних.

— Так оно и есть, — ответила Деркэто.

Она остановилась на пару ступенек выше Конана, обернулась к нему, и киммериец почувствовал, что она не играет с ним, как прежде, не пытается соблазнить, не собирается очаровывать, но ее внешность, любая из поз, каждое движение сводили его с ума. Ничего подобного не было раньше.

— Ты правильно сказал, — заметила Деркэто, и Конан нахмурился, заставляя себя слушать, — они действительно символизируют могущество. В них сосредоточена огромная власть. Эти двое — Стражи саркофага.

— От кого же они его охраняют? — спросил Конан. — Похоже, тут не слишкомлюдно.

— От любого, кто не должен находиться рядом! — отрезала богиня, старательно не замечая его иронии. — Мы прошли мимо них только потому, что на то была воля великого Сета!

— Значит, то неведомое, что охотится за моими мыслями, не могло проникнуть внутрь? Это хорошо. Я как раз собирался спросить...

— Нет! — оборвала его богиня. — Мы не знаем, кто это, и лучше не рисковать. Оставь все вопросы до завтра, тем более что мы уже пришли.

Конан огляделся: они находились, в небольшом слабо освещенном квадратном зале, посредине которого на полу покоилась огромная каменная глыба.

— Я думал, мы поднимемся внутрь пирамиды... — протянул он разочарованно.

— Что ты! — Она усмехнулась. — Ты же бывал в Нижнем Мире, мог бы догадаться, что это заняло бы не один день.

— Да нет, я вовсе не думал, что мы уже пришли, — объяснил Конан. — Я просто был уверен, что нам предстоит подниматься.

— Это ни к чему. В пирамиде есть особая комната, где сосредоточена Сила, собранная пирамидой из Тьмы Внешней, где обитают Высокие Боги. Этот зал, находящийся глубоко под землей, служит как бы ее отражением. Все здесь устроено Сетом так, что Посланец Высоких появится в этом саркофаге. Это случится тогда, когда звезды займут нужное положение, и продлится всего один краткий миг, но его хватит для того, чтобы Посланец преодолел защитный барьер и оказался тут. Как только это произойдет, канал закроется и наш мир станет, как и прежде, недоступен для Высоких Богов.

— Но гость-то останется здесь, — задумчиво сказал Конан, разглядывая саркофаг, — и сможет совершить задуманное.

— Ты все правильно понял. Он разрушит Альтарь Митры и тем обезопасит себя, а потом уничтожит пирамиды, и наш мир вновь станет беззащитным. Что случится после этого, я не знаю.

Она постаралась заглянуть в глаза киммерийцу, но он смотрел на лежащую в середине зала каменную глыбу, думая о чем-то своем.

— Я так понимаю, — наконец заговорил Конан, — что Посланец не может быть больше саркофага?

— Да, — кивнула богиня. — Его размеры рассчитаны на человека чуть выше и немного шире тебя в плечах. Хотя и редко, но такие встречаются. Тебя это пугает?

Она с интересом посмотрела на северянина, но в ответ он только пренебрежительно пожал плечами.

— Ничуть. Встречал я воинов и помощнее себя, с которыми справиться не составляло труда, но бывали и такие, кто значительно уступал мне и в силе, и в росте, но поединки с ними оказывались нелегкими. — Конан вспомнил монстра, созданного Незримым, и невесело покачал головой, когда представил, как его собрат выходит из гробницы. — Оружие он принесет с собой?

— Нет. Скорее всего, он воспользуется тем, что сумеет раздобыть здесь.

— Хотя это хорошо. — Он мягко взял ее за руку. — Идем назад.

— С удовольствием, — ответила Держэто, но Конан так и не понял, что она имела в виду.

— Скажи, а что любят драконы? — вдруг спросил он, и богиня рассмеялась.

— Ты хочешь угостить его? — весело поинтересовалась она.

— Я хочу с ним подружиться, — ответил варвар. — Что здесь смешного?

— Да ничего, конечно, извини. Наоборот, я рада, что ты спросил об этом. Драконы не менее преданы хозяину, чем земные кони, но, пожалуй, поумнее. К тому же я думаю, вам предстоит еще не раз встретиться. — Она подняла руку, и в ладони ее появился кабаний окорок. — Я думаю, это вполне подойдет.

— Ты смотри! — ухмыльнулся киммериец. — У нас и вкусы сходятся. Я и сам не отказался бы от такого угощения.

— Ну вот и прекрасно! — рассмеялась богиня.

Дорога назад показалась ему короче. Впрочем, быть может, просто потому, что теперь они спустились, а не поднимались по ступеням. Пройдя мимо исполинских фигур, Конан увидел лежавшего на камнях дракона. Когда киммериец становился рядом с его головой, тот не торопясь поднялся на четырех лапах и, как показалось Конану, задумчиво посмотрел на него.

— Ну что, будем друзьями? — спросил северянин и протянул зверю окорок.

Дракон оттолкнулся передними лапами от земли и присел на хвост. Его огромное тело взметнулось вверх, длинная гибкая шея грациозно изогнулась, когтистая лапа вытянулась вперед и схватила угощение. Огромная пасть, усеянная острыми треугольными зубами, распахнулась, и Конан подумал, что свиная ляжка сейчас исчезнет в оранже-

вой глотке, но зверь принялся поглощать ее, отхватывая неожиданно мелкими кусочками, каждый раз с хрустом перерубая толстую кость.

Киммериец изумленно покачал головой. Глядя на него, Деркэто не выдержала и расхохоталась. Что и говорить, зрелище было и впрямь удивительным. Воспользовавшись случаем, Конан еще раз внимательно оглядел зверя, будто лишь теперь впервые увидел его. Огненно-красная чешуя словно броней закрывала его тело на спине, постепенно переходя в более мягкое желтое подбрюшье, плоскую вытянутую голову с квадратной мордой венчала пара черных завитых спиралью рогов. Конан не удержался, потрогал мерно вздымавшийся при каждом вдохе бок и едва не вздрогнул от неожиданности. Тело змея оказалось почти горячим, как будто внутри него и впрямь бушевало всежигающее пламя, раскаляя докрасна роговые пластины спинного панциря.

Дракон почувствовал прикосновение, мгновенно развернулся и посмотрел на Конана, одновременно проглотив последний кусок. Зеленые глаза уставились в лицо человека, но северянин не отвел взгляда.

— Он знакомится с тобой, — услышал Конан низкий голос Деркэто. — Постарайся понравиться ему.

«Как?» — хотел спросить Конан, но в этот миг жуткая пасть приоткрылась и раздвоенный язык, черной молнией выскочив из пасти, лизнул северянина в нос. Киммериец обернулся к Деркэто:

— Я что, должен ответить ему тем же?
Деркэто расхохоталась.

— Ну, ну! — Под насмешливым взглядом богини Конан пошлепал дракона по горячей шее. — Мы уже друзья? Да? Ну ладно, ладно, все будет хорошо. Клянусь бородой Митры, мы прижарим зад этому Посланцу! Что скажешь?

— Ничего он тебе не скажет.

— Да, я понимаю... — кивнул Конан.

— Не понимаешь, — прервала его Деркэто. — Дело вовсе не в том, что драконы немые. Просто ты не сможешь использовать его в бою, ведь это поединок, — объяснила она. — Вперед, Горг! — командовала богиня, беря в руки поводья, и дракон рванулся с места.

— Его зовут Горг?

— Да. На тайном языке это означает Непокорный.

— Да, — согласился варвар, — звучит гордо, хотя и непривычно.

Горг быстро набрал высоту, и вновь над их головами нависло растрескавшееся небо, тяжелое и мрачное. Однако и однообразная каменистая пустыня, раскинувшаяся внизу, выглядела ничуть не лучше. Хотя в Нижний Мир никогда не заглядывало солнце, здесь было жарко. Дракон стремительно нес их вперед, и горячий воздух бил им в лица, не принося облегчения.

— Душный мир, — заметил Конан.

— Да, — согласилась Деркэто. — Его согревает жар недр.

Киммериец кивнул и посмотрел вниз. Зброшенная дорога змеилась под ними, то взлетая на невысокие пригорки, то ныряя в неглубокие впадины, пробиваясь сквозь трещины в каменных греб-

нях, которые сверху походили на вросшие в землю хребты исполинских рыб. Пару раз ей пришлось огибать огромные скалистые плато с отвесными стенами, и тогда Горг просто поднимался над ними, а трещины в небе превращались в лабиринт пересекающихся ходов, достаточно широких, чтобы дракон мог лететь внутри. Потом они снова спускались, но дорога по-прежнему бежала куда-то вдаль.

— Куда мы летим?

Зная, где в Стигии находится пирамида Тут-Хоса, Конан понимал, что саркофаг если и не лежит непосредственно под ней, то все равно упрятан где-то неподалеку. И хотя на поверхности Кеми отделяет от Луксура приличное расстояние, это не так важно: путь до Алтаря Митры неизмеримо длиннее. Он считал, что от извятий они должны были полететь на восток, туда, где за скалами открывался просвет. Они же двинулись почти прямо на север, лишь чуть-чуть забирая к западу.

— К Алтарю Митры можно добраться двумя путями, обогнув море Вилайет с востока или с севера, — объяснила Деркэто. — Первый путь короче, но там все подходы к нему изрыты глубокими ущельями. Пролететь мы там, конечно, сможем, но ведь тебе нужно осмотреть дорогу, по которой предстоит идти. Именно поэтому мы и летим на север. Нам предстоит пройти между корнями Карпашских гор и впадиной, где лежит внутреннее море. Примерно посередине есть проход на восток.

— Что за проход?

— Попросту длинная извилистая трещина в горе. Им редко пользуются теперь, поэтому все

там запущено и во многих местах свода держатся только на ветхих подпорках. Но Сет распорядился проверить — пройти там можно. Правда, Горг не пролезет, поэтому мы не пойдем внутрь. Только долетим до входа.

— А что за корни горы, о которых ты говорила? — поинтересовался киммериец.

— Видишь ли, Нижний Мир велик, но, конечно же, сильно уступает тому, что открыт согревающему взору Ока Митры. Ты и сам наверняка понимаешь, что горам Светлого Мира необходима надежная опора. Такая же опора есть под Вилайетом и Мировым Океаном. Остальное пространство свободно, но либо там пусто, как здесь, либо оно мрачно, как Серые Равнины, владения Нергала и других Темных Богов.

Потом они долго летели молча. Быть может, Конан и не прочь был бы поболтать, но после упоминания о мрачных богах киммерийцем овладели иные мысли. Совсем недавно он и Сета причислял к ним, а теперь понял, что все не так просто.

— Кажется, мы приближаемся, — заметил Конан. — Это не то место, о котором ты говорила?

— Оно самое, — подтвердила богиня.

Горг, похоже, прекрасно знал, куда они направляются. Взмахи его огромных крыльев замедлились, он начал планировать, выбирая место поровнее, хотя валунов, которыми была усыпана земля еще на лигу южнее, здесь не было.

Колеса повозки коснулись каменистой почвы, и дракон, изогнувшись, аккуратно остановился, шумно вздохнул и повернул голову, проверяя,

удобно ли ездокам. Красные бока его мерно вздымались после долгого перелета.

— Когда-то очень давно, — начала рассказывать Деркэто, — от Алтаря Митры ко дворцу Сета вела хорошая дорога. Потом Атлантида опустилась на океанское дно, еще позднее образовалось море Вилайет. Некоторые горы исчезли, зато возникли новые. И если наверху это была большая катастрофа, то Нижний Мир и вовсе оказался на грани разрушения. С огромным трудом удалось спасти то, что ты видишь, но теперь это пустынный и мрачный мир, хотя раньше — ты не поверишь — и он по праву мог называться живым.

Конан растерянно осмотрелся, не зная, что и сказать. Глядя на эту мертвую пустошь, непрос-то было поверить, что когда-то ее населяли люди. Он молча направился к зиявшей пасти пещеры, которая, по словам Деркэто, служила проходом сквозь гору. Изъеденная ветром стена резко поднималась вверх, трещин на каменном небосводе не было видно, и киммериец подумал, что при желании сумел бы без труда добраться до него. Добраться до неба...

Киммериец вошел внутрь. Далеко, где-то в глубине пещеры, горел огонек, и ему захотелось узнать, что это такое. Конану пришлось пройти полсотни шагов, прежде чем он вышел на небольшой, освещенный масляным светильником пятачок и увидел выдолбленную в стене нишу, в которой лежало десятка два факелов. Значит, и в этом мрачном мире кто-то продолжает заботиться о возможных путниках. Это понравилось варвару.

— Такие ниши с факелами устроены через каждые две тысячи шагов,— пояснила Деркэто,— но вот огня в пути взять будет негде: лампы горят только при входе.

— Больше и не нужно.

— Я боюсь, Конан.

Деркэто вплотную подошла к нему, положила руки на грудь, заглянула в глаза, и грозный киммериец, никогда прежде не робевший перед женщинами, вдруг почувствовал, как душа его затрепетала, словно откликнулась наконец на зов души богини.

— Не надо бояться,— прошептал он, обняв Деркэто,— все будет хорошо.

Ночью Конан долго не мог заснуть, думая о том, что ему предстоит. Он припомнил длинную извилистую дорогу. Пожалуй, в ней мало проку, а вот на плато, которые огибала дорога, можно устроить завалы. Помнится, когда-то он очень удачно спихнул каменный обломок на галеру барона Ричендо. А если попробовать так же разделаться и с Посланцем? Киммериец тут же наметил для себя наиболее подходящие места, а затем припомнил пещеру, которую Деркэто назвала трещиной в горе, и продолжение пути с другой стороны.

Воспоминание о богине снова пробудило в душе радостный трепет, и Конану вдруг захотелось непременно выжить и победить, словно обновленная душа обещала ему новое, доселе неведомое счастье.

Само собой всплыло воспоминание и о вернувшейся молодости. Вторая жизнь... Такой роскошный и такой никчемный подарок! Он усмехнулся. Подумать только! Многие все на свете отдали бы за возможность начать жизнь с начала, а он!..

Конан задумался.

Зачем ему вторая жизнь, если и в первой он всего испытал в полной мере? В разное время он был вором, пиратом, разбойником, воином-наемником, следопытом, королем, наконец! Он грабил и убивал, пьянствовал и любил. Он знал, что такое великодушие и что такое жестокость. Его преследовали, и он сам преследовал. Он был и преступником, и героем. Он не жалел ни сил, ни самой жизни, чтобы защитить себя, друга, любимую, свою семью, а под конец, когда стал королем, и своих подданных. И всю жизнь он боролся с колдовством. Сколько помнил себя, с тех пор как вырвался из рабства в Халогге, гнусные твари пытались загнать его в угол, чтобы убить, пожрать или хотя бы заставить служить себе, но всегда он одерживал над ними верх!

Так на что ему вторая молодость? Чтобы испытать все это снова? Вспомнить, как хорошо это было в первый раз? Первый убитый в бою враг, первая любовь, первая дружеская пирушка, первая победа над черным колдовством... Опять пройти тот же путь и убедиться, что ощущения притупились, что радость и волнения сменились скукой?

Но теперь он почувствовал вдруг, что все может измениться. Он не знал, как все сложится, но зарождающееся чувство к Деркэто доказывало, что еще не все потеряно, что его ждет другая, новая

жизнь, совсем непохожая на предыдущую. Он не знал, что это будет, и, как это ни странно, не вспоминал о возможной награде, о которой вскользь упомянули и Деркэто, и Митра, но чуял нутром: ему есть за что бороться.

* * *

Утром Конан проснулся в отличном настроении. Он словно заново родился, обрел себя прежнего. До сих пор он воспринимал все происходящее так, словно это его не касалось и он лишь наблюдал за всем со стороны. Деркэто старательно объясняла, что к чему, а он слушал с улыбкой, в глубине души оставаясь равнодушным ко всему.

Зато теперь его обуревала жажда деятельности. Он сам себе удивлялся: как мог он не понимать, что это его мир, что, если он проиграет, это будет означать гибель не только для него, но и для его сына, который правит Аквилонией, для его еще не родившихся внуков!

Конечно, он даже не знал, с кем ему предстоит сражаться, но в том, что сделает все от него зависящее, чтобы не проиграть, теперь не сомневался.

* * *

Горг летел долго, забирая на запад, потом резко повернул на север. Сперва Конан с интересом наблюдал за открывавшимися внизу картинами, но очень скоро это ему наскучило.

— Неужели в этом мире кто-то жил?

— Да.— Деркэто кивнула.— Очень давно. Те, кто принадлежал к людскому племени, предпочли вер-

нуться в Светлый Мир, а коренные жители перебрались ближе Пурпурному Замку или ушли вглубь, в более жестокие миры, где еще жарче, но куда не дотягивается карающая длань Митры.

— Ты хочешь сказать, что есть места, неподвластные Подателю Жизни?

— Я хочу сказать, что, если вдруг ему вздумается возродить Атлантиду и поднять дно Вилайета, беглецы не пострадают.

Конан хотел было спросить что-то еще, но вдруг почувствовал, что проваливается, и крепко сжал передок повозки, а левой рукой обнял Деркэто. Она благодарно ему улыбнулась:

— Скоро будем на месте.

Киммериец посмотрел вперед, и ему показалось, что они не летят, а падают, так стремительно сменилось направление полета. Теперь перед ними раскинулась бескрайняя равнина, лежавшая на много тысяч локтей ниже того места, где они только что летели. В самой середине равнины выделялось ярко-красное пятно. Пока было неясно, что это такое, но Горг направлялся именно туда.

Жаркий ветер бил в лицо, и Конану вдруг стало так хорошо, что он расхохотался.

— Теперь ты представляешь, как прекрасен был этот мир?! — воскликнула богиня, а Конан замер, изумленный тем, что увидел.

С каждым мгновением что-то менялось, иногда неуловимо, а иногда настолько резко, что дух захватывало. Алое пятно оказалось могучей крепостью, настолько прекрасной, что киммериец не сразу поверил в ее реальность.

Имеющая в плане форму шестиконечной звезды наружная стена поднималась на десятки локтей, в вершине каждого из лучей звезды стояли бастионы. Толстую, способную противостоять ударам любого тарана стену сверху по всей длине прикрывала двускатная крыша, из-под которой виднелись многочисленные бойницы. В углублении между двумя лучами Конан увидел огромные ворота с мощными башнями по сторонам — распахнутые настежь. Через них проносились странные всадники на не менее странных скакунах. По широкой извилистой дороге, идущей к крепости, катились огромные повозки, в каждую из которых было запряжено по десятку скакунов.

Конан обернулся: край исполинского котлована, в который они нырнули, казалось, совсем недавно видневшийся за спиной, остался далеко позади и высоко над головой, в то время как до дна, где раскинулась эта огромная страна, было еще далеко. Он увидел, как из внутренней стены вырываются мощные водопады и разбиваются о землю, превращаясь в облака алмазных брызг, или стекают в обширные водоемы. Он увидел русла многочисленных рек, бегущих в озера, одно из которых можно было бы, пожалуй, назвать морем.

Когда он вновь взглянул на крепость, они уже пролетали над наружной стеной, и варвар тут же понял, что это, скорее, небольшая, надежно защищенная страна. Здесь тоже виднелись и озера, и реки, а в самой середине высилась одинокая гора. Ее вначале пологие склоны все более круто уходили вверх, пока не превращались в отвесные

стены, подпирающие плоскую вершину, где без труда мог бы расположиться большой город. Тут вздымался Пурпурный Замок.

Широкая дорога извилистой волной поднималась по склону горы, но в том месте, где она примыкала к крепостной стене, Конан не увидел никаких ворот. Там из стены извергался бешеный водопад, который падал с огромной высоты в расположенное у подножия озеро.

— Как же мы попадем внутрь?

— Не беспокойся, — усмехнулась Деркэто.

Они миновали облако брызг, висевшее над бурным потоком, и Конан понял, что Горг решил облететь вокруг замка. Впрочем, для него ведь это было не просто посещение обители Сета. Видно, богиня решила показать гостю красоту и мощь Нижнего Мира. Если так, то Конан должен был признать, что ее задумка удалась. Только что они спускались, а теперь дракон вновь набирал высоту. Они летели в сотне-другой локтей от волнистой стены, а когда Горг поднялся над ее краем, то стали видны окруженные парками дворцы, каждый из которых, хоть они и отличались друг от друга, был выполнен в восточном стиле, и только возвышавшаяся в самом сердце пятибашенная цитадель не имела с окружающим ничего общего.

Горг издал оглушительный трубный рев, и Конан готов был поклясться, что в нем прозвучала радость. Едва они подлетели к могучему водопаду, как тот стремительно иссяк, открыв круглое отверстие входа, и дракон по какой-то немыслимой кривой устремился внутрь. Земля резко накренилась,

затем быстро вернулась в прежнее положение, но в следующий же миг мир вновь опрокинулся. Потом повозка наклонилась, но уже не столь резко, в другую сторону, и, словно перевалив через невидимый гребень горы, они нырнули в открывшийся прямо перед ними черный проход. Не успела тьма поглотить их, как они вновь оказались на свету.

Дракон изогнулся, замедляя полет, и они тут же увидели всадника, мчавшегося им навстречу. Пока он был еще далеко, Конан спрыгнул на землю, помог выбраться своей прекрасной спутнице и огляделся. Они очутились внутри огромной пустой пещеры с высоким сводчатым потолком.

Встречавший их приблизился, и киммериец смог наконец рассмотреть его. Никогда прежде не видел он подобных существ и даже не слышал об их существовании. Прямо на них несли крупный двуногий дракон. Его мощная зубастая пасть была стянута уздечкой, от которой тянулись поводья. Сильные когтистые лапы при каждом шаге с хрустом ломали камень пола.

Издалека Конан принял всадника за человека. По крайней мере, его обнаженный мускулистый торс ничем не отличался от человеческого. Только когда он подъехал вплотную и спрыгнул со своего скакуна, киммериец заметил разницу. Правда, в горбоносом лице незнакомца не было ничего необычного, но голову венчали небольшие, хотя и вполне заметные в волосах, прямые рога. То, что издалека выглядело как меховые штаны, на деле оказалось его собственной шерстью, покрывавшей нижнюю часть тела со странными ногами, сгиба-

шимися в коленях назад, и с копытами вместо ступней.

Незнакомец подошел поближе и неожиданно для Конана отвесил не лишенный своеобразной изысканности поклон.

— Приве-етствую тебя, о прекра-аснейшая! — дребезжащим голосом произнес он. — Приве-етствую и тебя, могу-учий во-оин! Повелитель жде-ет вас!

Не зная, как толком вести себя с этим существом, Конан коснулся рукой груди и слегка поклонился. При этом взгляд его скользнул по фигуре посланца Сета, и он увидел...

— Только не ну-ужно хватать меня за хво-ост, велича-айший из воинов Све-етлого Ми-ира!

Не успев сообразить, что он совершает, быть может, ужасную бестактность, Конан расхохотался, но тут же заставил себя умолкнуть.

— Клянусь бородой Крома, я не хотел обидеть тебя! — воскликнул он вполне искренне. — Но прошу тебя ответить, если только это не секрет: с чего ты взял, что я могу позволить себе такое?

— Челове-еческие де-ети любят дразнить и хватать за хвосты-ы своих све-ерстников нашего племени. Впрочем, я, наве-ерное, сглупил? Ведь ты не ребе-енок! Прости!

Он замолчал и посмотрел на Конана, которого продолжал разбирать смех. Дерзко смотрела на них веселыми глазами, и киммерийцу стоило большого труда сохранять спокойствие, в особенности потому (ему стыдно было признаться в этом даже себе), что первой мыслью при виде украшенного кисточкой хвоста колченога была именно эта, крамольная.

— Нет, конечно, — наконец выдавил он из себя. — Я понимаю, это было бы страшным оскорблением!

— Вовсе не-ет! — обрадовался его страшный собеседник. — Но, к сожалению, уже произошло несколько прискорбных слу-учаев, а ведь рога-а-а без хвоста-а — это та-ак некраси-иво!

— Ты прав! — серьезно согласился Конан. — Мне даже страшно представить себе такую картину!

* * *

Сет предстал перед гостями не в образе змея, как являлся обычно стигийским жрецам, и не в виде человека с головой пса, каким его мыслили люди вне Стигии. Он принял их в своем излюбленном обличье, которым неизменно пользовался, находясь во дворце.

Они остановились перед высокой сводчатой дверью, украшенной затейливой резьбой. В следующий миг огненная щель пробежала точно посередине, разделив ее на две створки, каждая из которых была изготовлена из цельного куска черного оникса. Створки распахнулись.

Взорам гостей открылся большой прямоугольный зал. В боковых стенах, спрятавшихся за рядами высоких колонн, были укреплены факелы, которые давали довольно много света, а по бокам возвышавшегося в конце зала трона стояли два бронзовых треножника. Конан впервые увидел здесь изображение змей, хотя в Хайбории считалось, что они — символ власти Повелителя Ночи.

Оба змея опирались на свернутые в кольца хвосты. Тела их были причудливо изогнуты, а в

пастях они держали плошки светильников, ровно горевшие фитили которых излучали мягкое желтоватое сияние.

Сидевший на троне человек встал, и Конан с нескрываемым интересом посмотрел на него. Хозяин Пурпурного Замка выглядел как человек среднего возраста, высокий и плечистый, хотя и заметно мельче варвара. Одет он был в черный бархатный камзол и черную же, отделанную тонким кружевом рубашу. Смоляные волосы были коротко острижены, как и аккуратно расчесанная борода. Конан мельком глянул на его смуглое лицо, тонкие, плотно сжатые губы, на нос с горбинкой и почти сразу встретился с внимательным взглядом глубоко посаженных черных глаз.

Сет быстро шагнул с трона и коснулся губами руки богини.

— Рад приветствовать тебя в моем скромном жилище, несравненная, — произнес он и повернулся к Конану: — Добро пожаловать в мою обитель, Конан из Киммерии.

Конан бросил быстрый взгляд вокруг. Все здесь дышало мрачным величием, но богатство и роскошь не бросались в глаза, как это было в более скромных на первый взгляд, но быстро утомляющих чертогах Подателя Жизни.

— Спасибо за приглашение, — ответил Конан, слегка склонив голову, — и скажу сразу, что чувствую себя здесь не в пример уютнее, чем в светелке Митры.

— Ты внимателен, Конан из Киммерии, — сдержанно улыбнулся Сет. — Митра, к сожалению, ни-

когда не понимал, что глаз, не переутомленный светом, легче оценивает малейшие нюансы, но, впрочем, мы здесь не за тем собрались, чтобы сплетничать о Подателе Жизни.— Конан сдержанно кивнул, соглашаясь, и вновь поймал на себе цепкий взгляд Сета.— Сразу хочу сказать: я рад, что ты откликнулся на мою просьбу.

— Мне это далось нелегко,— признался киммерец.

— Что же смущало тебя? — спросил Сет, прищурившись, и Конан с удивлением понял, что не видит во взгляде собеседника ни злобы, ни даже раздражения. Только иронию и искренний интерес.

— Там, наверху, в Светлом Мире, считается, что все зло исходит от тебя, Нергала и ваших приспешников.— Конан посмотрел на Деркэто, но богиня лишь едва заметно улыбнулась.— Это правда?

Сет расхохотался.

— Почему ты смеешься? — удивился Конан.

— А почему бы мне не посмеяться? — вопросом на вопрос ответил Отец Тьмы.— Сет и Нергал — страшная пара, от которой исходят все напасти в мире! Так вроде? — Он посмотрел на Конана и,ждавшись его утвердительного кивка, удовлетворенно хмыкнул.— Можно и я спрошу: что люди вообще знают обо мне и Нергале? Знаешь ли ты, что уже много тысячелетий Нергал спит беспробудным сном и нет ему никакого дела до того, что происходит в мире? Так кому он причиняет вред? И какой? Я, кстати, вообще не разделяю поступки на добрые и злые. Я просто делаю то, что считаю нужным, а люди

оценивают результаты, не задумываясь о причинах, побудивших меня действовать так, а не иначе. И часто из-за этого ошибаются. Бывает, что те, кому я обещаю свою помощь, обращаются ко мне с просьбой, и я никогда не отказываю, хотя и не вникаю, зачем им это нужно. Я ведь тоже не всемогущ и далеко не всеведущ. Когда пользующийся моей поддержкой достигает цели, обо мне никто не вспоминает, но стоит только кому-то направить мою силу во зло, сразу говорят о злой воле Сета и его адептов!

Конан скептически покачал головой и вновь поймал на себе ироничную улыбку Деркэто.

— Ты не веришь мне? Хорошо! Вспомни-ка дочку Имира!

— А! Кром! — выругался Конан.

— Ага! — обрадовался Сет.— Вижу, что вспомнил! И воспоминание оказалось не из приятных! А теперь попробуй представить, что случилось бы с тобой, если б не она! Ты замерз бы еще до наступления ночи! Вспомни, когда она появилась, ты уже начал засыпать... Разве не правда? Так что для замерзающего Атали? Злое божество, отравляющее последний миг жизни, или последняя надежда, помогающая задержаться в Светлом Мире и не соскользнуть на Серые Равнины?

— Твоя правда,— сказал Конан, подумав,— но правда жестокая.

— Верно,— кивнул Сет,— но жизнь ведь и вообще штука не простая. Стоит ли обижаться, что помощь, которую тебе предлагают, нужно сперва заслужить? Ты ведь не обиделся на то, что остался в живых?

Конан невесело усмехнулся. Что он мог сказать? Наверное, он и в самом деле был обречен, если бы не Атали, но всякий раз, вспоминая ту ночь, он невольно сжимал кулаки.

— Не хочу я говорить об этой девчонке,— мрачно буркнул он,— хотя и спорить с тобой не могу. Давай, если не против, о деле.

— Конечно,— с готовностью согласился Сет.— Я просто хотел тебе показать, в каком неприглядном обличье иной раз выступает Добро, и, думаю, тебе не стоит напоминать, с какой слащавой улыбкой Зло порой преподносит свои подарки?

— Пожалуй, не надо.

— Вот и хорошо,— улыбнулся Сет.— Надеюсь, Деркэто рассказала, что происходит, хотя бы вкратце?

— В общем, да,— кивнул киммериец,— но у меня есть кое-какие вопросы.

— Прекрасно! За этим мы здесь и собрались. Итак? — Он внимательно посмотрел на гостя.

— В первую очередь я хотел бы знать побольше о правилах, о которых прекрасная Деркэто упомянула лишь вскользь.

— Хорошо, что ты обратил на это внимание, ведь Посланец явится в сей мир для того, чтобы оспорить наше на него право. В борьбе с ним ты сможешь опираться только на свои силы, умение и опыт. Очень важно помнить об этом, ведь если ты потерпишь поражение, люди исчезнут.

— Исчезнут? — Конан оторопело взглянул на него.— Надеюсь, ты шутишь?

— А что? Это похоже на шутку? — Великий Змей в упор посмотрел на гостя, который переводил не-

доуменный взгляд с него на Деркэто и обратно.— Разве прекраснейшая не сказала тебе об этом?

— Я сказала,— заговорила богиня,— что, если Алтарь Митры будет разрушен, это повлечет за собой чудовищную катастрофу.

— Которую человечеству не суждено пережить,— уточнил Сет.

— Я не хотела излишне сгущать краски,— пояснила Деркэто.

— Понимаю,— кивнул Сет.— Но так или иначе,— он повернулся к Конану,— теперь ты знаешь все.

— Значит, все погибнут,— задумчиво произнес киммериец,— и люди, и...

Он посмотрел на Деркэто, но Сет прекрасно понял, о чем он думает, и ухмыльнулся:

— Ну нет! Мы, боги, просто уйдем...— Он задумался.— Уйдем, чтобы рано или поздно отыскать другой мир, который согласится принять нас. Это, конечно, лучше смерти, но, поверь, совсем не походит на приятную прогулку.— Владыка Вечной Ночи сжал кулаки.— Но если такое случится, я позабочусь о том, чтобы в новом мире не нашлось места Митре.

Конан встретился взглядом с Деркэто, и она едва заметно кивнула ему, словно спрашивая: «Помнишь? Это то, о чем мы с тобой говорили!»

— Опять ты пытаешься убедить меня, что все Зло мира исходит от того, кого люди называют Подателем Жизни! А ведь сам говорил, что не существует ни Зла, ни Добра!

— Да нет же! — Отец Тьмы досадливо поморщился.— Зло и Добро здесь ни при чем! Пойми,

есть всего два пути овладения знаниями, могуществом! Можно добиться этого с помощью магии, а можно с помощью наук.

— Пока не вижу разницы! — запальчиво воскликнул киммериец.

— А ее пока и нету, — согласился Сет, намеренно сохраняя спокойствие. — Но представь самый простой случай. Без огня человеку не прожить. Так? — принялся объяснять он, и Конан кивнул. — Огонь согревает в стужу, — продолжал Сет, — отпугивает диких зверей в лесу, на огне человек готовит пищу. Без огня не сварить стали для оружия и не отковать ни меча, ни панциря. Как его добыть?

— С помощью кресала и трута, — ответил киммериец, — хотя я предпочел бы огниво — оно меньше и удобнее.

— Верно, — кивнул его собеседник. — А теперь задай себе вопрос: сколько людей должны потрудиться, чтобы изготовить такую вещь, и сколько времени у них на это уйдет?

— Не слишком много.

— И опять ты прав. А вот сейчас смотри!

Он сжал кулак, а когда раскрыл ладонь, в ней трепетал крошечный язычок пламени. Нежный, как лепесток неведомого цветка. Сет тихонько подул, и лепесток размножился, превратившись в бутон, ярко-желтый в середине и алый по краям.

— Впечатляет. — Конан не скрывал, что увиденное если и не поразило его, на своем веку он повидал всякого, то понравилось точно. — Но и я смог бы добыть огонь пусть и не столь красиво, но почти так же быстро.

— И снова ты прав, — согласился Сет, но на этот раз усмехнулся. — Результат один и тот же, однако и разницу ты должен видеть. — Он продолжал держать перед собой вытянутую руку, и нежный цветок огня продолжал трепетать на его раскрытой ладони. — Многим людям пришлось потрудиться, чтобы изготовить для тебя огниво, а мне оно ни к чему! Огниво можно потерять, трут может отсыреть, камень искрошиться, а мое умение всегда при мне! А теперь представь, сколько времени нужно кузнецу, ткачу, каменотесу, чтобы обучиться ремеслу? Долгие годы! А с помощью магии я могу быстро научить тебя добывать огонь. А ведь я умею больше! Смотри!

Он тихонько дунул, и бутон оторвался от его ладони и поплыл по воздуху к лампаде, пока не окунулся в ее высокое пламя.

— И все-таки я не совсем понимаю, не все ли равно Высоким Богам, добывается огонь так, как это делаешь ты, или как я?

— Магия — это власть над силами мира. Это мой подход. Митра учит пользоваться телом мира, придумывая, как его использовать для своих нужд. Чтобы переплыть реку, человек изготавливает лодку. Я же просто пройду по воде как по суше. И так во всем.

— Это я уже понял! — перебил его киммериец, которому не терпелось узнать, к чему же клонит его собеседник.

— Так вот это огниво, эта лодка и все прочее — в них и сила такого подхода, и слабость! Я же говорил, огниво можно потерять, сломать, его могут у тебя украсть, а судно может затонуть или стореть. Ты

останешься без огня и не сумеешь переправиться через море. Мои же умения всегда при мне! Как человек, научившийся плавать, сможет держаться на воде, так и я всегда сумею использовать свои навыки.

— Я понял,— повторил Конан.

— Теперь сила. Из-за нее-то Высокие и всполошились.— Сет надолго задумался.— Видишь ли, только боги способны путешествовать между мирами. Магу, как бы искусен он ни был, такое не под силу. В науках все иначе. Именно с их помощью люди смогут в будущем добиться очень многого, может, и перемещаться между мирами. Если оставить все как есть, то это произойдет еще очень не скоро, но Высокие знают: чем большего люди достигнут, тем труднее их будет остановить. Это серьезная угроза, это вызов Высоким Богам. Человек, использующий для достижения своих целей магию, прикован к своему миру. Знания же когда-нибудь позволят человеку достичь иных миров и даже обустроить мир, непригодный для жизни. Но и это еще не все! Высокие Боги считают, что рано или поздно человек обретет такое могущество, что перестанет бояться и почитать их. Как стая волков, размножившись и почувствовав силу, гонит прочь тигра, так и люди когда-нибудь выживут богов!

— Но разве Митра об этом не знает?

— Знает, конечно, но прислушивается только к своему мнению.— Сет пожал плечами.— Он считает, что если дать человеку мешок монет, то он станет богатым, и это заметят все. Но если раздать столько же денег нищим, то этого никто не увидит. Он не понимает, что количество золота все

равно остается прежним. Наверное, пример не слишком удачен, но он верен. Высоким такой подход совсем не по вкусу.

— Мне кажется, я понял тебя,— Конан задумчиво кивнул,— хотя не могу сказать, что ты меня убедил. Во времена наагов, твоих же детищ, уже было одно предупреждение? — Он вопросительно посмотрел на Деркэто.— Надеюсь, я не подвел тебя?

— Никаких секретов! — воскликнул Сет, подняв руки в примирительном жесте.— Все верно! Скажу тебе больше: иначе просто быть не могло. Рано или поздно предупреждение получают все! Вопрос лишь в том, можем ли мы позволить себе не обратить на него внимания.

— Звучит гордо! — усмехнулся Конан.

— Верно,— согласился Сет,— но тогда мы были готовы дать отпор!

— Так что же произошло?

— Митра не пожелал рисковать людьми ради моих, как он любит выражаться, уродов.

— А теперь мы не готовы?

— Нет,— ответил Великий Змей. Он не отвел взгляда, и Конан понял, то есть поверил, что собеседник его не лжет.

— Но если исход поединка для них столь важен, значит, у меня нет ни малейшей надежды на победу? — Конан не спрашивал, а утверждал, и лицо Деркэто болезненно исказилось.

— Надежда на победу есть всегда! — прервал его Сет.

— Не нравится мне все это...— Конан покачал головой.— Сам-то ты как себе представляешь, что будет?

— Ну вот мы и вернулись к твоему вопросу о правилах,— усмехнулся Сет.— Кстати, они весьма просты. Первое: противники должны быть примерно физически равны. Ты уже видел саркофаг?

— Да.

— Значит, понимаешь, что Посланец должен поместиться внутри. Правило второе: магией пользоваться запрещено. Правило третье: никто не имеет права вмешиваться в поединок ни на чьей стороне. И, наконец, последнее: Посланец может появиться здесь со своим оружием, но оно не должно быть мощнее того, что умеют изготавливать в мире, права на который он оспаривает.

— А если кто-то нарушит правила?

— Он станет более уязвимым, а его противник — более сильным.

— А если Посланец, нарушив правила, сумеет убить меня?

Сет задумался. Он понимал, что Конан печется вовсе не о себе и опасения его слишком серьезны, чтобы можно было просто отмахнуться от них.

— Он прав,— заговорила Деркэто.— И это заставило меня вспомнить кое о чем.

Однако едва она заговорила, как Сет резко взмахнул правой рукой, и странное напряжение повисло в воздухе, сделав его вдруг тяжелым и вязким. Богиня мгновенно умолкла. Конан ничего не понимал и потому смотрел на Сета, который выставил вперед левую ладонь, словно ощупывая его окружающее пространство. Он медленно поворачивался, когда возле окна неожиданно сгустилось грязно-багровое облако и рванулось наружу.

— Вон откуда! — воскликнул Владыка Вечной Ночи и, снова взмахнув правой рукой, послал вдогонку неизвестному такой мощный поток силы, что волосы у Конана на голове встали дыбом, хотя он всего лишь стоял рядом.

В тот же миг до них донесся ослабленный расстоянием вопль ярости и боли, и тут же все стихло.

— С ним покончено? — спросила Деркэто.

— Нет.— Сет покачал головой.— Я думаю, он успел удрать, и мне это совсем не нравится.— Он повернулся к Деркэто: — Могла бы известить меня об этом, прекраснейшая!

— Наверное, ты прав,— согласилась она и нахмурилась, недовольная собой,— но я не думала, что этот неизвестный, кем бы он ни был, сумеет выдержать твой удар.

— Меня тревожит не только это,— мрачно ответил Сет.

— Что же еще?

— Подумай! — выкрикнул он запальчиво, чего Конан никак не ожидал от Отца Тьмы.— Мы так и не узнали, кто это был, равно как и на что он способен и что ему нужно! — Лицо Великого Змея потемнело, брови грозно нахмурились.— Хорошо,— наконец заговорил он.— У нас еще будет время разобраться в этом, а сейчас продолжим.

— Я вот о чем подумал,— заговорил Конан,— во-первых, он может принести с собой незнакомое мне оружие, и второе... Если он вдруг решит воспользоваться магией...

— С этим я разберусь,— подумав, ответил Сет.

— Как?

— Сначала, едва появившись в нашем мире, Посланец будет слаб. Я надеялся, что за это время ты успеешь расправиться с ним, но, видно, придется действовать иначе. Ты будешь ждать его снаружи, а я попытаюсь все разузнать и, если понадобится, что-нибудь предприму. — Он сокрушенно покачал головой: — Жаль, конечно.

— Но кто такой этот Посланец? Если он придет из мира, где нет магии, то в чем может состоять его преимущество?

Сет развел руками:

— Не знаю. Впрочем можно попытаться представить себе, кто это будет. Вспомни, например, о твари, с которой ты столкнулся в доме Мелии, когда еще был молод. Это существо передвигалось рывками и неправдоподобно быстро, и тебе пришлось с ним изрядно повозиться.

— Он может оказаться крылатым или много-руким?

— Нет, — тут же ответил Великий Змей. — Две руки, две ноги, одна голова. — Он усмехнулся. — Другое дело, что руки могут оказаться сильнее, ноги быстрее, зубы острее, ну и так далее. Не знаю, — еще раз повторил он, — но не удивлюсь, если Высокие создадут кого-то специально для этого случая. Тогда тебе не поздоровится. Правда, это может оказаться и к лучшему. Если Высокие переусердствуют в стремлении победить любой ценой, то в силе их творения неизбежно будет крыться и его слабость. Помни об этом!

— Ты еще говорил о чужой помощи... — нахмурился киммериец.

— Об этом можешь не беспокоиться, — заверил его Сет. — Против моей воли никто не пробьется сквозь защитный барьер.

— Ну хорошо, с этим разобрались. Как я могу справиться с ним?

— Возможно, тебе даже не придется с ним столкнуться, — усмехнулся Великий Змей.

— Что это значит?

— Есть две давно приготовленные для него ловушки. Нашего гостя даже не нужно заманивать в них — он сам пойдет туда.

— И что за ловушки? — поинтересовался киммериец.

— Попросту говоря, пара бездонных мешков, — пояснил Сет. — Если он угодит в один из них, я ничего не буду иметь против, чтобы он остался там до скончания веков. Эти ловушки ты должен осмотреть, хотя бы для того, чтобы не угодить туда самому.

— Не забывайте, —插入了 свое слово Деркэ-то, — что кто-то должен позаботиться о сегодняшнем соглядатае, иначе все наши приготовления окажутся бессмысленными.

— Ты, как всегда, права, прекраснейшая! — с улыбкой согласился Сет. — Я что-нибудь придумаю, не беспокойся. Теперь о ловушках. Первая расположена в самом начале пути, вторая — в предгорье. Надеюсь, в одну из них он непременно угодит. Однако если ты, — он повернулся к киммерийцу, — придумаешь что-то свое, будет очень хорошо.

— Что ж, путь до горы я видел, — тут же отозвался Конан. — Там есть два обширных плоскогорья.

— Верно, — кивнул Великий Змей.

— Я заметил там несколько мест, где можно устроить завалы. Нужно только выждать удобный момент и вывалить на голову Посланцу гору камней. Если он не маг и не обладает сверхъестественной силой, мало ему не покажется.

— Хорошая мысль,— похвалил Конана Сет,— мне она нравится, а в остальном — смотри сам. Если удастся прикончить нашего гостя как-то иначе, не стесняйся,— милостиво разрешил он.— Буду только рад. Но понапрасну не рискуй. И еще одно. Я хочу, чтобы ты поупражнялся с моими воинами.

Конан ухмыльнулся:

— Ты мне не доверяешь?

— Да разве об этом речь? — удивился Владыка Вечной Ночи.— Но дело ведь предстоит нешуточное. Ты сам-то разве не хочешь себя проверить? Заодно присмотришь себе оружие. Ты ведь не собираешься драться с ним врукопашную?

— Кром! Конечно, нет!

— Ну вот видишь!

— Кстати, чуть не забыл спросить. Сколько у меня осталось времени?

— Точно не знаю. Не больше полугода.

— Что ж, не слишком много, но вполне достаточно. Впрочем, и терять его понапрасну тоже не стоит. Камни для завалов я должен таскать в одиночку?

— Тебе их совсем таскать не придется, иначе на это уйдет все оставшееся время. Просто покажешь приглянувшиеся места.

— Тем лучше,— кивнул на прощание Конан.— Завтра я осмотрю оставшуюся часть пути, и можно начинать.

Глава вторая

Вледующий день начался так же, как и предыдущий, с той лишь разницей, что теперь Конан с Деркэто летели не на север, а на восток. Ничего нового варвар не увидел: все та же усыпанная валунами каменная равнина внизу и растрескавшееся каменное небо над головой.

— Ты действительно можешь мгновенно переместиться в любое место? — спросил вдруг Конан, обернувшись к Деркэто.

— Конечно! — Она удивленно посмотрела на своего спутника.— Но почему ты спрашиваешь?

— Так... Просто когда я вчера услышал об этом, то удивился, зачем мы потратили полдня на перелет, когда все так просто...

— Но я хотела показать тебе этот мир!

— Это была вторая моя мысль,— признался Конан.— Поэтому я ничего и не сказал, а теперь вот вдруг вспомнил и решил все-таки спросить.

— Ну и как тебе увиденное? — поинтересовалась богиня.

— Здорово! Клянусь бородой Крома! Представить себе не мог, что здесь, внизу, в недрах земли, столько интересного! Это же целая страна, обнесенная стеной! — воскликнул он восторженно. — А Пурпурный Замок?! Я просто не представляю, какой силой нужно обладать, чтобы решиться на его штурм! Скажи, — спросил он вдруг, — Сет что, готовился или готовится к обороне? Разве есть кто-то, кто может угрожать его могуществу? Не Митра же!

— Конечно, не Митра. — Лицо богини помрачнело. — Он не пошел бы на это, даже если бы мог всерьез рассчитывать на победу.

— Кто же тогда? Нергал?

— Нергал... Да ты что! — воскликнула Деркэто и невольно рассмеялась. — Да он спит уже сотни лет, и ему дела нет до борьбы за власть!

— Тогда кто же?

— Ты слышал когда-нибудь о Владыке Страха — Ксотли? — Деркэто пытливо посмотрела Конану в глаза, но тот лишь кивнул, ожидая продолжения ее рассказа. — Так вот когда пала Валузия, были уничтожены Му, Атлантида и Лемурия, Ксотли предложил Сету объединиться, чтобы изгнать Подателя Жизни из нашего мира. Он был уверен, что Великий Змей с радостью согласится, но ошибся. Он считал Сета бесспорным приверженцем Зла, а стало быть, своим естественным союзником и поначалу просто удивился, услышав отказ. Ксотли посчитал, что Отец Тьмы просто набивает себе цену, но когда понял, что это не так, ярости его не было предела.

— Чем же кончилось дело? — спросил Конан, понимая, что вряд ли эти двое просто так разошлись.

— Сет победил, — кратко ответила богиня.

— Это-то понятно, — отозвался Конан, — но что стало с Ксотли?

— Он укрылся в Кавернах Нижнего Мира.

— Что еще за Каверны? Ты хочешь сказать...

— Верно, — кивнула богиня, — опасность вовсе не миновала. Помня о нависшей угрозе войны, Сет готовился к ее отражению все это время. Я думаю, именно из-за постоянных забот он так изменился. Великий Змей просто не успевал следить за всем.

Конан задумчиво посмотрел вниз. Теперь уже не только небо, но и земля оказалась изрытой трещинами. Да и воздух стал суше и горячее. Из некоторых трещин поднимался пар, кое-где полностью закрывая землю белым облаком. Струя кипятка ударила в небо чуть дальше и правее, словно кто-то пытался попасть именно в них, да промахнулся. Горг тут же начал набирать высоту.

— Не волнуйся, — успокоила киммерийца Деркэто, — он летал здесь не раз, и ему тоже совсем не хочется свариться заживо. Кстати, о Владыке Страха. Я не удивлюсь, если узнаю, что этот любопытный невидимка — один из его демонов. Время от времени они забираются к нам, чтобы подсмотреть и подслушать. Но залезть в замок самого Сета, да еще когда он там... — Она недоверчиво покачала головой. — Такого еще не бывало. Впрочем, если Ксотли узнал о предупреждении, он может попробовать напасть, ведь сейчас Сету не до него.

— Но победа Посланца и для Владыки Страх обернется гибелью! — не удержавшись, воскликнул Конан.

— Это единственное, что немного успокаивает, — согласилась она. — С другой стороны, кто знает наверняка? Быть может, он хочет предложить свою помощь, чтобы выторговать себе место в новом мире.

— Ты это серьезно?

— Не знаю... Просто размышляю вслух. Не обращаешь внимания. Если дело обстоит именно так, Сет об этом позаботится. И о любителе тайком подбрасывать другим свои идеи тоже.

Полет между тем подошел к концу. Горг не удалялся от исполинской стены дальше чем на две-три сотни локтей, оставляя ее слева от себя.

— Нам нет смысла осматривать пещеру с этой стороны, — заметила Деркэто, хотя они были еще далеко от входа. — Она отличается от той, что ты видел позавчера, только размерами. — Конан кивнул. — Эта часть пути короче, — продолжила богиня, когда они вновь полетели вдоль дороги. Смотри! Впереди Огненная Река и Мост Сета — единственная переправа через нее.

Исходившее раскаленным паром русло Огненной Реки змеилось вдоль стены исполинской чаши Вилайета. Чуть дальше и справа раскинулось озеро, еще дальше — Священная Роцца, за которой, Конан помнил это, располагался Храм Подателя Жизни, сооруженный гигантами, а внутри него — Алтарь Митры, который ему предстояло оберегать.

— Давай остановимся сразу за рекой, — предложил северянин, как только понял, где они находятся.

— Хорошо.

Деркэто, кивнув, дернула поводья. Горг расправил крылья и начал стремительно снижаться. Через несколько мгновений повозка коснулась колесами земли и почти сразу остановилась. Конан прыгнул на землю и протянул руки, чтобы подхватить свою спутницу, но, хотя сердце богини радостно затрепетало, она отстранилась.

— Ишь ты какой скорый! — фыркнула она. — Такую честь нужно заслужить!

— Я готов, о прекраснейшая!

Киммериец склонился в шутливом поклоне и подал руку.

— Не смей называть меня, как Сет! — нахмурилась богиня, но руку все-таки подала. — Ненавижу этот титул! — Конан улыбнулся. — И не думай, что на меня подействуют эти штучки, — они хороши лишь для смертных! Кстати, для начала забудь их всех, — грозно велела Богиня Страсти, и лицо киммерийца исказила гримаса боли.

— Кром! — хмуро, но беззлобно выругался он. — Ты хочешь отобрать мои воспоминания?

— А если я потребую такую плату? — серьезно спросила она.

— Мудрецы говорят, что именно память делает человека человеком, — заметил Конан. — Да и как я могу забыть Белит, вернувшуюся из холода Серых Равнин, чтобы защитить меня? Или Зенобию? Кому, как не тебе, знать, что любовь ее

оказалась сильнее смерти! Так как же я могу вычеркнуть их из памяти?!

— Так вот ты какой, Конан из Киммерии...— прошептала богиня, глядя на молодого мужчину, за плечами которого осталась жизнь, и какая!

Не сказав больше ни слова, Деркэто пошла прочь, а Конан долго смотрел ей вслед, потом пожал плечами и направился к Огненной Реке. Он остановился на обрыве и взглянул вниз: не меньше двух сотен локтей отделяло его от огненной поверхности, которая лениво шевелилась, словно густое тесто. Подобрал с земли невестку как очутившийся здесь кусок дерева, он бросил его в реку. Долго, неправдоподобно долго летела деревяшка, но едва коснулась огненно-рыжего потока, как вспыхнула призрачным белесым языком пламени и исчезла.

— Огонь настоящий.— Деркэто вернулась и теперь стояла рядом с киммерийцем.— По нему не пройти.

— Знаю.— Конан повернул голову направо, где вдалеке дымились две горы с округлыми склонами.— Она ведь от них берет свое начало?

— Верно! — Деркэто кивнула.— И называются они Грудь Хали.

Конан хмыкнул:

— У кого-то из живущих здесь богатое воображение.

— За ними лежит царство Нергала,— пояснила богиня, оставив слова Конана без внимания.— Я никогда там не бывала. Уже много веков Повелитель Загробного Царства крепко спит,— в который уже раз повторила она,— но говорят, что

единственный путь к нему проходит между Грудями Хали. А еще говорят, что прежде Нергал был страстно влюблен в Богиню Смерти, но она потребовала, чтобы он сменил обличье и стал более походить на человека.

— И чем кончилось дело? — поинтересовался киммериец.

— Не знаю,— равнодушно ответила Богиня Страсти,— и, думаю, никто не знает этого. Пойдем лучше посмотрим Мост,— предложила она.— Ручаюсь, ты никогда не видел ничего подобного!

Богиня пошла впереди, но через мгновение северянин поравнялся с ней, и дальше они направились вместе. Через пару сотен шагов они свернули налево, прошли вдоль обрыва и еще через сотню шагов очутились рядом с Мостом Сета, который киммериец так и не сумел рассмотреть с высоты.

— Ничего себе! — невольно воскликнул Конан.

Дальний берег от того места, где они стояли, отделяло шагов двести. Почти полтора десятка каменных столбов торчало из потока лавы, неспешно раскачиваясь поперек течения. Иногда вершины отдельных столбов соприкасались, и в этот миг можно было переступить на следующий, который тут же уносился к противоположному берегу. Столбы раскачивались с разной скоростью, несильно, но были неодинаковыми в поперечнике, и самый тонкий из них не превышал полутора шагов киммерийца. К тому же они были разной высоты, но все-таки перебраться по этому мосту было можно.

— Мост Сета называют еще Качающимися Столбами, — сказала Деркэто. — А еще их называют Пальцами Сета.

Столбы продолжали раскачиваться, и из глубины Огненной Реки доносился звук трущихся друг о друга камней.

— Ага, — кивнув, зло процедил Конан, — я даже слышу, как хрустят их суставы! Или, быть может, это кости тех, кто дерзнул по нему пройти?

— Неужто испугался?! — воскликнула богиня.

— Нет! — отрезал киммериец. — Но я пройду по этому мосту, только если иного выхода не будет!

— Признаюсь, путешествие не из приятных, — согласилась Деркэто, — но ты должен был увидеть его, чтобы знать, что такое Мост Сета.

— Тогда пошли отсюда, — бросил Конан и зашагал прочь, но внезапно обернулся. — А ты уверена, что через реку больше нигде перебраться?

— Конечно! — не задумываясь, ответила она. — К тому же это самое узкое место! Посмотри, именно здесь Огненная Река огибает озеро.

— Странно, что оно так близко подходит к реке, — проворчал киммериец.

— Вообще нет, — возразила Деркэто. — Когда-то по этому руслу тек совсем не огонь. Озеро соединялось с рекой короткой протокой. Ты забываешь, что тут прежде была поверхность Светлого Мира, которая потом опустилась. Это произошло задолго до гибели Атлантиды. Алтарь со Священной Рощей ушли под землю, берега протоки сомкнулись: огонь ведь не может соединяться с водой.

Некоторое время они шли молча. Конан размышлял об услышанном и о том, сколько еще пройдет времени, прежде чем мир перестанет сотрясать катаклизмы и все успокоится. Да и случится ли это вообще? Быть может, так и не суждено этому миру обрести покой? И на смену старинной вражде Митры с Сетом придет еще что-то, появится очередная незваный Посланец Высоких Богов...

— О чем задумался?

Низкий бархатистый голос оторвал его от разсуждений.

— Если выломать один из Пальцев, Посланец не пройдет здесь.

— Может, да, а может, и нет, — ответила богиня. — Но даже если ты и прав, это ничего не изменит. Найдется другой путь, длиннее, но надежней.

— Если Палец сломается у него под ногами, — не сдавался Конан, — я думаю, Посланец погибнет. Если, конечно, он окажется живым существом, а это должно быть так, ведь магия под запретом.

— Наверное, ты прав, но я не представляю, как это сделать.

— А что за другой путь? — вдруг спросил Конан. — Помнится, ты говорила, что этот, ведущий через мост, единственный?

— Верно. Из Аргоса в Шем ведет Тракт, но никто не запрещает тебе подняться к верховьям Красной, пересечь Немедию и Бритунию, перебраться через Кезанкийские горы и по туранскому побережью Вилайета спуститься к Замбуле. Эта дорога — такой же Тракт.

— Да,— согласился Конан,— понятно. Дурацкая, конечно, получается прогулка, но если прямой путь закрыт, то можно и так. А можно и срезать часть пути где-то в Карпашах.— Киммериец вновь задумался.— А здесь, значит...

Он посмотрел налево, туда, где в невообразимой дали пепельная дымка стелилась над самой землей. В прошлый раз, когда он побывал здесь впервые, она показалась ему ближе и гуще. Деркэто смотрела в ту же сторону.

— Серые Равнины...— прошептала она.— Унылый мир, полный печали и скорби. Маленькая часть обширных владений Нергала. Вот тебе еще один путь к Алтарю, и вот тебе еще одно место, где может найти прибежище твой любознательный советчик.

— Но разве Нергал с Сетом...— начал было Конан, но богиня перебила его.

— Нергал спит,— напомнила она.— Его сестры, Анунна и Эрешкигаль, охраняют зачарованный сон грозного брата — ведь если он проснется, могут случиться страшные беды. Кто знает, чего ему спросонья захочется...

— Ну, может, все и не так страшно,— возразил Конан.— Видал я уже бодрствующего Нергала.

— А-а! Понимаю...— Удивление на лице Деркэто сменилось усмешкой.— Ты говоришь об Агадее, когда возомнивший себя покорителем мира глупец Абокомо решил заручиться поддержкой Повелителя Царства Мертвых и велел Ибн-Мухуру разбудить Нергала? Вспомни-ка, он поплатился за это, впрочем, как и Абокомо. Но это был лишь

миг. Такое случается примерно раз в столетие, но не нарушает сонных чар, наложенных на мрачного бога его сестрами. Впрочем, дело-то не в этом. Раз есть царство, то и пройти по нему можно. Особенно если магия против тебя бессильна. А ведь есть еще к востоку отсюда царство Хали...

Она говорила, говорила, пока не поняла, что Конан ее не слушает, что он остановился как вкопанный, не в силах оторвать восторженного взгляда от раскинувшейся перед ними картины. Деркэто хотела фыркнуть, но не успела. Он мягко взял ее за руку, и на сердце у грозной богини потеплело, а с уст вместо гневной отповеди сорвался вздох восхищения.

— Не сердись на меня,— неожиданно мягко попросил киммериец, и Деркэто подумала, что не только она, но и бешеный варвар сильно переменялся за последнее время. Точнее, за последние дни.— Это все память. Я ведь бывал уже здесь.

— Да, я знаю,— нехотя ответила богиня.— С этой...

— С Риной,— напомнил Конан, с болью вспоминая, какая судьба постигла его бывшую спутницу.

— Ты и ее помнишь...— прошептала Деркэто.

— Конечно,— спокойно кивнул киммериец.— И зря ты злишься. Как я могу забыть ту, которая спасла мне жизнь?

Северянин не желал больше спорить. Он ступил на изумрудный травяной ковер и словно окунулся в мир света и тепла, полный совсем других запахов и звуков. Вместо свиста ветра в каменных трещинах и ледящего кровь хруста в опорах Мо-

ста Сета вдруг уютно зажужжали пчелы, ласково зашелестела листва и радостно застрекотал кузнечик, поющий брачную песню. Удушливый зной от пылающей магмы и едва ощутимый запах тлена, исходящий от укрытого в камне кладбища исполинских монстров, сменились медоточивым запахом цветов и волнами свежести от укрытой росой зелени.

Они вошли в яблоневый сад, наслаждаясь его ароматами, миновали небольшую рощицу абрикосовых и персиковых деревьев, совершенно не удивляясь тому, что на одних и тех же деревьях можно увидеть и зрелый плод, и только что появившийся зародыш, и цветок, едва раскрывший лепестки.

Конан не останавливаясь пошел дальше мимо раскидистых дубов и буков, лишь на миг задержавшись возле старейшины — гигантского дуба со стволом в три обхвата, чтобы бросить приветливый взгляд на старого знакомого. Словно на незримой границе, в этом месте иссяк сладкий запах медоносов, а воздух наполнился ароматом смолы и хвои.

Киммериец двинулся вдоль прямых, как мачты, сосен, золотистые стволы которых, казалось, рвались в синее небо, будто на его родине. Северянин бездумно задрал голову, но увидел все тот же покрытый трещинами камень. Однако это не испортило его настроения. Он миновал кедровую рощу и пошел мимо елей, словно припорошенных хрустящим инеем.

Он сам не заметил, как, любуясь деревьями, обогнул бравшее начало далеко позади озеро, уви-

дел источник, вспомнил прошлое свое посещение и слова Рины о том, что нельзя входить в храм Всеблагого Бога, не смыв с себя пыли дорог.

Он еще раз взглянул на источник — небольшой водопад, хрустальным потоком низвергавшийся в лазурную гладь озера. Тихий шелест прозрачных струй словно приглашал: «Встань подо мной, я освежу твоё уставшее тело и прогоню невеселые мысли!»

Едва эта мысль родилась в его голове, он пошел вперед и встал под освежающий поток. О чём он думал, подставляя лицо живительной влаге? Быть может, хотел воззвать к Митре, чтобы Светлый Бог даровал ему сил для победы, а может быть, и нет. Ведь он прекрасно понимал, что никакие силы, дарованные богами, сейчас ему не помогут и полагаться ему надо только на себя.

Неожиданно Конан почувствовал на плечах нежные женские руки, и это отвлекло его от тяжких дум. Киммериец обернулся: рядом с ним стояла Деркэто. Роскошное белоснежное платье намокло и плотно облепило богиню, придав ей сходство с ожившей мраморной статуей, настолько прекрасной, что Конан готов был поклясться: таких еще не видывал свет. Богиня, казавшаяся такой маленькой рядом с гигантом киммерийцем, подняла лицо, и он увидел в них тревогу, любовь и страх...

— Ты боишься, Конан? — едва слышно прошептала она. — Это очень опасно...

— Но ведь ты спасешь меня, верно? — спросил он, и в его синих глазах на мгновение вспыхнула веселая искорка.

Вспыхнула и тут же погасла, но Деркэто кивнула, то ли не заметив этого, то ли сознательно решив не замечать, хотя понимала: любое вмешательство может оказаться для нее смертельным.

Посыпанная желтым песком, словно только что прибранная, дорожка извивалась между двумя рядами душистого кустарника. Крупные гроздья голубых и сиреневых цветов усыпали их, будто здесь царила вечная весна. Однако Конан не обращал внимания на окружающую его красоту. Он смотрел на огромную арку, венчавшую невысокую лестницу, у ступеней которой заканчивала свой бег желтая дорожка.

Даже фасад, сложенный из ослепительно белого мрамора, не бросался в глаза, не говоря уж об огромных колоннах, уходивших в радужно мерцающую дымку, в серебристый туман, скрывавший мрачное каменное небо. Дюжина широких, не меньше полусотни локтей, ступеней, больше походивших на террасы, вела наверх, и стоявшие на каждой исполинские каменные статуи напоминали о славных днях подвигов Первосотворенных, об их битвах с немыслимыми тварями. Конан невольно замедлил шаг, вглядываясь в картины давно минувшего. Гигантские изваяния смотрели на него, словно сожалея, что не могут сделать его работу. Варвар нахмурился: еще не хватало перекладывать на других свои заботы! Он и сам прекрасно справится! Он медленно поднялся по ступеням, но у самого порога остановился.

— Иди, милый, — услышал он голос Деркэто. — Мне нельзя туда. Тем, кто правит силами, путь к Алтарю заказан. Разве что кроме самого Митры... — подумав, добавила она.

Впрочем, Конан и не боялся, просто ему почему-то показалось, что он идет сюда последний раз, и чем ближе он подходил, тем сильнее становилась уверенность в этом. Киммериец расправил плечи и вошел. Беломраморные колонны стремительно разбежались в стороны, открыв взору просторный зал.

Свод его тонул в искрящейся серебристой дымке, и определить, на какой высоте он находится, было совершенно невозможно. Четко различимые рядом с Конаном колонны в десятке шагов от него уже превращались в змеящиеся в тумане, едва видимые призрачные силуэты. Киммериец почувствовал потоки Силы, рвущиеся наружу откуда-то из глубины. Он помнил по первому посещению, что именно там находится Алтарь. Он пошел вперед и вскоре увидел его — огромный, многогранный, переливающийся всеми цветами радуги кристалл.

Конан приблизился, замер в десятке шагов перед Алтарем, висевшим высоко над головой, вгляделся в его глубину, и простая, но страшная истина открылась ему.

Он вспомнил рассказанную когда-то Пелиасом притчу о том, как в древние времена из алмазной пыли, замешанной на крови дракона, изготавливали клинки, равных которым не было в мире. Избранные люди всю свою жизнь занимались тем,

что искали уязвимые точки алмазов и превращали их в порошок... Он посмотрел вверх. Этот Алтарь, словно бриллиант, тоже должен иметь уязвимую точку, а значит, его можно разрушить несильным, но умело направленным ударом.

О том, что случится дальше, киммериец и думать боялся. Гигантский кристалл, заключающий в себе силы, которые сохраняют мир таким, каков он есть, обратится в прах, в пыль, настолько мелкую, что частицы ее, разнесясь по свету, покроют собой всю землю. Они сожгут этот мир, мгновенно выплеснув на него запас Силы, рассчитанный на сотни или даже тысячи веков. И тогда гибель Атлантиды покажется просто невинной шалостью по сравнению с тем, что произойдет. Выживет ли мир, или все живое на нем исчезнет, будет уже неважно. В любом случае места на нем людям уже не останется.

Уже то, что Алтарь упрятан глубоко под землей, говорит о его уязвимости. Не раз после первого посещения возвращался киммериец мысленно сюда, в храм Митры, и никогда не мог понять, зачем Светлому Богу прятать источник своего могущества здесь, в Нижнем Мире, где нашли себе пристанище Темные Божества. Он задавал себе этот вопрос десятки раз, но ответа не находил, а вот теперь нашел...

Теперь наконец Конан понял, чего опасался Податель Жизни. Слишком уж мощным был поток Силы, чтобы держать его на поверхности. Земная твердь должна была смягчить его, рассеять. Ведь это как огонь: у костра можно согреться, но можно и сгореть, если подойти слишком близко.

Киммериец еще раз посмотрел на Алтарь, развернулся и пошел прочь. Только теперь он до конца понял справедливость слов Деркэто: «Нет в мире Зла, как нет и Добра, которые оставались бы тем, что они есть, при любых поворотах фантазии Рока. Только он, Высший Судья, способен верно оценить весь вред или всю пользу, что несет с собой Поступок. И даже средоточие самой чистой из сил, от существования которой зависит судьба мира, несет в себе возможность уничтожения всего, ради чего эта сила существует».

В глубокой задумчивости переступил он высокую стрельчатую арку входа, и лишь когда взгляд киммерийца встретился со взглядом Деркэто, на душе у него легчало. Богиня настороженно вглядывалась в его лицо, словно спрашивая: ну как там? Конан усмехнулся:

— Одно тебе скажу: его необходимо остановить с той стороны гор. Здесь его сдерживать уже негде. Некоторое время они шли молча.

— Я ведь уже видел Алтарь,— вновь заговорил Конан.— Но память, стертая годами, не позволяла мне понять то, что я осознал сейчас.

— Ты узнал нечто важное? — встревоженно спросила она.

— Да ничего я не узнал.— Конан нахмурился, и могучие плечи его поникли, как у смертельно усталого человека.— Просто я почувствовал ту силу, ту мощь, что заключена в Алтаре, и понял простую истину.

— Что же это?

— Чем мощнее сила, тем проще свалить ее, если отыщешь уязвимое место.

— И ты узнал...

— Да,— кивнул он,— для этого не нужно быть магом. Один умелый удар, и все будет кончено.

Незаметно, думая каждый о своем, они дошли до увитой виноградом беседки. Два чувства боролись в киммерийце. С одной стороны, он понимал, что должен уничтожить Посланца, прежде чем тот доберется до Алтаря. И в то же самое время он чувствовал, как в душе нарастает волна глухой ярости. Ему хотелось крикнуть: «Боги! Какое же право вы имеете судить нас, если сами устроили такое!» Он пытался доказать себе, что не волен судить о поступках, причины которых ему неизвестны. У него даже мелькнула мысль: а не старческие ли это бредни?! Хоть тело его снова молодо, но отпущенный человеку срок он давно прожил! Но ничто не помогало.

— О чем задумался?

Голос Деркэто вывел его из оцепенения. Конан вздрогнул, огляделся, увидел собранную ею горку фруктов и потянулся за персиком. Он хотел сказать что-то, но не успел. Листья обвивавшей беседку лозы затрепетали, хотя ветра не было, воздух слева от киммерийца сгустился, и перед ними возник Митра.

— Ты, как всегда, неотразима, прекраснейшая!

Податель Жизни произнес это так спокойно, будто просто поздоровался, слегка склонился перед Деркэто, которая привычным кивком ответила на его слова, и повернулся к Конану:

— Приветствую и тебя, мой друг! — Он опустился на скамью. — Я терпеливо ждал, когда ты

вернешься из храма. Теперь ты знаешь, как разрушить Алтарь и что за этим последует...

— Да,— ответил Конан,— мы только что говорили о том же. Мир погибнет, вероятно, и боги тоже...

— Нет, боги выстоят,— возразил Митра,— но судьба их окажется горькой: века скитаний в поисках нового мира.

— Да,— согласился киммериец,— не позавидуешь... Уж лучше смерть...

Он говорил спокойно, не обращаясь ни к кому, но увидел, как блеснули глаза Деркэто, а лицо Подателя Жизни окаменело.

— Я не знаю, чем помочь тебе,— сказал Митра сухо,— да и очень сомневаюсь, что это вообще возможно.— Он помолчал.— И тем не менее хочу, чтобы ты знал: если тебе удастся убить его, Конан, я сделаю для тебя все, что пожелаешь.

— Нет.— Киммериец медленно покачал головой.

— Но почему? — Митра не скрывал удивления.— Ты отказываешься от моей дружбы?

— Жизнь научила меня выбирать друзей среди равных, а дары принимать лишь от любящих,— ответил Конан, бросив быстрый взгляд на Деркэто.

— Значит, все-таки отказываешься? — Податель Жизни сжал зубы, и мрачная тень легла на его лицо.

— Ну почему же? — Конан невесело усмехнулся.— Я сделаю все, что смогу, но не ради награды, а просто потому, что я привык помогать друзьям, не думая о выгоде, не ожидая от них благодарности. А что касается дружбы... Она ведь не возни-

кает просто оттого, что кто-то пообещал быть другим.

— Ну что ж, пусть будет по-твоему.

Митра склонил голову в скорбном поклоне и медленно растаял в воздухе, словно всего мгновение назад его и не было в беседке.

— Не суди его строго, — прошептала Деркэто. — Он много веков бился за Добро, и не его вина, что не все он видел в истинном свете. Ведь только Рок способен до конца верно оценить поступки, не ошибиться, а главное, ничего не упустить, бросая дела и мысли людей на чаши весов.

Конан скептически хмыкнул, а Деркэто в ответ улыбнулась:

— Быть может, в этом тоже кроется глубокий, скрытый Роком от людей смысл: желание и сила идти против воли всемогущей судьбы, не подчиняться ее велениям, чтобы наперекор всему одержать победу?

— Ты у меня спрашиваешь?

— А у кого же еще? Люди ведь свободней богов, как это ни странно.

— Да кто я такой, чтобы судить богов? — удивился Конан. — До сих пор я ни с кем из них не встречался, зато знаком был со многими из тех, кто служит Светлому Богу, и обсуждать его поступки всегда было запрещено. Считалось, что все его деяния приносят благо, а иначе просто быть не может. Но мне на это было наплевать! Я возносил хвалу Крому, да и то не слишком часто, и считал, что понимаю, кто такие Митра и Сет... А теперь я просто не знаю, что и думать. Мир словно

опрокинулся! Митра всегда защищал людей — в это я верил даже тогда, когда ощутил не только его щедрость, но и беспощадную силу. Эта вера не поколебалась даже тогда, когда во имя торжества высшей справедливости я едва не лишился жены! Я просто подумал, что и у доброго человека может оказаться уродливое лицо и он станет невольным пугать детишек. А теперь я вижу, что все не так! И даже то главное, что просто не может иметь изъянов, несет в себе угрозу всему, во имя чего и существует!

— Что ж, и так бывает, — задумчиво согласилась Деркэто. — Порой жертвовать приходится слишком многим, и чем выше цель, тем горше подстерегающие на пути к ней утраты.

* * *

В тот день сон долго не шел к помолодевшему варвару. В голове у него царил полный сумбур. Он все пытался понять, что с ним происходит, но ничего из этого не получалось. Как легко все было раньше, когда перед ним стояли простые задачи: раздобыть немного золота, чтобы весело кутнуть с друзьями, а после развлечься с приглянувшейся девчонкой... Когда же порой приходили думы о бессмысленности такого существования, он гнал их прочь, успокаивая себя тем, что еще молод, все у него впереди, и еще настанет пора думать о многом и о многих.

Первые по-настоящему большие заботы появились, когда Конан занял трон Аквилонии, но и тогда он не почувствовал растерянности. Быть

может, потому, что сумел остаться самим собой, и хотя враги его стали сильнее, уверенность в себе помогала побеждать. И уж во всяком случае он никогда не сомневался, где добро, а где зло. Теперь же ему показали, что все не так просто и за один и тот же поступок тебя могут назвать и подонком, и героем...

* * *

Второй полет к Пурпурному Замку проходил в точности, как первый, и, как и в прошлый раз, Конана охватил восторг. Когда накануне он попал в сад Митры, наряду с радостью он испытал и горечь... Он ощутил жгучую боль от сознания того, что окружающая его красота может безвозвратно исчезнуть, и в то же время появилась уверенность, что не должна судьба Светлого Мира решаться здесь, в Царстве Тьмы.

Киммерийцу вдруг показалось, что он стал жертвой какого-то чудовищного обмана. Что он вообще делает здесь?! Ему надо как можно скорее вернуться туда, наверх! Именно там решится все, если только и это не сказки, и Посланец Высоких Богов действительно явится. Однако, едва он подошел к храму, как все сомнения исчезли... Правда, не до конца. Какой-то червячок продолжал вгрызаться в душу.

Теперь наконец он понял, что это было. Все время он невольно сравнивал увиденное накануне со Священной Рощей Митры, и она сильнее влияла на него, потому что питала память о былом. И только сейчас он сообразил, что красота

бывает разной, но от этого не перестает быть красотой.

Он понял, что это вовсе не два мира, один из которых противостоит другому. Это один мир! И если он не сумеет защитить Нижний, показавшийся поначалу таким мрачным и чужим, то падет и Верхний, который дорог ему.

— Здорово, правда? — не выдержала Деркэто.

— Да, — Конан кивнул. — Не пойму только, отчего люди наверху ничего не знают о нем?

— Так ли? — Богиня насмешливо посмотрела на своего спутника. — Постарайся вспомнить. Алая Цитадель... Ты ведь бывал там. Разве она тебе ничего не напоминает? Я уж не говорю о названии.

Конан задумался. А ведь и верно. Правда, видел он только развалины крепости, но по сохранившимся обломкам можно было, хотя бы в общих чертах, судить и о целом. Но никто не задумывался о былом величии крепости, а ведь тот, кто некогда построил Алую Цитадель, видел Пурпурный Замок Сета!

— А ну-ка давай спустимся пониже!

Деркэто тронула поводья, и Горг ринулся вниз. Земля понеслась навстречу с головокружительной скоростью. То, что с высоты казалось цветными пятнами или просто движущимися точками, теперь становилось четким и вполне узнаваемым.

И здесь было гораздо светлее!

Они летели вдоль берега узкой, но быстрой реки, пробившей себе русло на песчаном плоскогорье. Ее перегораживали бесчисленные пороги, и

тогда речушка широко разливалась, словно для того лишь, чтобы накопить силы и прорваться верхом. А потом поток сбегал вниз многочисленными каскадами.

Горг устремился к небольшому озеру, на левом берегу которого громоздились гроздьи кристаллов, а на правом росли карликовые деревья с синими листьями. Их кроны тянулись не вверх, а вширь, и это было понятно: здесь свет не падал с небес, как то было в Светлом Море, а как бы стелился по земле.

Горг быстро замахал крыльями и вылетел в степь, заросшую странной травой. Непривычного песочного цвета, высотой по пояс, с мохнатыми кистями на концах, она колыхалась, будто не земля, а безбрежное море раскинулось под ними.

Конан расхохотался, не в силах сдержать восторг. Горг на миг обернулся и, словно почувствовав настроение своего нового хозяина, радостно взревел. Его трубный глас разнесся далеко по степи, выгнав из зарослей низкорослых деревьев внушительное стадо двуногих драконов. Они помчались прочь, точно следуя за более крупным и сильным вожак. Их мощные тела вытянулись почти горизонтально, в одну линию с шеями и хвостами, и мерный шорох когтистых лап по траве сопровождал стремительный бег зверей.

Горг снова взревел. Вожак шарахнулся в сторону, и стадо устремилось за ним. Дракон летел чуть впереди, словно теперь он указывал путь, направляя двуногих собратьев к видневшемуся вдали лесу. Когда до его кромки оставалось совсем немно-

го, из-под деревьев вышел колченог и, подняв к губам горн, протрубил какой-то сигнал. Вожак тут же описал широкий полукруг и повел стадо назад. Колченог вскинул правую руку в приветственном жесте, Горг ответил громким ревом и направился к высившейся на горизонте громаде замка.

Хотя путь им преграждали густые заросли, дракон не поднимался вверх, а на бешеной скорости начал огибать деревья с синей листвой и бледно-желтыми стволами. Теперь, вблизи, они совсем не выглядели карликами, хотя и гигантами их тоже назвать было нельзя. Больше всего они походили на кряжистые дубы со странными раскидистыми и невероятно густыми кронами.

Горг мчался вперед, виртуозно лавируя в роще, пока наконец не вырвался на простор. Конан услышал, как стоявшая рядом с ним богиня судорожно вздохнула, едва не задыхаясь от восторга. Киммериец же лишь крепче обнял ее за плечи, и вдруг вместо окружавшего их древесного царства увидел прямо перед собой исполинскую пурпурную стену, вздымавшуюся на немыслимую высоту. На миг ему показалось, что они очутились слишком близко и вот-вот врежутся, хотя на самом деле до нее было еще далеко.

Горг быстрее заработал крыльями и начал набирать высоту. Теперь они летели вверх, и Конан вновь поразился чудовищной мощи этого сооружения, опоясавшего огромную страну.

— Пора, Конан, — тронула его за плечо Деркэто, — у нас нет времени любоваться картинами этого мира. Сет ждет нас.

Киммериец кивнул, и Горг помчался к цели, больше уже нигде не сворачивая.

* * *

Роган, колченог, главный военный наставник Сета, встретил Конана в странном саду. Все здесь выглядело непривычно: и красный песок, и цветы с разноцветными бутонами, и кустарники с листьями и стеблями всех оттенков синего.

— Говорят, ты был самым лучшим среди воспитанников Учителя?

Это были первые произнесенные колченогом слова, и Конан подивился про себя тому, что голос его не вибрирует, как у того, что встречал их пару дней назад. Ну разве что самую малость, едва заметно. Он огляделся и только теперь увидел, что Деркэто нет рядом.

— Я тоже слышал об этом, но не слишком верю в пустые похвалы,— ответил варвар.

— Хорошо, что ты не падок на лесть,— кивнул колченог.— Это значит, что ничто не мешает тебе достичь вершин мастерства.

— Хотелось бы на это надеяться.

— Во всяком случае, ты не новичок,— заключил Роган.

— Не стану спорить,— согласился Конан.— Подчас мне приходилось драться.

— Что ж, если ты не против, для начала выясним, что ты умеешь.

Он снял с ветки пару легких тренировочных мечей и один из них кинул Конану. Киммериец поймал его за рукоять и взвесил на руке. Это было пре-

красно сбалансированное оружие, и рукоять лежала в ладони как влитая, но чтобы убить им кого-то, нужно было очень постараться: клинок не имел острия, а самый кончик его оказался тщательно скручен, так что ни зарубить, ни заколоть им кого-либо было невозможно, но зато приемы боя можно было отрабатывать ничуть не хуже, чем с настоящим.

Конан не привык к такому. Даже будучи зеленым юнцом, все уроки он усваивал с помощью настоящего оружия. Никто, конечно, не старался прикончить напарника, но мелких ранений всегда хватало. Однако ученики никогда не роптали, считая, что это совершенно нормально. Теперь же ему подсовывали игрушку, словно он не опытный воин, а пятилетний ребенок!

— Нападай! — крикнул Роган.

Он встал в расслабленной позе, и тело его слегка покачивалось, словно он не стоял на сильных ногах, опиравшихся на широкие копыта, а болтался на невидимых нитях, как марионетка. Руки его свободно спадали вдоль тела, но правой он крепко сжимал меч — такой же, как у киммерийца.

Конан замер в боевой стойке, и меч его со свистом сделал оборот, в то время как ладонь оставалась неподвижной. Раз, другой. Еще. Конан понимал, что это не драка, а всего лишь знакомство, во время которого его будут оценивать, но и сам, в свою очередь, не прочь был посмотреть, на что способен его противник.

На своем веку он повидал всякого, и судьба сводила его со многими смертельно опасными бойцами, но никому и никогда он не проигрывал.

Случалось, правда, что ему не удавалось одержать верх, когда силы сторон оказывались равными или бой прерывался по не зависящим от киммерийца причинам.

Конан сделал несколько обманных движений, наблюдая за противником, но проклятый колченог покачивался на кривых ногах, словно не замечая его ложных выпадов, как фарфоровый китайский болванчик, который мог долго покачивать головой, лукаво улыбаясь.

Северянин никак не выдал своих намерений, и, когда рука его чуть сильнее сжала рукоять, меч вдруг как бы сам по себе устремился к Рогану. До сих пор киммериец не сомневался, что прием этот застанет врасплох любого. Так оно обычно и бывало, но на сей раз... Рука противника легко скользнула вверх, словно он собрался небрежным жестом смахнуть пот со лба, но движение оказалось обманчивым. Оружие в руке колченога ожило, и, когда клинок киммерийца описал двойную петлю, какой он снес уже не одну голову, меч Рогана уже находился в нужном месте и без видимых усилий отразил оба удара.

С мелодичным звоном клинок Конана дважды подпрыгнул и по широкой дуге развернулся, набирая скорость, но когда вновь обрушился на голову колченога, того уже не было на прежнем месте. Меч рассек пустой воздух, и одновременно с этим копыто Рогана ткнулось в живот киммерийца, заставив его согнуться от боли.

Едва это произошло, колченог уселся прямо на траву и принялся ждать, когда его новый ученик

придет в себя. Наконец Конан отдышался и почувствовал, что может разогнуться. Он осторожно присел на камень и посмотрел в бесстрастное лицо наставника. Этот бой он проиграл, а жив остался только потому, что никто не желал его смерти.

— Ты дрался совсем неплохо,— начал колченог, когда увидел, что варвар вполне способен выслушать его,— для человека.

— Что ты хочешь этим сказать? — Киммериец хмуро взглянул на собеседника.

— Учитель хорошо подготовил тебя. Я чувствую его руку.

— Не смей упоминать Учителя!

Конан хотел добавить еще пару крепких слов, но что-то остановило его.

— Но почему? — искренне удивился Роган.— Я знаю все, что произошло, но Учитель жив и не держит на меня зла.

При этих словах варвар смутился, что бывало с ним нечасто.

— Хорошо, говори.

— Так вот, ты действовал верно. Не стал нападать, не зная моей силы, а поскольку я тоже не нападал, попытался выяснить, что к чему. Так?

— Ну, так.

— Выяснил? — спокойно поинтересовался Роган.

— Нет,— угрюмо признался Конан.

— Тогда почему ты пошел вперед?

— Наверное, просто разозлился,— откровенно признался киммериец.

— Это хорошо,— после паузы сказал Роган, и голос его завибрировал. Конан с удивлением по-

смотрел на него, впервые поняв, что партнер его волнуется, и это почти примирило его с полученным ударом.— Ненависть, ярость, гнев — все это очень сильное оружие. Нужно только уметь ими пользоваться.

— Но Учитель говорил, что ум во время боя должен оставаться свободным,— возразил Конан.— Нельзя поддаваться гневу.

— Он верно говорил,— с готовностью согласился колченог.— Стоит только в бою поддаться гневу, потерять голову, и ты мертвец!

— Но ты сам себе противоречишь!

— Нисколько,— спокойно отозвался Роган.— Я говорил о ярости как об оружии, а любое оружие подразумевает умение пользоваться им. Об этом я тоже упоминал. Ты просто невнимательно слушал. Вспомни-ка о ванахеймских берсерках, которые приводят себя перед боем в состояние безудержной ярости! Мало кто в силах им противостоять.

— Но не ты ли только что утверждал, что это смерти подобно? — насмешливо спросил Конан.— Так чему же мне верить?

— Всему,— просто ответил колченог. Его глубоко посаженные глаза смотрели серьезно, и, быть может, только поэтому варвар не расхохотался.— Ты просто не знаешь, что большинство из них гибнет в первом же бою. Правда, унося с собой жизни многих. Лишь избранные, те, кому Роком предопределено владеть этим грозным оружием, доживают до старости, становясь прославленными воинами, но я таких давно уже не помню.

— Выходит, ты обучал и кого-то из них? — Киммериец невольно нахмурился.

— Нет,— Роган досадливо покачал головой,— но это долгая история. Во времена падения Ахерона, когда теснимые пиктами атланты отступили вглубь Хайбории, орда дикарей хлынула во все стороны и встала реальная угроза уничтожения Ванахейма. Если Киммерию надежно прикрывали от нашествия горы, то вanam не на что было надеяться. И тогда по совету колдуна Дэрлуга глава одного из кланов Эрдэрик Сильный пробрался в Нижний Мир. Этот лаз у западного подножия гор, защитивших Киммерию, до сих пор открыт. Правда, никто уже не помнит, где он расположен. Я не знаю, как много он узнал и как вообще умудрился пробраться в Пурпурный Замок. Скорее всего, это ему не удалось, но он наверняка побывал на Игрищах в качестве зрителя — в Нижнем Мире ведь живут и люди — и понял, какую силу дает ярость, если уметь управлять ею.

Он замолчал, а Конан ждал продолжения, пока не понял, что его не будет.

— И все-таки, это как-то странно...— задумчиво заметил он.

— Ничего странного нет,— возразил колченог.— Митра считает, что его слуги не должны ненавидеть врага. Только тогда они смогут судить справедливо.

— Но разве это не так?

— Конечно, так,— неожиданно согласился Роган.— Понять, враг перед тобой или ни в чем не повинный человек, можно только холодным рассудком, но если ты уверен, что это враг, возненавидь

его! Митра считает, что делать этого нельзя. Сет же — что без этого, наоборот, не обойтись.

— Ну и?..

— Ты хочешь получить готовый ответ? Я не знаю его. Но позволь я спрошу тебя... Ты прожил жизнь, многое повидал, и не поверю, что ни разу не испытывал ни ненависти, ни злости. Помогали они тебе или мешали?

Конан хотел сразу ответить, что, конечно же, мешали. Сколько раз из-за злости он совершал необдуманные поступки, за которые приходилось дорого платить! Однако Роган жестом остановил его: не торопись, подумай.

И он задумался, а чем больше думал, тем сильнее становились его сомнения. Ненависть к врагу гнала его вперед, а сколько раз, когда, обессиленный, он готов был уже умереть, ярость придавала ему сил, помогала продержаться, выстоять.

Воспоминания нахлынули на него, как штормовые волны. Постоянные бои со стигийцами, смерть Белит и его чудесное спасение, которому он обязан был ярости, что помогла ему убить тварей, уничтоживших команду «Тигрицы». Но самого-то его спасла любовь Белит, позволившая его подруге и после смерти защитить возлюбленного...

Да и позже, что бы с ним ни происходило, всегда любовь шла рука об руку с ненавистью. Кром! Да что же это?! А может, так и должно быть? Нет... Конан устало покачал головой.

Роган внимательно смотрел на него.

— Тебе что-то не понравилось? — почти участливо спросил он. — Неприятные воспоминания?

— Любовь и ненависть... — проговорил киммериец задумчиво. — Почему они всегда рядом?

Он взглянул на колченога, и тот невесело усмехнулся:

— Так ты заметил? Что я могу сказать? — Он пожал плечами. — Видно, такова уж человеческая природа... Такими создал вас Митра, и такими вы останетесь на всю жизнь. Счастлив тот, кто вовремя сумеет понять это. Остальным жрецы внушают, что ненависть ниспослана вам Сетом и недостойна человека, и, вместо того чтобы жить, эти несчастные всю жизнь тщетно борются со своей натурой. Но все напрасно: ненависть можно уничтожить, лишь уничтожив самого человека, ибо она неотъемлемая часть его натуры... Как и любовь. Так не лучше ли заставить ее служить себе?

Конан невольно поморщился.

— А вы, колченоги? Какими вас создал мудрый Сет? — насмешливо спросил он.

— Не знаю, — простодушно ответил Роган и ухмыльнулся, посмотрев на оторопевшего от неожиданности человека. — Дело в том, что Отец Тьмы не создавал нас или, вернее, создал нас не такими, какими мы стали. Не такими, как я, — пояснил он. — Когда-то давно, когда люди победили наагов, истинных творений Сета, Темный Бог создал наших предков — кентавров.

— И какими же они были?

— О-о-о! — восторженно проблеял Роган, видимо вновь разволновавшись. — Могучим племенем. Вожди их были мудры, а воины — быстры и умелы, и они были необыкновенно воинственны. Од-

нако здесь воевать оказалось не с кем, и, после того как они узнали о незваном госте — я имею в виду Эрдэрика Сильного, — небольшой отряд отправился в Светлый Мир. Это было очень тяжело, ведь кентаврам, полулошадям-полулюдям, был нужен простор, а пробираться пришлось тесными норами, пробитыми водой в чреве горы.

— Так твои предки бывали наверху?

— Верно, — кивнул Роган. — Иначе я просто не появился бы на свет, ведь все колченоги — потомки кентавров и женщин Светлого Мира. Через несколько поколений кентавры и вовсе исчезли, окончательно выродившись в колченогов, а после — в рогачей, которые ничем не отличаются от людей, кроме пары иногда едва заметных рожек.

— Но как же такое могло произойти? — спросил Конан. — Я и слыхом не слыхивал о полулюдях-полуконях, а ведь они должны были частенько появляться в нашем мире.

— Вовсе нет, — возразил Роган. — Там, наверху, слишком много света — это во-первых. А во-вторых, те, кто видел кентавров, либо принимал их за всадника и коня, либо им никто не верил.

— И все-таки, — спохватился киммериец, — какие же вы?

— Мы умеем держать чувства в узде, если тебя это интересует.

— Однако я сумел справиться с бойцами Сета.

— Ты имеешь в виду четверку воинов во главе с Черной Розой?

— Да.

— Но ты должен знать, что среди них не было ни одного воина моего племени. Господин не слишком верил в пророчества человеческого старца, жившего в незапамятные времена, но когда одно из них сбылось, не захотел рисковать, однако обострять отношения с Подателем Жизни не пожелал. Он предпочел, чтобы люди разобрались с людьми, но таких нашлось только трое, и тогда Роза сотворила еще двоих. Она была большая мастерица на такие дела.

— И все-таки я победил!

— Да, — покорно согласился Роган. — Иначе и быть не могло, ведь тебя вели Любовь и Ненависть.

Конан открыл было рот, но промолчал, подумав, что, наверное, так оно и было.

Любовь к Зенобии вела его вперед, а ненависть к убийцам друзей помогла не только выстоять, но и победить.

— Что ж, видимо, ты прав.

Роган кивнул:

— Я рад, что ты понял. И это был твой первый урок, на котором ты узнал, что бессмысленно бороться с естеством. Именно поэтому ты проиграл, ведь удар, которым я тебя свалил, не был для тебя нов — ты и сам применял его не раз. Но ты лишился привычных для тебя ощущений, тебе на глаза словно надели черную повязку. Ты разозлился и пошел вперед, а в итоге проиграл. Проиграл, потому что не сумел совладать со своей яростью, и дарованная ею сила обернулась против тебя.

— О чем ты?

— О чем? — Колченог ухмыльнулся, и его лицо с остроконечной бородкой стало похоже на лик Бела, каким его изображают в Заморе. — Давай поговорим об этом завтра. Кстати, думаю, тебе лучше пока пожить во дворце.

Конан молча кивнул, и наставник его, восприняв кивок как знак согласия, направился к дверям, а человек пошел следом. Они долго шли по коридорам, потом миновали показавшуюся бесконечной анфиладу комнат и залов. Северянин смотрел во все глаза. Все, что попадалось им на пути, по преимуществу оказывалось двух цветов: красного и черного. Иногда, правда, встречалось золото в виде статуй и барельефов, которого тоже оказалось немало, но основным цветом все-таки оставался черный. Конан, уже начавший привыкать к Нижнему Миру, подумал, что это даже хорошо: красный цвет, окажись он основным, был бы излишне резок, а золото слепило бы, подавляло.

Впрочем, вскоре он увидел еще один цвет — белый. Прекрасные беломраморные статуи богов украшали один из залов.

— Кто это? — невольно спросил он.

— Боги Светлого Мира, вернее, некоторые из богов, — ответил Роган.

Конан окинул взглядом скульптурную группу. Митра восседал на величественном троне, гордый и недоступный, а чуть позади примостилась статуя Бела, и киммерийцу показалось, что покровитель воров смотрит на него в упор, хитро улыбаясь. Рядом с ним замерла нежная Виккана. Впро-

чем, это была не отдельная статуя. Она стояла рука об руку с Секвеной — Владычицей Вод.

Северянин успел рассмотреть только четверых, а они уже покинули зал.

— Кто это? — снова спросил он у Рогана.

— Неужто не узнаешь? — ухмыльнулся тот.

— Да нет! — Конан досадливо поморщился. — Я спрашиваю: почему все они собраны в одном зале?

— Это те, кого люди называют Светлыми Богами, — уже серьезно ответил его проводник.

— Но ведь ты говорил... — начал было киммериец.

— Да, Добро и Зло относительно, хотя на самом деле все несколько сложнее. Но когда я говорю о Светлых Богах, то имею в виду не их деяния, некоторые из которых достойны стыда и порицания, а тот устоявшийся образ, что сложился в умах людей.

Конан кивнул, и они направились дальше. Наконец последняя дверь закрылась за их спинами, и оба очутились в широком коридоре, по-видимому опоясывавшем весь этаж. Узкие окна-бойницы располагались в противоположной стене через каждые пять локтей.

— Нам направо, — сказал Роган, и они направились вдоль наружной стены, но на этот раз путь оказался коротким.

Едва они свернули за угол, как очутились рядом с низкой, окованной бронзой дверью. Роган кивнул стоявшему возле нее стражнику, тот снял висевшую на поясе связку ключей, отпер дверь и открыл ее, не сводя заинтересованного взгляда с

гиганта киммерийца. Роган вынул из держателя факел и шагнул внутрь, на ступени бронзовой винтовой лестницы, ведущей наверх. Миновав два витка, они уперлись в еще одну дверь, которая бесшумно отворилась от легкого толчка.

— Почему эта дверь открыта? — поинтересовался Конан.

— А зачем ее запирать? Закрыты только пустующие комнаты, а эта приготовлена для тебя. Но, если пожелаешь, можешь пользоваться ключом.

Он кивнул на стол, где на изумрудного цвета скатерти лежал огромный, с затейливой бороздкой ключ. Киммериец повертел его в руке, пожал плечами и положил на место: какой смысл запирать дверь, которая, если что случится, все равно никого не остановит?

— Вообще-то у нас принято запирать только те помещения, которыми не пользуются, — повторил колченог.

Киммериец хмыкнул: у людей как раз все наоборот. «Мой дом — моя крепость» — расхожее правило, которое вынуждены соблюдать все.

— Здесь не слишком просторно, — продолжал тем временем Роган, — но если ты потерпишь одну ночь, завтра мы подыщем что-нибудь другое.

— Это ни к чему, — ответил Конан, окидывая взглядом комнату. — Меня все устраивает и здесь.

— Тогда отдыхай. Ужин и завтрак подадут сюда. Утром я зайду за тобой.

Он кивнул, прощаясь, и скрылся. Киммериец еще раз осмотрелся, теперь уже внимательней. Небольшой овальный стол был придвинут к сте-

не, рядом стояла пара тяжелых резных кресел из потемневшего от времени дерева. Глубокий альков уходил в стену, примыкавшую к середине дворца, и был почти целиком занят огромной кроватью. Между столом и дверью оставалось немного свободного пространства, всего в три шага. В округлой наружной стене поместились два узких и высоких окна, украшенные витражом. Сложенные из красного камня стены были голыми, но альков отгораживали два гобелена, подвязанные снизу золотыми шнурами с роскошными кистями, а еще дальше у стен стояли два бронзовых светильника.

Конан хотел было зажечь их, но масла внутри не оказалось. Он пожал плечами и развалился в кресле. Вскоре за дверью раздались легкие шаги, и в следующий миг северянин впервые смог увидеть рогача.

Едва рогачка (когда это слово невольно возникло в мозгу киммерийца, он едва не расхохотался) появилась на пороге, глаза ее расширились и заветились восторгом. Конан широко улыбнулся ей, потому что девушка была удивительно красива. Однако она тут же посерьезнела, шагнула в комнату и посторонилась. Следом появились два колченога. Один из них держал уставленный едой поднос, второй — два бочонка, в одном из которых оказалось вино. Киммериец понял это, как только первый поставил поднос и, выбив у бочонка донышко, наполнил принесенный кувшин. Ни с чем не сравнимый незнакомый аромат распространился по комнате. Первый рогач поклонился и вышел, а второй задержался, чтобы наполнить

маслом лампы и запалить фитили, после чего удалился, как и его спутник, не произнеся ни слова.

Едва за ними закрылась дверь, девушка начала накрывать на стол, а Конан принялся с интересом разглядывать ее. Прекрасно сложенная, она была очень легко одета, впрочем, как и все обитатели этого жаркого мира: на ней была набедренная повязка, изготовленная из чего-то напоминавшего шкуру леопарда, да узкая полоска такой же шкуры прикрывала соблазнительно высокую грудь.

— Как называется это вино? — задал Конан вопрос, ответ на который, по правде говоря, его нимало не интересовал.

— Это арольское вино, господин, — ответила девушка и кокетливо улыбнулась.

— Арольское? — удивленно переспросил киммериец.

За свою долгую жизнь он объездил все страны Хайбории и перепробовал все напитки, дарующие радость, начиная с кислого ванахеймского пива и заканчивая нежным напитком, приготавливаемым из побегов тростника, но никогда не слышал об арольском вине.

— Да, его изготавливают из бутонов аролы — кустарника, напоминающего розы Светлого Мира. Правда, арола красивей. Ее нежно-розовые бутоны полупрозрачны и светятся в темноте. — Она мечтательно закрыла глаза. — К сожалению, растет она только за Алой Стеной, а это опасные места.

«Вот как! — подумал Конан. — Значит, и здесь далеко не все в порядке». Он покачал головой и тут же позабыл об этом. Взглянув на приготовлен-

ный к ужину стол, Конан почувствовал, что очень голоден. Он налил себе полный кубок вина, досадуя лишь на то, что тот недостаточно велик, и осторожно отхлебнул. Божественный напиток разлился по жилам потоками пламени, которое, не обжигая, давало ласковое тепло.

— Осторожнее, господин, — предостерегла его девушка, — арольское вино не пьют помногу. Оно очень коварно.

— Посмотрим, — беспечно ответил киммериец и жадно осушил кубок.

Его словно опалило изнутри, но усталость мгновенно улетучилась, и настроение поднялось, хотя опьянения он по-прежнему не чувствовал. Девушка с улыбкой смотрела на него. И без того красивая, теперь она показалась ему просто ослепительной.

— Как зовут тебя?

— Алунна, господин, — ответила девушка.

— Интересно, зачем тебе знать ее имя? — услышал Конан знакомый низкий голос, а в следующий миг и сама Деркэто появилась там, откуда он доносился. — Ты можешь быть свободна!

Она жестом отпустила девушку. Та покорно кивнула и пошла к двери, на прощание подарив Конану игривый взгляд:

— Если господину что-то понадобится, достаточно будет позвонить в колокольчик.

— Господину ничего не понадобится! — отрезала богиня, нахмурившись. — Я сама его обслужу!

— Моя обязанность — сказать об этом.

Девушка поклонилась и вышла, прикрыв за собой дверь.

— Маленькая дрянь, — процедила сквозь зубы Деркэто.

— Ну зачем же так? — Конан едва сдержал усмешку. — Очень милая девушка.

— Я сразу поняла, что она понравилась тебе! Она еще не предлагала пощупать свои рожки?!

Глаза Конана округлились от удивления. В следующее мгновение он не выдержал и расхохотался.

— Рожки!..

Конан изнемогал от хохота. Деркэто возмущенно смотрела на него, но очень скоро и сама, не сдержавшись, рассмеялась.

— А ты думал, что головы рогачей украшают олени рога?!

— Кром! Да ничего я не думал! — ответил Конан, поемногу успокаиваясь.

— Вот и хорошо, — тут же согласилась она, — и дальше не думай.

С этими словами богиня исчезла прямо на глазах изумленного киммерийца.

Сам не зная зачем, Конан встал, осторожно подошел к тому месту, где только что стояла Деркэто, и пошарил руками — ничего. Пустота! Кром! Девчонку прогнала и сама не осталась! Ну и дела... Киммериец сокрушенно покачал головой, подошел к столу, чтобы налить себе еще вина, и тут на глаза ему попался колокольчик из алого хрустала в форме раскрывшегося цветка. Как там сказала Алуна? Если что понадобится, позвони! Правда, она не уточнила, явится ли сама, но, может, стоит попробовать? Конан осторожно тряхнул хрупкую безделушку и... ничего не услышал. Он пере-

вернул бутон черенком вниз: как и положено, внутри болтался полупрозрачный пестик, но ни единого звука не издавал.

— Уже захотелось рожки пощупать? — услышал он за спиной ехидный голос Деркэто.

— Вовсе нет! — поспешно объяснил он. — Просто вещица красивая, решил рассмотреть поближе. Впрочем, я и не помню, чтобы звонил.

— Я так и подумала, — насмешливо кивнула она. — Спокойной ночи!

И, прежде чем он успел сказать хоть что-то, снова пропала.

Конан понял, что на следующий беззвучный звонок вновь явится Деркэто, но звонить не стал. Богиня за что-то сердилась на него. Ну и пусть. Не привыкший понапрасну печалиться о несбыточном, он набросился на еду.

Насытившись, Конан повалился на постель, и тут поток непривычных мыслей вновь захлестнул его. Чего она добивается? Очутившись здесь, он несколько дней пробыл вдвоем с Деркэто и готов был поклясться, что она испытывает к нему гораздо более сильное чувство, чем простое дружеское участие. Впрочем, после того, что было когда-то между ними, это и неудивительно. Неужели всемогущая богиня хочет отыграться? Или ей не по нраву роль возлюбленной человека, который уже по людским меркам глубокий старик? Киммериец пожал плечами, словно говоря самому себе: «Женщина, она и есть женщина, даже если она богиня». Женскую логику он никогда не понимал, так стоит ли теперь стараться? Старое пра-

вило — жизнь все расставит по местам! — не подведет его и теперь.

И, успокоенный этой мыслью, он уснул.

* * *

Потянулись нескончаемые дни обучения.

Киммериец вставал спозаранок, быстро завтракал и вместе с заходившим за ним Роганом отправлялся в тренировочный зал. Он занимался не щадя сил и не следя за временем, потому что понял, сколько ему предстоит постичь, прежде чем он почувствует себя готовым к поединку с Посланцем.

Конан вспомнил первый день занятий, первый бой. Он один против четырех противников. В руках у каждого деревянный меч, которым можно пользоваться только как щитом или дубинкой. Первый же выпад показал: хоть они и вооружены палками, никто не собирается шутить.

Киммериец сосредоточился, отрешился от посторонних мыслей и в тот же миг ощутил себя в потоке Силы.

Его сознание мгновенно охватило все пространство, и он почувствовал наставника и противников, которые не успели еще сменить позицию. Он словно видел всех внутренним зрением, улавливал малейшее движение любого из них.

Вот стоявший сзади предпринял осторожную попытку приблизиться, и Конан мгновенно развернулся лицом к нему. Боец остановился, но тут же пошел вперед тот, кто нанес первый удар, и варвар занял прежнее положение. В следующий миг

все четверо разом набросились на него, но киммериец развернулся, одновременно присев, и успел нанести удар одному из нападавших. Вслед за этим последовал кувырок, северянин очутился вне круга, за спиной одного из колченогов, который тут же получил удар в спину, — и у Конана остались два противника.

— Стоп! — Роган хлопнул в ладоши и подошел к воинам. — Я доволен. Учитель мог бы тобой гордиться, теперь я это ясно вижу. Припомни, что он говорил тебе?

Конан пожал плечами:

— Сила пронизывает все сущее на земле. Каждая травинка, каждая букашка несет в себе ее крохотную частицу, и человек в том числе. Нужно почувствовать себя частью мира. Не умом понять это, а ощутить пронизывающий тебя поток, и тогда ничто из происходящего не останется незамеченным.

— Все правильно. — Роган кивнул. — Учитель сказал тебе, что на использовании этой силы основаны все виды магии и колдовства? Нет? Странно... Впрочем, сейчас это не важно. Главное, чтобы ты знал, что так оно и есть на самом деле. Но в поединке с Посланцем у тебя, скорее всего, не будет такой возможности, потому что любая магия запрещается. Ты должен достичь такого же мастерства, но только без помощи Силы.

— То есть как это?

Конан выглядел откровенно удивленным, а удивить его удавалось далеко не каждому и совсем не часто.

— Как ты будешь сражаться? — уточнил наставник. — Для этого ты должен понять, что значит биться, полагаясь только на собственное чутье, силу и умение.

— Но я и так это знаю! — Киммериец расхохотался. — Полжизни я действовал именно так!

— И все-таки давай попробуем, — предложил Роган.

Конан равнодушно пожал плечами, показывая, что согласен, хотя и не видит в этом никакого смысла. Четверо колченогов вновь окружили его, но теперь вместо оружия каждый держал по корзине.

— В тебя будут швырять мячи, — развеял его недоумение наставник. — Постарайся отразить все.

— Но ведь это же...

— Сделай это для меня.

Мячи полетели в него со всех сторон, а он закурился волчком, от некоторых уворачиваясь, некоторые отбивая. Ни один не попал в него.

— Что ж, отлично, — кивнул Роган. — Скажу честно, не ожидал, — добавил он и посмотрел на своего ученика с уважением.

Колченоги бросились подбирать мячи и складывать их в те же корзины, а наставник достал из какого-то неприметного шкафчика потускневший стальной шлем и протянул его человеку.

— Что это? — спросил киммериец, надевая шлем, оказавшийся ему как раз впору. Он оставлял открытым лицо и уши, защищая верхнюю часть головы и шею.

— Сейчас сам узнаешь.

Конан встал на прежнее место, и мячи вновь полетели в него... Он крутился как проклятый, и хотя знал, что от некоторых увернулся, а кое-какие ему удалось отбить, ему казалось, что он пропустил все!

— Кром! Да что же это такое?!

Киммериец сорвал с себя злополучный шлем и в сердцах размахнулся, намереваясь зашвырнуть его как можно дальше.

— Стой, Конан! Не нужно этого делать! — взмолился Роган, и от волнения его голос вновь задрожал.

Наверное, только это и остановило киммерийца. Он замер и медленно опустил руку, изо всех сил пытаясь успокоиться. Сердце бешено колотилось в груди, но с каждым его ударом гнев уходил прочь, красная пелена перед глазами рассеивалась.

— Как такое могло случиться? — спросил он. — Я никогда еще не чувствовал себя более беспомощным!

— Ты испытал потрясение, воин? Не правда ли?

Конан едва не вспыхнул, но, встретив спокойный взгляд устремленных на него черных глаз колченога, в которых не было и намека на насмешку, неожиданно успокоился.

— Кром! Верно! — воскликнул он и невесело усмехнулся.

— Это потому, что ты никогда прежде не сражался в таких условиях, — пояснил колченог. — Шлем полностью закрывает тебя от Силы!

— Да что ты мне рассказываешь! — опять начал злиться киммериец. — Я половину жизни даже

не слышал о Силе, но постоять за себя всегда умел.

— Ты никогда прежде не был закрыт от Силы полностью! — воскликнул Роган и, прежде чем Конан успел возразить, добавил: — Учитель научил тебя сознательно плавать в потоке Силы, улавливать ее возмущения, использовать их себе во благо. Но ведь и прежде ты использовал ее, только неосознанно. Это называется шестым чувством, и оно есть у всех.

Конан задумался: а ведь и правда, сколько раз этот внутренний сторож выручал его из беды, заставляя в темноте остановиться за шаг до пропасти, или будил ночью, почуяв грозящую ему опасность.

— Так мне что, придется драться в этом шлеме? — хмуро спросил он.

— Сет считает, что да, — ответил Роган. — Он думает, что это одна из хитроумных ловушек Высоких Богов.

— То есть? — не понял Конан.

— Мы ведь уже говорили, что любая магия — это свод правил, называемых иначе заклинаниями, которые позволяют использовать Силу, пронизывающую наш мир. А поскольку в предстоящем тебе поединке магия запрещена, то, даже не пользуясь навыками, полученными тобой от Учителя, ты невольно нарушишь это условие.

— Но ведь ты сказал, что любой человек...

— Вот именно! — воскликнул Роган. — Любой выставленный нами боец нарушит это правило, тем самым ослабив себя!

— Ловко придумано! — Конан сжал кулаки. — Заведомое, постоянно нарастающее преимущество. Вкупе с тем, что они могут прислать существо, против которого человек — ничто, исход предreshен.

— Вот именно!

... И начались занятия.

Конану предстояло развить три качества: расширить поле зрения, а также напряженно тренировать силу и ловкость. В какой-то степени они перестраховывались: противник будет один, а значит, если варвар его увидит, то неожиданного нападения сзади можно уже не опасаться. Другое дело, если враг останется невидимым. Внутренний голос уже не предупредит его, и вот тут-то понадобится особая ловкость.

Хорошо хоть, что задачи у них разные. Он должен убить Посланца, в то время как тому необходимо разрушить Алтарь. Это значит, что за киммерийцем нарочно охотиться не будут, и он сам сможет выбрать наиболее удобное место и время для поединка, а там уж все будет зависеть только от него.

И Конан работал без усталости.

Он сражался с одним, двумя, тремя противниками одновременно, развивая гибкость и координацию. Он ворочал тяжести, чувствуя, как наливается новой силой его и без того могучее тело. Но сущим мучением для него оставалось любимое занятие Рогана с мячами.

Сперва один из колченогов встал в паре десятков шагов от него и принялся закидывать кимме-

рийца мячами. Если противник Конана уставал, его тут же сменял другой. Почти все мячи варвар научился отражать еще в первый день, и наза́втра колченог передвинулся на шаг ближе. Казалось бы, пустяк, но северянин сразу же пропустил с десяток мячей. Так продолжалось до тех пор, пока они не сблизились почти вплотную.

Тогда метателей стало двое. Все началось сначала, и Конану пришлось значительно труднее. Зато когда и эти двое приблизились вплотную, а киммериец стал ждать появления третьего, этого не произошло. Колченоги удалились на прежнее расстояние, но теперь встали в десятке шагов друг от друга, и варвару пришлось крутить головой, чтобы не прозевать бросок. Понемногу он приспособился смотреть между ними, не теряя из виду ни одного из них. Но как только он перестал пропускать мячи, расстояние между колченогами еще увеличилось, и все началось сначала...

...Деркэто часто навещала Конана, но ее визиты скорее дразнили, чем доставляли удовольствие. Иногда она приближала к себе помолодевшего варвара, и тогда ему казалось, что они по-настоящему понимают друг друга, что еще немного, и это понимание перерастет в нечто большее. Но на следующий день она становилась холодна и насмешлива. Он злился на себя, еще больше на нее, вообще на все вокруг, а достигнутое накануне понимание уже казалось ему не более чем шуткой жестокой богини. К тому же она тщательно следила за Алунной. Это Конан понял по тому, что едва лишь в их разговоре начинали звучать игри-

вые нотки, как тут же появлялась сама богиня и отсылала девушку прочь.

В конце концов все это начало забавлять киммерийца, и он иногда с трудом сдерживал ухмылку. Правда, он не отказался бы от более спокойной жизни: он слишком уставал на занятиях, и сил на обмен колкостями у него зачастую просто не было. Одно лишь радовало: чем бы ни была вызвана резкая смена настроений богини, Деркэто явно не была к нему равнодушна.

Говоря проще, день шел за днем, и, несмотря на внешнее однообразие, каждый из них приносил Конану что-то новое. Он ни с кем, кроме богини, наставника и четверых безмолвных колченогов, не общался, но скуки не испытывал. Днем он доводил себя до изнеможения занятиями у наставника, возвращался в свою комнату, наспех ужинал и проваливался в сон без сновидений, удовлетворенный тем, что усилия его не пропадают впустую.

Он и в самом деле чувствовал, как переходит на новую ступень мастерства. Теперь он научился проделывать все, что, правда, умел и раньше, но не используя навыков, полученных от Учителя. Если такова была цель его занятий, то он достиг ее.

* * *

В один из дней Конан проснулся от ласкового прикосновения. Он блаженно потянулся и хотел было обнять Деркэто, но богиня ловко вывернулась из его объятий. Киммериец открыл глаза.

— Кром! Никак не могу привыкнуть к твоим манерам,— сказал он, улынувшись.

— Кром? — Она удивленно склонила голову. — При чем здесь Кром? — И выразительно посмотрела на киммерийца. — Деркэто! Или ты не узнал меня? — спросила она и на глазах принялась меняться.

Ее золотистая кожа стала более смуглой, а фигура сделалась миниатюрней, огненно-рыжие волосы потускнели и мягкой золотистой волной упали на плечи. И только в зеленых глазах светился все тот же задор.

— Теперь вспомнил? — насмешливо спросила она.

— Ты пришла, чтобы посмеяться надо мной?

Она и впрямь звонко рассмеялась, и Конану захотелось сжать ее в объятиях, впиться поцелуем в алые губы и одновременно отшлепать, как непослушного ребенка.

— Зачем ты пришла? — вновь спросил он, и богиня мгновенно посерьезнела.

— Сет ждет нас,— торжественно ответила она.

Киммериец ничего не сказал, но взгляд его оказался красноречивей слов.

— Ты прав,— кивнула Деркэто,— время пришло.

Конан встал:

— Я готов.

— Да. Роган говорит то же самое, но еще не время.

— Что же тогда?

— Сет хочет видеть нас,— напомнила она.

— Так идем же! — вскричал киммериец. Он уже просто не мог ждать.

— Я понимаю твое нетерпение, но нельзя топить события.

Она взяла со стола колокольчик и встряхнула его. Мелодичный звон наполнил комнату. Дверь тотчас отворилась, и все те же двое колченогов в сопровождении Алуны внесли поднос с завтраком.

— Слушай,— Конан восхищенно посмотрел на Деркэто,— как это тебе удалось? Я сколько раз пробовал!

— Смотреть надо было! — насмешливо ответила она, и Конан нахмурился.

Он ел молча, аппетит не изменял ему, но пил мало. Его не покидали мысли о предстоящем. Деркэто тоже молчала, и киммериец решил, что настал день решающей битвы и она просто не знает, как подбодрить его.

— Еще не время,— напомнила богиня, словно угадав его мысли.— Великий Змей хочет что-то показать тебе. Я не знаю что,— ответила она на вопросительный взгляд северянина,— но он, видимо, считает это важным.

Конан бросил обглоданную кость и запил жаркое парой хороших глотков из кубка.

— Я готов.

— Тогда отправимся.

Они спустились по винтовой лестнице, на которой Конан успел уже изучить каждую ступеньку, свернули за угол, пересекли анфиладу залов, но на этот раз не до конца. В одном из них боги-

ня свернула. Стражник почтительно открыл невысокую дверь, и они очутились в небольшой темной комнатке. Находившуюся в боковой стене дверь киммерийцу пришлось уже открывать самому.

Они вновь попали на лестницу, спиралью уходящую вверх, только на этот раз она оказалась не из металла. Ступени ее были сложены из черного гранита, который в сочетании с алыми стенами придавал этому необычному пути мрачный, если не зловещий, вид.

Золотое свечение, распространяемое факелами, только подчеркивало это.

Лестница плавно уводила их влево, и Конан понял, что они внутри одной из башен цитадели. Подъем длился бесконечно долго, и когда киммериец подумал, что он никогда не кончится, Деркэто, шедшая впереди, остановилась перед затворенной дверью.

Варвар поравнялся с богиней, толкнул тяжелые дубовые створки, пропустил спутницу вперед и вошел сам.

Сет обернулся на звук шагов.

— Ну наконец-то! — воскликнул он.

Несмотря на жару, Отец Тьмы был одет в темно-коричневый бархатный камзол и невысокие сапоги мягкой кожи того же цвета, в то время как Конан предпочитал просторные шелковые шалвары, низкие сапожки и белую вышитую рубашу, а Деркэто... Ее ослепительную наготу едва прикрывала короткая прозрачная накидка.

— Так-то ты встречаешь гостей, — укоризненно молвила богиня.

— Прости, прекраснейшая. — Сет невольно замер и окинул гостью восхищенным взглядом. — Мне не хотелось бы, чтоб ты расценила мои слова как грубую лесть, но, с тех пор как ты стала моей гостьей, я стараюсь как можно реже смотреть на тебя: твоя красота ослепляет.

Деркэто рассмеялась и мгновенно стала другой. Она почти не изменилась внешне, и наряд остался прежним, но вокруг нее как будто сгустился воздух, прикрыв богиню таинственной завесой.

Мужчины восхищенно переглянулись, а она, видя, что изумление их грозит затянуться, заговорила сама:

— Ну? Быть может, ты наконец скажешь, зачем позвал?

Сет кивнул:

— Я хотел показать кое-что интересное для всех.

— И что же это?

— Мне кажется, лучше все-таки посмотреть.

Он вопросительно взглянул на гостей, но богиня только капризно повела плечиком, а Конан кивнул:

— Прекрасно!

Сет воздел руки к небу и нараспев произнес несколько слов на незнакомом киммерийцу языке. И тотчас красные камни стен подернулись алым пламенем, словно нестерпимый жар принялся вылизывать башню снаружи и несокрушимый гранит плавился, спекая блоки в единую массу, которая заколыхалась, а затем медленно потекла против хода солнца.

Окружающий мир поплыл, закружился, и в какой-то миг Конан поймал себя на странном ощущении: как будто пол, на котором он только что стоял, исчез и сам он повис в воздухе без всякой опоры.

Невольно он посмотрел под ноги, но тут же вновь почувствовал, что ступни его касаются твердой поверхности.

Круживший вокруг них огненный вихрь постепенно отдалялся и одновременно становился как бы прозрачнее, но что скрывалось за стеной огня, по-прежнему не было видно. Просто стена стала неоднородной, в одних местах полыхая рыжими языками пламени, а в других едва рдея присыпанными пеплом углями.

Время от времени мимо пронеслись черные сгустки, а потом стена отодвинулась настолько, что даже киммериец с его орлиным зрением уже не мог различить мелочей.

Конан снова посмотрел под ноги. Он стоял на сером, поросшем чахлым лишайником граните. Рядом возникли Сет и Деркэто.

— Где мы?

— Это неважно, — последовал странный ответ. — Отсюда мы сможем увидеть прибытие Посланца.

— Это должно произойти сегодня?

— Это должно произойти сейчас! Посмотри, — сказал Сет и взмахнул рукой, словно приглашая своих спутников полюбоваться прекрасной картиной звездного неба. — Единорог уперся острием рога в правую чашу Весов, указывая на нарушенное равновесие. Сегодня чаша опустилась ниже

дозволенного уровня, а это значит, что равновесие — Великое Равновесие, как называют его слуги Митры, — должно быть восстановлено. Высокие Боги, собрав все свои силы, на краткий миг сумеют создать проход в созданном мною щите, но этого мига хватит на то, чтобы Посланец прибыл сюда. Единственное, что я сумел сделать, — он объявится в заранее известном нам месте, а не там, где ему самому хотелось бы. Только это позволило нам хоть как-то подготовиться.

— Но где же твой щит? — удивленно спросил Конан. — Я ничего не вижу.

— А ты посмотри внимательней! — Сет с гордостью повел рукой, словно открывая перед человеком некий созданный им мир, но Конан по-прежнему ничего не видел, кроме непроглядной тьмы. — Призови Силу, вспомни, что все сущее на земле щедро напитано ею. Постарайся не только почувствовать, но и увидеть ее незримые потоки! Приглядишься к ним, и ты заметишь не только мощные фонтаны, бьющие из невидимых источников, но и мельчайшие оттенки и полутона рассеянной по миру Силы.

Повелитель Ночи говорил так убежденно, что Конан невольно сосредоточился, пытаясь узреть незримое, старательно внушая себе, что увидит, не может не увидеть... И понемногу картина мира начала меняться.

Сперва возникло неясное, тонущее во тьме видение. Нечеткие образы, которые больше походили на бесформенные сгустки тьмы, чередой проплывавшие мимо, постепенно начали останавли-

ваться, и Конан понял, что это мертвые участки окружающего мира.

Тем временем светлые области наливались мертвенной синевой, становясь все более отчетливыми. Вскоре помимо общих очертаний они начали приобретать глубину и объем, а синева разделилась на составляющие от нежно-голубого до темно-фиолетового.

Это уже был настоящий мир, странный, призрачный, но в то же время живой.

— Мы на юге Стигии, если только это что-то тебе говорит, — пояснил Сет.

Конан взгляделся внимательнее. По звездам он давно понял, что они где-то на юге, но в странной синеве не мог распознать места, где находится, и только теперь понял почему: Луны на небе не было.

— Лунное затмение — одно из неизменных условий. Посланец может явиться только во время него.

Теперь, после подсказки Сета, варвар узнал это гористое место на самом юге Стигии. Он уже вполне освоился и теперь видел странный багрянец, затянувший небо зловещей пеленой, которая походила на зарево далекого пожара. Темные облака плыли по небу, отбрасывая на синюю землю черные тени.

Мир обретал мрачное величие, и киммериец уже и сам не мог понять, как он мог не видеть всего этого.

Невесомое пламя, укутавшее мир, вытянулось в странные полосы, и Конан заметил еще одну

недоступную ему прежде подробность: далекое стало близким, но и находившееся рядом осталось на месте. Однако он почему-то знал, что одни предметы находятся в невообразимой дали, в то время как другие действительно расположены рядом.

Он увидел, как из самой большой пирамиды вырвался и ударил в небо багровый столб пламени, словно то была не гробница одного из древних стигийских царей, а проснувшийся после вековой спячки вулкан. И в тот же миг он услышал гул, исходивший из мертвенно-голубой равнины, словно огромный кузнечный горн загудел в самом сердце этого мира.

— Так вот она — сила Митры! — прошептал Конан.

— Митры! — Сет криво усмехнулся. — Это сила нашего мира, Конан! Митра здесь ни при чем. Он пользуется этой силой точно так же, как и все остальные. Мне же посчастливилось придумать способ, с помощью которого мы могли защищаться до сих пор. Теперь все зависит от тебя. Если ты выступишь, мы надолго сможем позабыть о тревогах.

— Надолго ли?

— Шестьдесят веков — срок немалый!

— Шестьдесят веков...

Конан посмотрел на огненную воронку, которая сорвалась с вершины пирамиды и начала разворачиваться, словно бутон лилии, обнимая, обволакивая своими лепестками весь мир.

— Вот он! Смотри!

Над самой серединой воронки Конан увидел огненную вспышку. В следующий миг красно-коричневая полоса прочертила небо, резко устремилась вниз, и видение исчезло.

Глава третья

онан некоторое время оторопело молчал. Великие Боги! Неужели эта едва заметная черточка, расплывшаяся грязно-бурым облаком, способна уничтожить его мир? Мир, в котором живут его дети, который принадлежит им просто потому, что это их мир! По какому праву кто-то собирается отнять его?!

Он резко обернулся к Сету:

— Я остановлю его или погибну!

— Умирать не нужно,— спокойно возразил Сет.— Помни: твоя смерть будет равносильна поражению, если только ты не прихватишь вместе с собой и его.

— Пусть так,— согласился Конан,— но эта тварь не пройдет.

— Надеюсь, все кончится не так печально.

— Мне бы тоже хотелось еще пожить! — усмехнулся киммериец.— Тем более теперь.— Он посерьезнел.— Посланец уже начал свой путь?

— Нет еще,— ответил Сет после паузы, во время которой словно бы прислушался к чему-то.—

Ты должен понимать, что к нам он прибыл не в телесной оболочке и нужно время, чтобы она образовалась. Только после этого он выйдет из саркофага и начнет свой путь. Впрочем, мы ведь уже говорили об этом.

— Как жаль, что нельзя напасть на него прямо сейчас... — задумчиво проговорила Деркэто.

— Да, но не стоит печалиться. Тем более что сделать это было бы совсем непросто. — Владыка Ночи покачал головой. — Он сейчас слишком хорошо защищен, но по мере телесного воплощения защита его будет слабеть и окончательно исчезнет только после того, как полностью сформируется тело. Тогда Конан сможет сразиться с ним.

— И долго ждать?

— Не знаю. — Сет беспомощно развел руками. — Но для того чтобы нас не застигли врасплох, я и придумал первые две ловушки с приманками. Если хотя бы одна из них сработает, тебе уже нечего будет делать, а если нет, ты заранее узнаешь, что он на воле и пора готовиться.

— Я слышала, под пирамидой устроен хитроумный лабиринт. — Деркэто вопросительно взглянула на Сета. — Это правда?

— Да, — кивнул Великий Змей, — Меняющийся Лабиринт. — Он на мгновение умолк. — Если бы в его переходах можно было похоронить эту тварь...

— Почему не попытаться заманить его туда? — вновь спросила богиня.

— Потому что это не ловушка! — Сет досадливо махнул рукой. — Из каждого лабиринта можно найти выход — это лишь вопрос времени. Он только

задержит нашего гостя на какой-то срок, но и только. Рано или поздно Посланец выберется из него.

Повелитель Ночи замолчал, и Конан понял, что настало время возвращаться. Он в последний раз окинул взглядом ночное небо: узенький краешек луны показался на черном бархате среди бриллиантовой россыпи звезд. Тонкой полоской просвечивал он сквозь багровый щит, который прикрывал раскинувшийся внизу странный сине-фиолетовый мир.

* * *

Потянулись напряженные часы ожидания. Зная о том, что в любое мгновение саркофаг может открыться, Конан не находил себе места. Ему казалось, сразись он сейчас с Посланцем, то разбил бы его в пух и прах, что бы там ни приготовили пославшие его, какими бы качествами ни наделили. Но вместо этого вынужден был ждать, не в силах ничего изменить.

— Конан, ты слышишь меня? — раздался вдруг тихий шепот, когда варвар в сотый, а может быть, и в тысячный раз за это утро подошел к окну.

Он остановился как вкопанный и сосредоточился, пытаясь понять, услышал он этот голос на самом деле или ему только показалось.

— Неужели ты не слышишь меня? — повторил голос.

— Деркэто? — Он удивленно осмотрелся, пытаясь отыскать ее. — Но где ты? Я тебя не вижу!

— Не мудрено, меня ведь и нет рядом. — Она рассмеялась нарочито беззаботно.

— Чего ты хочешь? — спросил Конан, мысленно отругав себя за дурацкий вопрос.

— Я хочу помочь тебе успокоиться. Иди ко мне.

— Но как же я это сделаю, если даже не знаю, где ты?

— Очень просто. Надо лишь захотеть оказаться рядом!

Киммериец улыбнулся и закрыл глаза: ему казалось, что так будет проще сосредоточиться. Однако он напрасно беспокоился. Едва только он подумал о Деркэто, как облик прекрасной богини появился перед его мысленным взором, и в следующий миг снова прозвучал ее низкий голос:

— Ты еще не забыл, как я выгляжу.

Конан открыл глаза. Богиня стояла рядом и насмешливо смотрела на него. Он шагнул к ней и только тогда огляделся. Они стояли на берегу мелкой, широкой речушки, с тихим журчанием бежавшей по обломкам пунцового гранита, который усеивал ослепительно желтый песок. Речушка брала начало от водопада, низвергавшего хрустальные струи с черной скалы. Гроздь разноцветных кристаллов росла по берегам.

— Узнаешь это место? — Деркэто сделала всего шаг ему навстречу, но неожиданно оказалась совсем рядом, лицом к лицу. — Когда мы пролетали над ним, я подумала, что тебе здесь должно понравиться.

— Ты не ошиблась! — воскликнул Конан, пытаясь обнять ее, но она увернулась от его объятий.

— Какой быстрый! — поддразнила его богиня. — Думаешь, со мной можно обращаться, как со смертной? Сколько их у тебя было?

— Не знаю. — Конан усмехнулся. — Наверное, если собрать их вместе, получится небольшая толпа. Деркэто закусила губу:

— И насколько небольшая?

Северянин пожал плечами.

— Здесь, — киммериец обвел взглядом небольшую отмель, на которой они стояли, — все бы не поместились.

— Развратник! — возмущенно фыркнула богиня и отвернулась.

Воспользовавшись этим, Конан мгновенно оказался рядом, и на этот раз его руки обвили вокруг ее стана. Она невольно замерла и закрыла глаза, чувствуя, как против воли учащенно забилося сердце.

— Не суди меня за тех, кого любил, — тихо сказал он, — а остальные ничего не значили.

...Вода все так же журчала, перепрыгивая через камни, а они, обессиленные ласками, лежали на песке, не в состоянии ни говорить, ни даже шевелиться. Конан смотрел на багровое, изрытое глубокими трещинами небо Нижнего Мира и думал о том, что сделает все ради того, чтобы защитить ее. Он не знал, правда это или нет, но в этот миг не сомневался, что через всю жизнь пронес любовь к Деркэто, что даже тогда, когда искренне верил, что любит другую, на самом деле продолжал любить лишь ее...

Как ни странно, но эта мысль неприятно поразила Конана. Киммерийцу чужда была сенти-

ментальность, однако, хоть ему нередко случалось влюбляться, чувства его, порой мимолетные, всегда были искренними. Нет! В каждой близкой ему женщине он видел именно ее, а вовсе не Богиню Страсти.

Он невольно повернул голову, посмотрел на Деркэто и тут же забыл всех своих прежних возлюбленных. Она лежала рядом, прикрыв глаза, и думала совсем о другом. Она тоже помнила то время, когда он ушел, сказав, что ей не удастся удержать его, потому что он сильнее. Она помнила жгучий стыд, который нашептывал ей планы сладостной мести. Планы, которым так и не суждено было сбыться, потому что прекрасная богиня всей душой любила смертного...

Она прошла все муки самоуничтожения, когда помогала отвергнутой Мелии вернуть Конана... Ее Конана! Зачем? Тогда она и сама не могла толком ответить на этот вопрос. Лишь позднее, когда киммериец попросил ее спасти Зенобию и она помогла ему, богиня поняла, что ею двигали надежда, вера и любовь. Любовь к Конану, надежда на то, что он не забыл ее, вера в то, что не все еще потеряно.

И теперь она была рада, что ни разу не поддалась соблазну отвратить Конана от соперниц, заставив вспомнить о себе, или уничтожить их, лишив киммерийца настоящей любви, оставив ему лишь ласки продажных девок! Какими глазами теперь она смотрела бы на него?

Деркэто перевернулась со спины на живот, и руки ее легли Конану на плечи. Взгляд бездонных, черных глаз растворился в небесной синеве глаз

киммерийца, и некоторое время оба не отрываясь смотрели друг на друга, пока не поняли, что чувствуют одно и то же.

— Я теперь не смогу без тебя,— прошептали ее губы, только что дарившие поцелуи.— Будь проклят и благословен тот день, когда мы повстречались!

— Но почему?!

— Боги не должны любить смертных. Всякий раз, когда такое случается, это приносит только горе и страдания. Вспомни хотя бы, что принесла любовь Сета красавице Розе.

— Она сама виновата,— ответил Конан и равнодушно пожал плечами.

— Быть может, и так,— согласилась богиня,— но беда в том, что человек осознает свои ошибки только тогда, когда исправить ничего уже нельзя...

— Не бойся.— Конан обнял ее и бережно поправил упавшие на лицо волосы.— Я чувствую, что все будет хорошо.

Она закрыла глаза, не в силах больше выносить его взгляд, и горестно вздохнула:

— Если бы все наши надежды сбывались... Но, увы, люди часто строят величественные планы, а получается...

— Нет,— Конан коснулся ладонью ее щеки, и она прижалась к ней, словно маленькая напуганная девочка к сильной руке отца,— это иное. Я не бог, и мне не ведомо многое из того, что знаешь ты, но я уверен: если и есть на свете пресловутое равновесие, то называется оно справедливостью. И если Рок приглядывает за ее исполнением, он не

должен допустить гибели нашего мира только потому, что Высоким Богам вздумалось капризничать.

Она ничего не ответила, только огромные глаза блеснули, и на длинных ресницах повисли тяжелые, как хрусталь, капли.

* * *

Вечером того же дня Деркэто и Конан встретились с Сетом. И на этот раз встреча проходила в зале, где киммериец до сих пор не бывал. Как и все помещения цитадели, он оказался огромен. Многогранные кроваво-красные колонны вздымались к сводчатому потолку, черные стены тонули во мраке, едва угадываясь в тусклом свете немногочисленных масляных светильников.

У дальней стены, завешанной тяжелыми мрачными гобеленами, стояла необычная скульптурная группа. Четыре рогатых змея, опираясь на тяжелые хвосты, грозно глядели на нечто не видимое Конану, что, судя по всему, должно было находиться в середине овального пространства, окруженного их телами. Голова синего взидала сверху на своих собратьев, нет, скорее, на красного, находившегося напротив, в самом низу. С той же стороны, выше его, но ниже синего, покоилась голова зеленого змея, а чуть ниже него, напротив — голова черного. Их мощные, сплюснутые с боков тела покрывала несокрушимая чешуйчатая броня. Глаза каждого светились желтым пламенем, и только взгляд черного оставался непроницаемым — от его глаз тянуло холодом Вечной Ночи.

— Посланец пробудился, — нарушил тишину молчавший до сих пор Сет. — Он еще не вышел из саркофага, но может сделать это в любое мгновение. Я подумал, что ты не захочешь пропустить миг его рождения.

Конан молча кивнул, вглядываясь в пустое пространство между неподвижно застывшими телами, в котором видна была лишь каменная кладка. Он стоял впереди своих спутников и поэтому не видел, как Сет небрежно взмахнул правой рукой.

Черный змей вздохнул, как показалось Конану, с облегчением. Зубастая пасть приоткрылась, извергнув облако тьмы. Непроницаемое для взгляда, оно полностью скрыло стену, и в этот миг ожили три других змея, извергнув ослепительные струи пламени, голубую, изумрудную и алую, которые устремились к середине затянутого тьмой пространства и там столкнулись, вспенившись разноцветными бурунами. Гребни их закружились, постепенно обращаясь в переливающееся облако, неспешно вытеснившее тьму.

Вскоре все успокоилось. Теперь окруженный змеиными телами овал стал похожим на мерцающую, искрящуюся дымку, словно все звезды ночного неба собрались здесь.

— Что это? — спросил Конан, который начал уже терять терпение.

— В Нижнем Мире все пропитано магией, — отозвался Сет. — К тому же я стараюсь подобраться к саркофагу осторожно, чтобы не потревожить Посланца и тем самым не нарушить правила.

Киммериец кивнул и вновь обернулся к скульптуре. Искры начали постепенно гаснуть, словно сотканная из звезд вуаль истончалась, становясь прозрачной. Вскоре сквозь нее стал виден знакомый северянину зал, в котором он побывал совсем недавно. На огромной прямоугольной глыбе белого мрамора все так же неподвижно покоился черный саркофаг, который формой напоминал лежавшего со скрещенными на груди руками человека.

Ничто здесь внешне не изменилось, но теперь от саркофага исходили столь мощные волны Зла, что даже не обладавший магической чувствительностью Конан ощущал его.

— Мне страшно, Конан!

Деркэто прижалась к нему, ища защиты. К нему, к человеку, а вовсе не к всесильному Сету! Повелитель Ночи тоже заметил это, но не обиделся и не удивился: для любящей женщины нет никого сильнее возлюбленного.

— Успокойся, милая! — Киммериец обнял ее за плечи. — Запугать противника до боя — почти половина победы!

— Очень хотелось бы верить, что ты прав, — шепотом отозвалась она, еще теснее прижимаясь к своему избраннику. — И все-таки там кроется нечто ужасное.

— Успокойся, ничего особенного там нет. У тебя просто разыгралось воображение... — начал было успокаивать ее Конан, но через мгновение осекся и невольно замер, впившись взглядом в зловещий саркофаг.

— Что с тобой?!

Деркэто, тут же позабыв про собственные страхи, обернулась к киммерийцу, настороженно лоя его взгляд, словно всерьез надеялась найти в нем ответы на все свои вопросы.

— Тихо!

Северянин приложил палец к губам и прислушался. Деркэто замерла, а Сет недовольно нахмурился, но все трое одновременно услышали низкий гул, явно идущий со стороны овального прохода.

— Что это? — Богиня испуганно посмотрела на Конана.

— Не знаю...

Киммериец мрачно покачал головой и взглянул на Сета, но тот лишь пожал плечами. У него тоже не было ответа.

— Это саркофаг, — прошептал вдруг Конан, а Сет, мгновенно поняв, что он прав, взмахнул рукой, и видение погасло.

Как бы повинувшись этому жесту, грозный рокот превратился в страшный рев, и последним, что Конан успел заметить перед тем, как видение окончательно исчезло, был разлетающийся на тысячи осколков саркофаг.

Богиня обернулась к Сету.

— Что это было? — повторила она свой вопрос.

— Сейчас мы все увидим.

Он шелкнул пальцами, и затянувшая овал серая пелена начала понемногу рассеиваться, а сквозь нее снова проступил зал. Серая, как высохшая грязь, пыль, в которую превратился камень саркофага, понемногу оседала, и вскоре на испещренной

мелкой вязью мраморной глыбе начала угадываться некая темная масса. Пока еще она не имела определенных очертаний, но время шло, и вскоре стало видно, что это отдаленно похожее на чело-века существо.

— Какой он огромный! — ужаснулась Деркэто.

— Ты же говорил, что он вряд ли окажется крупнее меня! — невольно вырвалось у киммерийца.

— Я и сам был уверен в этом! Ты же видел саркофаг! — мрачно огрызнулся Сет.

Повелитель Ночи был хмур. Хотя ему и не предстояло сражаться, богу явно не нравилось то, что происходит. Некоторое время Сет и Конан смотрели друг на друга, пока сдавленный вздох Деркэто не заставил обоих разом обернуться.

Пыль уже осела, и теперь существо можно было рассмотреть. Посланец и впрямь оказался огромным. Конан прикинул, что, остановись он рядом, макушка его едва ли достала бы до подбородка зверя, ибо человеком назвать это чудовище язык не поворачивался.

И он был ни на что не похож! Больше всего тело Посланца напоминало куклу из непропеченного теста. Казалось, кто-то вылепил этого монстра, и он, уже попав в саркофаг, начал раздуваться, все увеличиваясь, пока саркофаг не выдержал и не разлетелся в пыль.

— Я говорил, что Высокие попытаются получить преимущество любым доступным способом, — вздохнул Сет, — но такой мне просто в голову не пришел.

Конан хмуро молчал. Какая разница? Что случилось, то случилось. Ничего здесь не изменишь,

а значит, надо не вздыхать, а думать, что теперь делать. Киммериец снова посмотрел на стоявшего в середине зала уродца.

Его тело как бы состояло из бугристой вспененной массы, но выглядело невероятно массивным, и северянин понял, что тварь необыкновенно сильна. Впрочем, в этом-то он не сомневался с самого начала. Гораздо больше тревожило его другое. Сет верно сказал, что вряд ли Посланец прихватит с собой оружие, но теперь киммериец видел, что, хотя Повелитель Ночи и оказался прав, это не имело ни малейшего значения.

Его невероятно длинные руки имели всего по два пальца, зато каждый из них заканчивался мощным изогнутым когтем, из-за чего кисти больше походили на клешни гигантского краба, способные без особых усилий перерезать человека пополам.

Спину, шею и голову надежно прикрывал толстый панцирь, усеянный короткими, но острыми шипами, исключавшими саму мысль о нападении сзади. Уродливая башка чудовища без всяких признаков ушных раковин была сильно вытянута вперед, напоминая обезьянью морду, с той лишь разницей, что расшвирупевший харанг-утхан мог считать себя писанным красавцем по сравнению с Посланцем Высоких Богов!

На верхней челюсти поблескивали великолепные крепкие зубы, нижняя сильно выступала вперед, и два мощных клыка кинжалами торчали вертикально вверх. И, наконец, у чудовища был только один глаз. Впрочем, второму просто негде было бы поместиться на узкой морде.

Конан не успел еще толком рассмотреть противника, как монстр присел на выгнутых назад лапах, оглушительно взревел и, развернувшись, унесся прочь из зала. Он бежал быстро, перемещая свое грузное тело странными, похожими на прыжки шагами, и киммериец подумал, что остановить его и в самом деле будет совсем не просто... Если вообще возможно.

Сет небрежно щелкнул пальцами, и отвратительное видение пропало.

— Что скажешь? — спросил он, повернувшись к северянину, разглядывая его словно окаменевшее лицо, но ни тени волнения не смог прочесть на нем.

— Не нравится мне это, — нехотя признался тот.

— Что здесь может нравиться? — согласился Сет.

— Я не об этом.

— Тогда о чем?

Лицо Великого Змея выражало искреннее удивление, и Конан счел необходимым пояснить.

— Этот Посланец слишком живо напомнил мне одного монстра, с которым пришлось иметь дело, когда... — Киммериец немного помялся. — Когда я был так же молод, как и сейчас.

Сказав это, Конан внимательно посмотрел на Владыку Ночи, однако Сет не уступал северянину в выдержке, и лицо его так же осталось непроницаемым.

— Ты ждешь, что я тебе отвечу? — Конан промолчал, и Сет пожал плечами. — Наверное, глупо было бы убеждать тебя, что смерть сына, кем бы ни считал его весь мир, может принести радость.

Да и вряд ли найдется кто-нибудь, чье чувство справедливости столь сильно. — Владыка Ночи долго задумался. — Но он не был любимым сыном, — наконец вновь заговорил Великий Змей, — несмотря на то что его мать я любил. Ему с детства нравилось причинять боль. — Сет говорил, откровенно глядя куда-то в сторону, и ни Конан, ни Деркэто ни словом, ни жестом не прерывали его. — Потом он подрос, и ему понравилось убивать, — с горечью произнес он. — Особенно когда он понял, что каждая отнятая у другого существа жизнь добавляет ему сил.

— И ты не попытался воспрепятствовать этому?!

— Это может показаться странным, но я ничего не мог сделать! — воскликнул он. — Моего сына мне даже не показывали! Когда же я говорил Розе, что все это не доведет до добра, она только смеялась, отвечая, что не собирается творить добро. Я твердил ей, что Сила и Мудрость достигаются с помощью упорства и терпения, а она вновь смеялась и говорила, что упорства у моего наследника хоть отбавляй, а что касается терпения, так, если моему сыну предначертано Роком затмить могуществом Высоких Богов, не слишком ли медленно он наращивает свою мощь?!

— И ты...

— И я оставил все как есть, — поморщился Сет. — Она тогда была очень сильна в своем Черном Замке, не отступи я, мне пришлось бы уничтожить любимую женщину и нашего сына, а на это у меня просто не хватило духа. Я чувствовал, что совершаю ошибку, но не знал, как избежать ее. Лишь одно

успокаивало меня: я понимал, что это безумство не может продолжаться слишком долго. Так оно и случилось.— Он провел ладонью по лицу, словно стирая боль, вызванную воспоминаниями.— Впрочем,— произнес он уже прежним голосом,— не об этом сейчас речь. Так кого тебе напомнил наш гость?

— Тварь, созданную Незримым, чтобы расправиться со мной. Правда, та была пониже ростом, и пальцы другие. Однако во всем остальном Посланец словно вылеплен по ее образу и подобию.

— Ты хочешь сказать...

— Да.— Конан кивнул.— Кто-то видел ту тварь и, не знаю уж как, рассказал о ней тем, кто прислал сюда этого уродца.— Киммериец нахмурился.— Не понимаю только, почему именно ее? У меня ведь были противники и посерьезнее. Правда...— Тут северянин ненадолго задумался.— Все они были намного крупнее, а значит, и сильнее меня, а та тварь хоть и оказалась мелкой, но доставила мне немало хлопот. Но я помню и эти клешни...— Он озадаченно посмотрел на Деркэто.

— Ты хочешь сказать...— начала было богиня.

— Да...— Варвар тряхнул смоляной гривой.— Как будто кто-то видел все или почти все мои поединки с монстрами и, взяв того, самого мелкого, за основу, наделил его качествами остальных. Если так, то должен сказать, что с воображением у его создателей плохо.

— Какая разница? — прошептала Деркэто.— Ему ведь нужно убить тебя! Впрочем, даже это ему не нужно. Его вполне устроит, если ты не сможешь причинить ему вреда, а для этого достаточ-

но, чтобы ты повстречался с противостоявшими тебе прежде кошмарами, собранными теперь воедино в теле Посланца. Ты сам сказал, что если удастся запугать противника, то большая часть дела сделана!

— Не знаю,— ответил Конан после раздумья.— Быть может, ты и права, а может, и нет.

— Ты не согласен со мной? — с надеждой спросила она.

— Не знаю, что тебе и сказать,— чистосердечно признался киммериец.— По правде говоря, на меня не слишком сильное впечатление произвела его внешность. Конечно, иметь противником существо заведомо сильнее себя, которое к тому же не нуждается в оружии... Но ведь никто и не думал, что они пришлют задохлика, которого соплей можно перешибить.

— Тогда я не понимаю, к чему ты клонишь.

— Не знаю,— задумчиво ответил он.

— Что-то прежде ты не страдал от недостатка решительности.

— Верно,— согласился он,— но это не нерешительность. Это другое...

— Что же?

— Просто я пытаюсь понять, как они создавали Посланца. Мне почему-то кажется, что они не слишком утруждали себя.

— И что это нам дает? — спросила Деркэто и тут же поправила себя: — Тебе.

— Если я прав, то это дарит мне надежду. Надежду на то, что не все они учили, создавая эту тварь, а значит, у нее отыщется слабое место.

— А что навело тебя на такую мысль? — спросил долго молчавший Сет.

— Да то, что они не попытались придумать ничего нового! Взять хотя бы того первого монстра, которого он так живо напоминает. Он оказался очень опасным противником, но не потому, что у него был только один глаз, а колени сгибались в другую сторону! Он был необыкновенно быстрым и передвигался неестественными рывками. Это постоянно сбивало с толку!

— Как же ты с ним справился?

— Я вовремя понял, что если буду все время обороняться, то проиграю. Единственный мой шанс — заставить врага отступить! Так оно и вышло. А ведь эта тварь вовсе не так быстра! Понимаешь? Основным его достоинством были неестественно быстрые движения, а они скопировали внешность, которая была как раз одним из его слабых мест.

— Так ты думаешь, что найдутся и другие недостатки?

— Надеюсь, — задумчиво ответил Конан, — хотя сейчас ничего нельзя сказать наверняка. Я должен встретиться с ним с оружием в руках.

— Еще не время, — возразил Сет.

— Кром! — Впервые за долгий разговор Конан позволил себе помянуть в присутствии Сета другого бога. — Я же не говорю о решительном сражении. Просто обмен несколькими ударами и позорное бегство! Не возражаю, если он порадуется моей слабости!

— Конечно, я не воин, а всего лишь слабая женщина, но, по-моему, это здравая мысль, — под-

держала его Деркэто. — Как ты считаешь? — спросила она, оборачиваясь к Сету.

— Во всяком случае, — поспешно заговорил Конан, — я хоть немного прощупаю его.

— Хорошо, — наконец согласился Сет, — но только если ты обещаешь не ввязываться в серьезную драку.

— Не беспокойся, — усмехнулся Конан, обменявшись лукавым взглядом с Деркэто, — жить мне хочется ничуть не меньше, чем когда-то.

— Пусть будет по-твоему, — ответил Отец Тьмы. — Думаю, лучше всего встретить Посланца на обратном пути от первой ловушки. Если, конечно, он не попадется в нее, — добавил он, подумав. — Какое оружие ты предпочитаешь?

— Двуручный меч, — без колебаний ответил киммериец.

— А почему не лук или не арбалет? — удивленно спросила Деркэто.

— Это было бы слишком просто, — усмехнулся Конан. — Пожалуй, стрела его просто не возьмет.

— Хорошо, — кивнул Сет, — идем в оружейную. Это рядом.

Отец Тьмы подошел к боковой стене и отпер внешне неприметную дверь. Едва он открыл ее, ослепительные потоки света ворвались в зал. Сет шагнул в ярко освещенный проем, северянин и Деркэто поспешили следом. Как только они очутились внутри просторной комнаты, киммериец замер от восхищения.

Чего здесь только не было!

Односторонние и двусторонние секиры и алебарды, бердыши, слегка изогнутые кхитайские мечи и мечи прямые, начиная от коротких аргосских и заканчивая длинными, двуручными, какими пользовались преимущественно в северных землях. Конан увидел даже узкий и легкий меч, какие таскали у пояса зингарские хлыщи, используя их для дуэлей. Здесь же были и всевозможные сабли — от туранских и кавалерийских до тяжелых, аборажных.

Однако этим содержимое оружейной не ограничивалось. Нашлось тут и оружие, сеющее смерть на расстоянии. Луки были развешаны по стенам в строгом соответствии с размерами, начиная от маленького, каким удобно пользоваться мальчишке, а натянуть под силу даже женщине, и заканчивая тяжелыми и тугими, почти в рост самого киммерийца, неприятно наплавившими ему события десятилетней давности и маленький городишко Лирон.

Не ощущалось недостатка и в арбалетах. Конан мельком взглянул на легкий охотничий с рычажным механизмом, но в руки взял тяжелый осадный со стальной кованой дугой, натянуть которую можно было только с помощью специальной, укрепленной на ложе лебедки. Киммериец подбросил на ладони недлинный, чуть больше локтя, увесистый болт, который — он знал это по опыту — пробивал бревенчатый частокол палисада.

— Думаю, вот этот будет в самый раз, — обратился он к Сету.

— А стрелы?

— Больше одного выстрела я вряд ли успею сделать, — но на всякий случай возьму две.

— Верно, — кивнул Сет. — Меч?

Конан шагнул к стене и без раздумий снял с подставки длинный, прямой, равномерно сужающийся к острию клинок. Он крутнул его вокруг продольной оси, заставив провернуться внутри ладони, затем поставил острием на пол и бросил рукоять на предплечье. Бешено завращавшись, гарда пробежала по сомкнутым в кольцо рукам и, совершив почти полный круг, остановилась.

— Что ж, ты сделал хороший выбор, — кивнул Сет.

* * *

Горг радостно взревел и почти без разбега поднялся в небо. Он не любил тянуть тяжелую неуклюжую повозку: приходилось лететь очень осторожно, то и дело оглядываясь на возницу. Но сейчас он был оседлан, и в седле сидел Конан, а это значило, что можно не беспокоиться: с седоком ничего не случится.

Дракон быстро набрал высоту и вихрем помчался на восток, забирая чуть к югу. Он принадлежал к древнему воинственному племени, а потому из всех сил рвался вперед, хотя и знал, что в этой стычке между Посланцем и человеком ему участвовать не суждено.

Изрытое трещинами каменное небо не проносило мимо. Оно слилось в сплошной грязно-серый ковер, и лишь изредка мелькавшие глубокие провалы напоминали о том, что они не стоят на

месте — земли Конан почти не видел, и только горы, его цель, казалось, застыли на горизонте, ничуть не приближаясь. Однако вскоре он заметил, что далекий ландшафт начал понемногу меняться — скоро они будут на месте.

Он не удосужился побывать в тех местах, где Сет устроил ловушки, но знал о них. Если он правильно понял объяснения Великого Змея, то первая из них располагалась под Барахтанским архипелагом, и именно туда, как и думал Отец Тьмы, направился Посланец. Что ж, если монстр навсегда останется в поджидающей его бездонной пропасти, киммериец не будет возражать. Но что-то подсказывало ему, что этого не случится. Вряд ли Посланец Высоких Богов мог оказаться столь легкой добычей.

Они уже почти подлетели к горам. Северянин нагнулся к спине Горга и похлопал его по бронированной шее. Тот повернул к седоку умную морду, и киммериец махнул рукой вниз, приказывая ему опуститься. Дракон тут же сложил крылья и начал падать, отчего, по правде сказать, у Конана на миг сделалось нехорошо на душе: под ними простиралась необъятная каменная равнина, которая неумолимо приближалась. Казалось, еще немного, и все будет кончено, но перед самой землей Горг расправил крылья, резко изменив направление полета, и вскоре когтистые лапы коснулись земли.

Едва это произошло, как Конан спрыгнул с дракона, снял с седла укрепленный на нем арбалет и запасы еды и воды. Он плохо представлял,

как быстро может передвигаться урод, а потому не мог рассчитать заранее, сколько ему предстоит ждать своего противника.

Киммериец не стал тщательно обустриваться. За свою долгую жизнь привыкший обходиться тем малым, что было под рукой, он и жесткие камни находил достаточно удобными для отдыха. Разложив на земле припасы, он взял в руки арбалет и принялся вращать рукоять лебедочки, памятуя о том, что монстр может появиться в любое мгновение. Это, правда, было не совсем так. Если Посланец благополучно минует ловушку, здесь он будет никак не раньше чем завтра к вечеру. Однако Конан готовился. Среди всего прочего жизнь приучила его к мысли о том, что предосторожность никогда не бывает лишней.

Механизм затвора щелкнул, и северянин укрепил в ложе тяжелую кованую стрелу с каленым наконечником. Затем он положил арбалет на землю и достал меч. Он предпочел бы свой, с широким лезвием, но и этот странной формы клинок был хорош. Убедившись еще раз, что с ним все в порядке, Конан кинул оружие в ножны за спиной.

После этого он опять взял арбалет и, устроив его на руках, как младенца, направился ко входу в узкое ущелье, ведущее к ложному алтарю. Углубившись внутрь прохода, киммериец внимательно посмотрел по сторонам. Слишком далеко уходить не стоило: появившись его противник внезапно, он сам оказался бы в ловушке. Но до его возвращения было еще далеко, и Конан решил изучить местность. Левая стена не имела заметных выступов

пов, зато правая изобиловала неровностями, а в одном месте они даже отдаленно напоминали хаотично разбросанные ступени. Некоторые из них были таковы, что там поместилась бы только ступня, зато на иных вполне можно было разместиться и на ночлег.

Отметив про себя это, северянин направился дальше, однако, пройдя с десятков шагов, остановился. Конан сам не понял, что заставило его поступить так, но, издавна привыкнув доверять инстинктам, он настороженно прислушался. Казалось, ничего необычного не происходило, но он почувствовал, как в душе шевельнулся безотчетный страх. Киммериец снова прислушался. Опять ничего, ни малейшего намека на угрозу, но он боялся и ничего с этим поделать не мог. Только раздражение, такое же бессмысленное, как и этот страх, вдруг проснулось в нем, а вслед за этим — злость на самого себя.

«А ну-ка успокойся!»

Конан прикрикнул на себя, подавил ярость и вновь прислушался к ощущениям: раз есть страх, должна отыскаться и причина, породившая его. В первое мгновение он не услышал ничего, кроме ударов собственного сердца, но потом поймал себя на мысли, что они какие-то странные: никогда еще сердце его не билось настолько сильно.

Киммериец продолжал вслушиваться в тишину, пока не уловил, что удары стали двойными. Затем они как бы разделились, отдаваясь теперь не только в груди, но и под ногами. И вдруг в дальнем конце ущелья появилась огромная урод-

ливая фигура, перемещавшаяся странными, замедленными прыжками.

Кром! Да откуда же взялась эта тварь? Ясно как день, что Посланец не попался на уловку, на что северянин, говоря по правде, и не рассчитывал, но почему он вернулся на день раньше? Впрочем, не время было думать об этом. Конан развернулся, отбежал на десятков шагов и понял, что выбраться из ущелья он не успеет, а значит, не стоит и стараться.

Он остановился, припал на правое колено, вскинул арбалет и тщательно прицелился. Грязно-желтая фигура приближалась, несильно раскачиваясь из стороны в сторону и подпрыгивая на каждом шаге.

До монстра оставалась сотня шагов. Конан прижался щекой к прикладу и усмехнулся про себя, хорошо зная, что на таком расстоянии стрела тяжелого арбалета может пробить любую броню. Грудь монстра мерно колыбалась над прицельной планкой, когда киммериец отправил стрелу в полет. Он почувствовал резкий толчок в плечо и не успел еще вскочить, когда стрела достигла цели. Послышался отвратительный скрежет, монстр сбился с шага и, остановившись, оглушительно взревел, отчего стены каменной трещины задрожали и сверху посыпались мелкие гранитные осколки.

Кром! Да что же это такое? Варвар отбросил бесполезный теперь арбалет в сторону и медленно поднялся, в упор глядя на остановившегося в полусотне шагов перед ним монстра. Некоторое время они смотрели друг на друга, словно оцени-

вая достоинства и недостатки противника. Впрочем, Конан еще утром насмотрелся на создание Высоких Богов, и теперь все его внимание было приковано к налитому кровью глазу твари. Урод тяжело дышал, медленно раскачиваясь на выгнутых коленями назад ногах.

В следующий миг киммериец понял, что передышка кончилась, и отработанным движением выхватил из-за спины меч. Одновременно и тварь, будто очнувшись, копнула землю трехпалой лапшей, выбив из каменной тверди фонтан гранитной крошки, и рванулась вперед.

Человек замер, готовый ко всему, а монстр мчался ему навстречу.

Их уже разделяло сорок шагов, потом тридцать. Ничто уже не могло спасти Конана: в узком проходе просто негде было разойтись. Земля содрогалась от тяжелых шагов Посланца. Киммериец медленно занес меч над головой и рванулся к врагу. Почти без разбега, сделав всего три шага, он свернул в сторону и буквально взлетел по левой, отвесной, стене, одновременно вложив всю силу в удар.

Посланец попытался ответить тем же. Его правая рука метнулась вперед, с клацаньем сомкнулись страшные клешни, но поймали только воздух, потому что варвара в том месте, куда они нацелились, уже не было. Одновременно меч с силой обрушился на покрытый панцирем затылок твари, заставив ее взреветь то ли от боли, то ли от злости. Конан же, очутившись за спиной монстра, отпрыгнул к противоположной стене, мгновенно

венно взбежал по замеченным ранее ступеням и замер на небольшой площадке в локоть шириной.

Драться на ней было неудобно, но зато здесь было куда отступить. К тому же Конан сильно сомневался, что Посланец сумеет влезть к нему по узким выступам. Монстр развернулся и в тот же миг увидел киммерийца, замершего с занесенным над головой мечом. Тварь торжествующе взредела и подняла руки.

— Ну, поймай меня! — поддразнил ее северянин и в тот же миг опустил меч на правую клешню монстра.

Однако превосходная сталь лишь с отвратительным скрипом скользнула по плечу Посланца. Он отдернул руку, снова взревел и попытался схватить обидчика левой клешней. Однако Конан перепрыгнул через нее и, изо всех сил ударив по одному из рогов твари, взобрался еще на две ступени выше.

Монстр завопил так, что стены затряслись, и киммериец почувствовал, что на этот раз удар его достиг цели. Посланец отскочил на три шага и остановился, с ненавистью глядя на прыткого человека, которого теперь уже не мог достать. Чудовище покачивалось на уродливых лапах и глухо рычало, не зная, на что решиться. Зловонная пена клоками слетала с розовых губ, он разевал пасть, словно жевал тело ненавистного врага. Потом монстр вдруг бросил на человека еще один злобный взгляд, развернулся и побежал прочь, будто вспомнил, что есть у него есть дела и поважнее.

В первое мгновение Конан даже опешил, но, вспомнив свои разговоры с Сетом, сообразил, что так оно и должно было случиться: цель Посланца — Алтарь, а вовсе не слабый человек, неизвестно зачем вставший у него на пути.

Киммериец спрыгнул с площадки, закинул меч в ножны и осмотрелся, отыскивая отброшенный в сторону арбалет. Его взгляд неспешно скользил по усыпанной песком и щебнем расщелине. Что это? Он нагнулся, рассматривая странный предмет. На камень не слишком похоже. Осколок необычной формы больше походил на рог.

«Ага, урод! Получил-таки!»

Конан ликовал, как мальчишка, победивший в первой в своей жизни драке, да к тому же соперника, одолеть которого был никак не должен, но все-таки сделал это. Сделал!

Он поднял то, что вначале принял за странный камень. Да, это один из рогов, которыми так щедро был усеян спинной панцирь Посланца. Теперь их стало на один меньше. Киммериец не знал, причинил ли он этим вред чудовищу, но все равно был рад. Он схватил свою добычу, которая валялась рядом с арбалетом, и побежал к выходу из ущелья.

* * *

Это был самый настоящий рог. Короткий и толстый у основания, с волнистой поверхностью, почти прямой, с кончиком, похожим на наконечник копья. На срезе совершенно четко просматривалась более твердая внешняя часть, окрашен-

ная в желтовато-коричневый цвет, и внутренняя, живая — нежно-розовая, мягкая. Рог как рог, если не считать одной странности: его оболочка была каменной...

— И все-таки,— повторил Сет,— зря ты сделал это.

— Как знать...— Северянин равнодушно пожал плечами. Он не привык сожалеть о случившемся.— Нужно было посмотреть на него поближе.

— И что ты выяснил? — ехидно поинтересовался Сет.

— Он силен,— спокойно ответил Конан, не обращая внимания на тон собеседника,— не слишком ловок и не очень-то умен.— Киммериец задумался.— Но главное, мечом его не взять, хотя каленная сталь и крепче его тела.

— Хорошо,— подытожил Великий Змей,— быть может, ты и прав. Во всяком случае, тебе с ним драться, а значит, тебе и решать. Я не спорю с тем, что он силен и не слишком ловок. То, что плоть его несокрушима, тоже очевидно. Но с чего ты взял, что он не умен?

— Будь он поумнее, он бы из-за меня вообще не стал останавливаться!

— Похоже, похоже...— задумчиво согласился Сет.— Но как ты тогда думаешь, отчего он в ловушку-то не пошел?

— А что там случилось? — спросил киммериец, который совсем забыл о возникшем у него перед боем вопросе: как получилось, что Посланец вернулся назад на день раньше срока?

— Это и в самом деле интересно,— ответил Великий Змей.— Он спокойно бежал туда, куда и

должен был, но не прошел и половины пути, как вдруг остановился, огляделся, словно что-то высматривал, понюхал воздух, неторопливо развернулся и так же неспешно побежал назад.

— Странно...— Конан хмыкнул, перевел взгляд на Деркэто, и та кивнула.— Очень странно,— повторил северянин.

— Что верно, то верно,— согласился Сет.— Хотелось бы знать, как он учуял ловушку, даже не приблизившись к ней.

Конан задумался, но почти сразу пожал плечами, видимо решив не ломать понапрасну голову.

— Меня больше интересует другое,— сказал он.

— Что именно?

— Чем мне теперь драться? Мечом ему клешни не оттянуть. Когда-то давно я сталкивался с каменным монстром. Помнится, тогда удалось отрубить ему руку секирой.

— Возьми лучше алебарду,— посоветовал Сет,— все-таки рукоять у нее длиннее.

— Нет,— Конан тряхнул головой,— слишком уж она неудобна в бою.

— Тебе видней...

Утром киммериец проснулся оттого, что кто-то сильно тряс его за плечо. Он успел удивиться, что проморгал неизвестного, но, когда открыл глаза, все сразу понял.

Рядом с постелью стоял Сет. То есть «стоял» — это не совсем верно. Ниже груди его тело скрывала струящаяся дымка, и он словно парил в тумане.

— Что случилось? — спросил Конан, рывком садясь на постели.

— Посланец не пошел ко второй ловушке.

— Как это?

Остатки сна мигом слетели с варвара.

— Не знаю! — Сет раздраженно поморщился, и Конан подумал, что положение и в самом деле скверное.— Да и не время сейчас искать причины,— добавил он уже спокойнее.— Важно, что он идет напрямик к Алтарю. К настоящему Алтарю!

— Но ведь я не успею! — вскричал северянин.

— Успеешь,— успокоил его Отец Тьмы.— Одевайся быстрее и просто возьми меня за руку.

Конан не заставил себя упрашивать. Он быстро оделся, напялил на голову ненавистный шлем, подхватил выбранную накануне в оружейной Сета секиру и шагнул к Темному Богу. Только он сжал протянутую ему руку, как ощутил, что мир вокруг меркнет, словно затягиваясь серой пеленой. В следующий миг он почувствовал невообразимую легкость, как будто тело потеряло вес, голова закружилась, но он не успел даже сосредоточиться на непривычных для себя ощущениях, как все встало на свои места. Только теперь они находились уже не в его комнате, а на обширном каменистом плато. Киммериец никогда не бывал тут, но понял, что где-то рядом должны быть подготовленные им ловушки. Обернувшись, он увидел одну из них — огромную груду камней, поддерживаемую шаткой опорой.

— Он далеко?

— К утру будет здесь.

Конан кивнул. Он уже успел привыкнуть к этому миру и научился отличать окрашенный в багрянец день от мертвенно-синей ночи.

— Я скоро вернусь! — крикнул Владыка Вечной Ночи, взмахнул рукой и пропал.

Киммериец медленно пошел к краю плато, на ходу осматриваясь. Густая синева, характерная для глубокой ночи Нижнего Мира, уже перешла в нежную голубизну, которая окрасила красно-желтый песчаник равнины в не поддающиеся описанию тона. Скоро голубизна обретет нежно-сиреневый оттенок, а перед самым утром мир ненадолго вспыхнет тончайшим розовым свечением, и наступит красный день.

Северянин подошел к краю и окинул взглядом петлявшую внизу дорогу — она была пуста. Значит, время еще есть. Едва он успел подумать об этом, как заметил боковым зрением какое-то движение на самом плато. Он резко обернулся и увидел Сета, слезавшего с оседланного Горга.

— Я привез тебе перекусить, но не могу остаться. Это расценят как помощь, и положение только ухудшится. Но мы будем следить за происходящим. И помни, теперь все зависит только от тебя! К сожалению... — добавил он и пропал.

«Ну и хорошо», — подумал Конан, нисколько не расстроившись. Он с самого начала не очень-то рассчитывал на то, что ему не придется драться. И дело было вовсе не в том, что он не доверял прозорливости Великого Змея. Жизненный опыт подсказывал ему, что если его утوراзило влезть во что-то, то и разбираться со всеми трудностями будет он сам.

Он сидел на краю плато и неторопливо доедал телятину, когда ему показалось, что где-то вдалеке, на границе видимости, что-то шевелится. Он торопливо проглотил последний кусок, запил его легким белым вином и встал, пристально вглядываясь вдаль.

Где-то глубоко в душе вновь пробудился страх, и вместе с ним пришла уверенность — это он. Киммериец махнул рукой наблюдавшему за ним Горгу — спрячься и замри! Затем подбежал к огромной горе гранитных обломков, которой, несомненно, должно хватить на то, чтобы завалить десяток таких уродов, что приближается сейчас к нему. Он еще раз проверил ловушку — все в порядке. Достаточно выбить единственную подпорку, и все эти камни обрушатся на голову Посланца. Он, Конан, должен только верно выбрать время.

Страх все усиливался, и северянин не сумел волевым усилием отогнать его, как делал это обычно. Зато он мог держать свой страх в узде: слишком часто за долгую жизнь его пытались запугать! Правда, Сет утверждал, что Посланец не использует магию, но Конан не верил в это и не сомневался, что здесь без магии не обошлось. Скорее всего, создавая Посланца, Высокие Боги наделили его способностью вселять безотчетный ужас в любого, кто окажется рядом.

Ну и пусть! Конан посмотрел на приближавшегося противника и неожиданно для себя развеселился. «Давай, давай! Посмотрим, чья возьмет, когда гора обломков свалится на твою голову, урод!» Вот он все ближе и ближе. Невобразимо

могучая громада, распространявшая волну страха, по-утиному неуклюже переваливаясь, бежала навстречу. Длинные мощные руки согнуты в локтях, а когтистые лапы нацелены вперед, в любой миг готовые вцепиться в противника и перекусить его пополам. Единственный глаз на несуразной, лишенной шеи башке высматривал дорогу.

Ноги монстра казались неестественно тонкими для такого тяжелого тела, но северянин понимал, что впечатление это обманчиво. Впрочем, какая разница? Сейчас все будет кончено — осталось каких-то две сотни шагов. Конан напрягся, сжав в руке шест, которым собирался выбить podporку. Урод уже почти подошел к различимой только северянином границе. Киммериец в последний раз взвесил на руках шест и прицелился.

Шаг... Другой... Еще один...

Конан медленно замахнулся, и вдруг, словно почувствовав повисшее в воздухе напряжение, монстр встал... «Ну! Давай же, урод! Ты что, трусил?» Посланец, оглядываясь по сторонам, медленно раскачивался на кривых ногах. «Он что, припихивается? Нергал его знает!» Киммериец замер, стараясь не дышать. Он знал, что увидать его невозможно, но чутье подсказывало, что Посланец уловил опасность. Стоило Конану подумать об этом, как тварь развернулась, побежала прочь от края плато и, сделав огромный крюк, неторопливо потрусила дальше.

Северянин медленно выпрямился, до конца еще не веря в случившееся. Он смотрел на быстро удалявшегося пришельца, и дикая ярость росла

в его душе, вытесняя быстро исчезающий страх. Кром! Да что же это?! Конан отбросил бесполезный теперь шест. Ему хотелось заорать, вскочить на замершего неподалеку Горга, догнать гнусную тварь и разможить секирой ее башку, разрубить тело на сотню кусков!

Вперед! В погоню! Киммериец вскочил в седло, и Горг, сорвавшись с края плато, быстро набрал высоту. Дракон спешил, словно и ему не терпелось отомстить монстру. Давным-давно они миновали и Посланца, и завалы, которые так и не понадобились, оба плато. Во второй половине дня впереди показались горы. Северянин выбрал для поединка ровное, но изобиловавшее каменными столбами место, где он мог бы свободно передвигаться, в отличие от грузного и неповоротливого врага.

Конан отослал Горга, снял с пояса секиру и принялся ждать. Вскоре постепенно нараставшее чувство страха подсказало ему, что противник приближается. Киммериец крепче сжал рукоять. Ярость и жажда боя оказались сильнее внушаемого страха. Он хорошо знал это чувство, когда мог в одиночку выступить против тысячи воинов, и был рад, что именно сейчас оно вернулось, заставив страх сначала отступить, а потом и вовсе исчезнуть без остатка.

Конан уловил слева от себя какое-то движение и замахнулся, одновременно разворачиваясь, но тут же опустил грозное оружие: перед ним стоял Отец Тьмы.

— Зачем ты здесь? — хрипло спросил киммериец, предчувствуя недоброе.

— Все это напрасно,— коротко бросил Сет.— Он не станет сражаться с тобой и под завал больше не полезет. Я видел, что произошло.

Некоторое время оба молчали.

— Я знаю,— сказал наконец киммериец.— Но есть одно место, где ему не удастся проскочить мимо меня.

— Да, горы,— кивнул Сет.— И я думаю, что тебе нужно попасть туда немедленно, чтобы успеть осмотреться. Идем.

Он вновь протянул Конану руку, и как только пальцы киммерийца коснулись его сухой горячей ладони, мир померк, а когда возник снова, варвар понял, что находится у входа в пещеру.

— Деркэто хотела бы...— начал было Сет, но Конан не дал ему договорить.

— Нет! Ей не нужно приходить сюда. Я не хочу никаких прощаний!

— Она любит тебя,— неожиданно мягко сказал Сет, и киммериец удивленно посмотрел на Великого Змея.— Я с радостью поменялся бы с тобой местами, человек,— добавил бог со странной улыбкой, чем удивил Конана еще больше.

— Не место и не время для объяснений.— Варвар хмуро посмотрел на Сета, но взгляд его тут же потеплел.— Скажи ей...— Он задумался.— Скажи ей, что я тоже люблю ее... Что всегда, всю жизнь любил только ее, но понял это лишь здесь.

* * *

Весь следующий день варвар бродил по извилистой пещере, которая выглядела так, словно

гигантский червь прогрыз этот ход в чреве горы, устроив посередине логово, и в незапамятные времена покинул его.

Конан поднял факел над головой и осмотрелся. Он стоял в огромной, почти круглой в плане пещере, стены которой крепили многочисленные подпорки, создававшие почему-то неприятное впечатление опасной неустойчивости. Казалось, выбей хоть одну из них, и нависшие над головой выщербленные камни рухнут прямо на голову.

Киммериец покачал головой. Да, здесь сражаться опасно. Разве что он решит пожертвовать собой, но об этом он старался раньше времени не думать.

Как назло, пол в пещере прекрасно подходил для задуманного им боя. Здесь оказалась уйма неровностей, каменных глыб и ям, что облегчало задачу ловкому варвару и должно было сильно осложнить жизнь его громоздкому и неповоротливому противнику.

От стены до стены поперек пещеры тянулся уступ в рост киммерийца высотой. Конан забросил наверх секиру и факел, подпрыгнул и, оперевшись руками о край, взобрался на возвышение. Здесь он не увидел ни ям, ни огромных глыб, как в нижней части, но зато вся поверхность оказалась усыпана мелкими обломками.

Держа факел над головой, Конан прошел вторую часть туннеля, которая оказалась короче и шире первой. Здесь сдерживать противника будет труднее: пол ровный, как лавка. Северянин понял, что, если принять бой здесь, Посланец просто сме-

тет его. Монстру даже не придется драться с назойливым человеком. Тварь может спокойно бежать вперед, не обращая на него внимания.

Конан забрал из корзины все факелы — кто знает, как обернется дело? — и пошел обратно. Через определенные промежутки он бросал их по одному на видных местах и шел дальше. Вскоре варвар миновал зал, раскидав на уступе последние факелы, и направился ко входу. Когда он вновь попал на то место, где, казалось, недавно расстался с Сетом, близилась вечерняя заря.

День подходил к концу, окрасив окружающие скалы в красно-коричневые тона, и Конан поймал себя на мысли, что никогда прежде не поверил бы, что и этот цвет, который он никогда не называл иначе чем грязно-бурым, может быть прекрасен...

«Ага! — хихикнул внутренний голос. — По сравнению с мраком небытия все, что угодно, обретет невиданную доселе прелесть!» Он хмыкнул и покачал головой. В тот же миг густой фиолетовый сумрак сменил багрянец — началась ночь.

Киммериец воткнул факел в держатель и увидел у стены корзину с провизией: о нем не забывали. Из-под прикрывавшей еду салфетки торчал уголок папируса. Конан осторожно развернул его и поднес к свету.

«Отдыхай и ни о чем не тревожься. Та, которую ты не захотел увидеть, мысленно остается с тобой».

Киммериец улыбнулся, и на душе у него потеплело. Он уселся рядом с корзиной и, первым делом откупорив бутылку, хорошенько промолил себе горло. За весь день во рту у него не было ни крош-

ки и ни капли, но, как ни странно, голода он не испытывал, что случалось с ним крайне редко.

Что на него нашло, он и сам не знал. Быть может, записка пробудила нежные воспоминания, а может быть, слова Сета, которые он по-настоящему осознал только сейчас. Так или иначе, но прекрасная Богиня Страсти не шла у него из головы. Он вспомнил их бурный, но короткий роман, оставшийся в прошлом, редкие встречи, случавшиеся позднее, и хотя даже не представлял, что их ждет в будущем, на душе становилось тепло и радостно.

Незаметно для себя он уснул. Ему снились голубые дали, розовые дворцы и наполненные счастьем будни. Вдруг он увидел черную тень, плывущую над миром. Счастливый смех Деркэто оборвался. Она испуганно прижалась к своему избраннику и в тревоге прошептала: «Я боюсь, Конан».

Он обнял ее одной рукой, а другая сама потянулась к оружию, и в этот миг киммериец проснулся. Чья-то зыбкая тень мелькнула перед глазами, но он так и не понял, видел ли ее на самом деле.

Проснувшись, Конан первым делом посмотрел вокруг: торчавший из стены факел догорал, нещадно чадая. Он достал свежий, поджег его и, отбросив в сторону потухший, вставил новый на то же место. После этого киммериец снова огляделся и внимательно прислушался, но ничего не увидел и не услышал. Тогда он решил взобраться на ближайшую каменную глыбу, но, сделав всего шаг, остановился. Какой смысл лезть на скалу и пытаться увидеть то, чего и разглядеть-то, быть может, еще нельзя? Гораздо проще спокойно сидеть

и ждать, когда снова возникнет уже привычное чувство страха. Он ухмыльнулся: вот и еще один просчет Высоких Умников! Не нужно следить за врагом, опасаясь внезапного нападения. Он сам заранее известит о своем приближении.

Конан сел на прежнее место и вновь приложил ся к вину, но на сей раз почувствовал сильный голод и с жадностью набросился на мясо. Насытившись и утолив жажду, он принялся ждать. Верная секира лежала справа, незажженный факел — слева. Он достал из-за пояса отбитый у Посланца рог, повертел его в руках и, наверное, в сотый уже раз попробовал пальцем острие. Да, если на такой наткнуться, мало не покажется!

Эти размышления будили тревогу. В самом деле, как бороться с существом, которого лучшая сталь берет с трудом, в то время как сам он не нуждается в оружии вовсе? А что он, Конан, может противопоставить чудовищу в этой борьбе?

Силой и размерами он уступает Посланцу, и это было неприятной неожиданностью, похоже, и для самого Сета! Исправить здесь ничего нельзя. В отличие от монстра он ничем не защищен, кроме разве что шлема... Сет, правда, предлагал ему любые доспехи на выбор, но Конан отказался. В них он стал бы неповоротливым и неуклюжим, лишившись единственного преимущества, которым обладал и на которое уповал теперь. К тому же от могучих клешней твари никакой металл не защитит.

Придя к такому невеселому для себя выводу, северянин попытался прикинуть, на что он может рассчитывать в предстоящем бою. Перед глазами

тут же возник раскачивавшийся на трехпалых ногах Посланец. Длинные, заканчивающиеся мощными клешнями руки нацелены вперед, единственный глаз выискивает жертву... Конан вспомнил чудовище, сотворенное Незримым, с которым столкнулся полвека назад. Тот был мельче, быстрее, передвигался рывками, но, останавливаясь, раскачивался. Случайным ли было это совпадение? Варвар пожал плечами: все это ровным счетом ничего не давало. Десятки раз уже он брался за безнадежное дело: пытался представить тварей, у которых Высокие Боги позаимствовали части тела для своего детища.

Он старательно вспоминал, какие слабости тех монстров позволили ему не только выстоять, но и победить, однако ничего путного на ум не приходило. Он еще раз воскресил в памяти схватку с первым уродом, которого Незримый слепил из останков какого-то юнца. Как же его звали? Киммериец наморщил лоб и попытался припомнить.

Ага! Эмерик! Ранó пресытившийся жизнью сластолюбец. Никогда не державший в руках оружия, он едва не одолел Конана. И все потому, что двигался неестественно, да еще и слишком быстро. До тех пор, пока варвар, действуя чрезвычайно ловко и умело, не заставил чудовище обороняться, исход поединка оставался весьма сомнительным. Более того, киммериец едва ли мог рассчитывать на победу.

Зато теперь другое дело. Конан заново оценил те давние события и понял, что, будь на месте Эмерика человек, неизвестно, чем бы все закончилось. Чем же создание Незримого отличалось от

человека? Звериная шкура, один глаз, ноги коленками назад, как у Посланца...

Что это ему дает? Один Нергал знает! Конан пожал плечами, зажмурил правый глаз и осмотрелся, пытаясь поставить себя на место твари. Ему стало смешно: чем он занимается вместо того, чтобы думать о предстоящем бое?! Однако, открыв правый глаз, он зажмурил левый. Как и следовало ожидать, никакой разницы. Он посмотрел на окрестные скалы, на противоположную стену входа в пещеру, потом на корзину со снедью и потянулся за бутылкой с вином. Привычным жестом его пальцы сомкнулись на горлышке бутылки, но ладонь оказалась пуста. Удивленный, он открыл глаз и увидел, что не дотянулся почти на треть локтя! Кром! Он вновь зажмурился и повторил опыт — то же самое. Тогда он начал раскачиваться из стороны в сторону и сразу все понял. Так вот почему и та давняя тварь, и одноглазый Посланец не стоят спокойно на месте! Чтобы вернее определить расстояние до предмета, посмотрев на него с разных точек!

Конан едва не расхохотался, но тут же посерьезнел. Что из этого следует? Нет, для начала нужно разобраться в поведении Эмерика. Движения его были невероятно быстрыми, но прерывались частыми паузами. И только теперь варвар сообразил, почему тварь была вынуждена останавливаться. Судя по всему, Посланец должен вести себя так же. И что все это значит? Конан задумался. Собственно, все сводится к одному простому выводу: чтобы не подпустить к себе Посланца, нужно больше дви-

гаться. Но это он и раньше понимал. Хорошо бы еще знать, возьмет ли секира каменную плоть монстра.

Когда-то это удалось Зулу, но, если верить Сету, которому он рассказал о той давней истории, особенно рассчитывать на это не стоит. По его словам, Хараг заключил с Рамсисом сделку, которую сам же и нарушил, убив партнера, и тем самым предопределил свою гибель. Сейчас все иначе. Или нет?

Вот если бы удалось выбить Посланцу единственный глаз... Нет, это вряд ли возможно. Глаз посажен слишком глубоко, и острие секиры до него просто не достанет.

Киммериец встал, поднял корзину с остатками еды, набил ее факелами и направился вглубь пещеры: здесь ему больше делать было нечего. Его противник мог появиться в любой миг, и Конан знал, что если тот не пожелает с ним связываться, то просто пройдет мимо, а он ничего с этим поделать не сможет. Значит, пока есть время, следует поискать место, где можно хотя бы попробовать остановить противника.

Варвар шел по извилистому ходу. Он помнил, что эта часть пещеры изобилует неровностями. Ход петлял то в одну, то в другую сторону, иногда казалось, что он сейчас повернет обратно, но тут же следовал новый поворот. Через тысячу шагов северянин добрался до первой из неровностей. Это оказалась небольшая впадина глубиной в локоть, с крутыми краями, почти сразу за которой возвышалась отвесная стена в три локтя высотой. Не лучшее место, но именно здесь Конан намеревался сделать первую попытку испытать Посланца на прочность.

Он оставил тут зажженный факел, запалил новый и направился дальше. Оставшаяся до Срединного Зала, как назвал его киммериец, часть пути была такой же протяженности, что и уже пройденная, но она не петляла, а лишь плавно извивалась, то ныряя, то подпрыгивая. На ямы Конан даже не смотрел: его интересовали уступы, и особенно те из них, что громоздились у низко нависающего потолка. Первое из таких мест отыскалось через пятьсот шагов. Северянин оставил здесь еще один зажженный факел и пошел дальше. Там проход оказался еще ровнее, но зато подпорок стало гораздо больше, и киммериец, положив пару горящих факелов, не стал тут задерживаться.

Здесь он драться не собирался. Он просто осветил путь, чтобы самому не сломать ноги в этом нагромождении мусора, когда будет бежать к залу. А в том, что это придется делать, причем как можно быстрее, он ни на мгновение не усомнился.

Он взобрался на уступ, поджег лежавший там светильник, оставил рядом корзину с припасами и пяток факелов. Остальные вынул и направился обратно. У второго уступа он положил еще один запасной факел и отправился дальше. Здесь огонь, который он нес, был уже не нужен. Он остановился у выбранного им первого рубежа и подумал, что не мешало бы осветить и переднюю часть пещеры, чтобы видеть приближение Посланца, а не только узнавать об этом по нарастающему чувству страха.

Киммериец спустился с уступа и дошел до поворота, когда ощутил первые признаки надвигающегося кошмара. Он ускорил шаг и остановил-

ся у лаза, через который не слишком удобно было пролезать даже ему.

Страх быстро нарастал. Конан юркнул в лаз и внимательно осмотрел его. Нижний край находился на уровне пояса, но на высоте колена в камне была выдолблена ступенька, встав на которую можно было перекинуть ногу через край. Хорошо. Конан нагнул голову и полез обратно. Именно в этот миг вдалеке послышался шум. Киммериец замер в паре шагов от края лаза.

Он зажег последний факел, бросил его перед собой, снял с пояса секиру и принялся ждать. Шум стремительно нарастал. Уже можно было различить отдельные неспешные шаги Посланца, его хриплое дыхание. Конан невольно поежился, когда неприятный холодок пробежал по телу. Он мог заставить себя подавить страх, управлять им, но прогнать его было не в человеческих силах.

Шаги оглушительно гремели уже совсем рядом. Конан крепче сжал секиру и в тот же миг увидел монстра.

Заметив человека, Посланец зарычал, остановился и, наклонившись, просунул уродливую башку в отверстие лаза. Конан размахнулся и нанес сокрушительный удар. Окажись на месте пришельца существо Светлого Мира, с ним, без сомнения, было бы уже покончено. Но Посланец, потеряв еще один рог, отпрянул и оглушительно взревел. Гранитная крошка посыпалась с низко нависшего свода, а громовое эхо помчалось вперед и, вскоре вернувшись, заплясало между стенами узкого прохода. Киммериец замер, не собираясь уступать.

В следующий миг могучая клешня метнулась прямо ему в грудь, но человек успел резко нагнуться, и смертоносное оружие Посланца с леденящим душу клацаньем сомкнулось, поймав лишь воздух. Конан отскочил и почти без замаха нанес удар, не причинивший, правда, ни малейшего вреда его противнику, но показавший ему, что и слабый человек может сопротивляться.

Варвар по-прежнему не представлял, насколько умен пришелец, но сейчас ему казалось, что если тварь и обладала какими-то зачатками разума, то в этот миг окончательно лишилась их, превратившись в дикого зверя. Сотрясая ревом стены, Посланец рвался вперед, словно хотел протаранить собой гору. Но все его усилия были напрасны.

— Ну, ну! Давай! — кричал Конан. — Попробуй-ка еще разок, с разбега!

Киммериец орал и размахивал руками, как будто смотрел гладиаторский поединок, а не участвовал в смертельной схватке. Впрочем, он прекрасно знал, что делает. Как говорил мастер Роган, ярость полезна, если умеешь управлять ею. И киммериец сознательно дразнил монстра, одновременно наблюдая, на что тот способен.

Наконец Посланец перестал бросаться на стену, быть может действительно убедившись в ее несокрушимости или просто успокоившись. Неуклюже просунув в лаз длинную уродливую ногу, он начал шарить ею по полу. В тот миг, когда он, казалось, отыскал опору и полез внутрь, до сих пор просто наблюдавший за противником Конан что есть силы ударил по стопе твари и, подхватив факел, пустился наутек.

Раздавшийся за спиной бешеный рев подсказал северянину, что он не зря старался. Однако киммериец даже не посмотрел назад. Словно вихрь промчался он по кривому ходу, успев похвалить себя за то, что догадался осветить путь, взлетел на уступ, развернулся и только здесь позволил себе перевести дыхание.

Из глубины прохода доносились сдавленное рычание и тяжелые шаги. По стенам заматались уродливые тени, и новая волна страха накатилась на варвара, но он только усмехнулся: страх, внушаемый тварью, очень помогал ему, не позволяя расслабиться и вовремя предупреждая о приближении врага.

Глухое рычание становилось все громче, корявая тень поползла по стенам. Тяжелая поступь Посланца сотрясала пещеру, но что-то в ней появилось новое. У киммерийца замерло сердце в предвкушении маленькой победы, но он боялся поверить в нее, а его неповоротливый противник еще не показался из-за поворота. Глухой рык все усиливался, и, когда монстр догнал наконец свою тень, варвар торжествуя завопил, перекрыв злобное рычание твари:

— А-а! Кром! Что, выродок, получил?!

Посланец остановился на мгновение, вперил в противника злобный взгляд и тут же зашагал быстрее, но теперь его движения стали еще более неловкими, чем прежде. Он явно хромал на правую ногу, на которую пришелся удар секиры, и Конан увидел, что из трех по-птичьи растопыренных пальцев ступни остался только правый. Теперь, делая очередной шаг искалеченной ногой, урод старался быстрее переступить на здоровую.

— Ножка болит? — ехидно поинтересовался киммериец и в этот миг, увидев, как налился кровью глаз Посланца, впервые осознал, что тот понял сказанное, а значит, действительно разумен.

Монстр бросился на Конана. «Ярость дарует огромную силу, но ею нужно уметь управлять, иначе она превратится в слабость». Киммериец не переставал повторять это правило, радуясь про себя тому, что Посланец, похоже, не в силах совладать со своей злостью, за что тварь тут же и поплатилась.

Неверные, колеблющиеся тени сглаживали каменные кочки и заполняли выбоины. Рванувшийся вперед монстр не увидел вовремя яму перед порогом и, провалившись в нее ногой, упал грудью на каменную ступень. В тот же миг тяжелая секира киммерийца со всего размаха ударила поперек головы на уровне единственного глаза. Мелкие каменные осколки брызнули во все стороны. Посланец взревел и вскочил, очумело тряся уродливой башкой. Конан рванулся вперед, но противник его неожиданно взмахнул рукой, и хотя киммериец успел поднырнуть под удар, но недостаточно быстро — клешня сомкнулась и, пропоров глубокую борозду на спине северянина, отбросила его к стене.

В первый миг Конан не почувствовал боли. Он просто не думал о ней: Посланец неожиданно ловко прокатился по полу, разом преодолев уступ, на который киммериец возлагал большие надежды. Конан ударил по метнувшейся в его сторону клешне, но удар получился слабым. Варвар опрокинулся навзничь и едва не выронил секиру. Ему уда-

лось вскочить, но в тот же миг удар второй клешней чуть не сломал ему ногу, опять бросив на пол.

Киммериец не стал искушать судьбу и просто откатился в сторону, едва не закричав от боли, когда израненная спина коснулась острых камней. Тем не менее он быстро поднялся, но тут же присел: правая лодыжка распухла и при попытке встать напомнила о себе пронзительной болью. Конан бросился прочь странным полубегом-полупрыжками, кроя себя на чем свет стоит за неосторожность.

Спина горела нестерпимым огнем, каждый шаг давался с трудом, а ведь дело-то еще далеко не сделано! Киммериец глухо выругался, помянув недобрым словом Ксотли, Нергала, а заодно — по старой привычке — и Сета, который был тут совершенно ни при чем. Теперь он мог двигаться не быстрее своего противника, а рана на спине, ближе к боку, обильно кровоточила. Скоро он начнет слабеть, и чем дальше, тем быстрее! Сейчас Конан все бы отдал, чтобы вернуть тот миг, когда так необдуманно бросился вперед! Кром! Ему захотелось закричать от охватившей его ярости, но изменить ничего было уже нельзя.

Уродливые тени метались по стенам пещеры. Кровь стучала в висках, в такт ей пульсировала боль в окровавленной спине и в разбитой ноге. И тут ему впервые стало страшно. Каменный ужас преследовал его с глухим рычанием, и варвару показалось, что нет от него спасения, что игра уже проиграна и, хотя сам он пока жив, это теперь продлится недолго.

У входа в зал Конан бездумно подхватил с пола факел и заковылял дальше. Он издали забросил

факел на уступ, изо всех сил оттолкнулся здоровой левой ногой и, опершись руками о край, закинул покалеченную наверх. Здесь он оставил на время секиру и лихорадочно заметался по площадке, поджигая разбросанные факелы, затем вернулся к корзине, выхватил бутыль и жадными глотками прикончил остатки вина, которого, хвада Кромю, оставалось еще немало. Быстро смочив полотняную салфетку водой из другой бутылки, варвар отер кровь и тщательно ощупал рану. Ее рваные края начинались у поясницы, чуть правее позвоночника, и заканчивались под мышкой. Конан с горечью покачал головой, подумав, правда, что ему еще повезло. Могло быть и хуже.

Что случилось с лодыжкой, он даже выяснять не стал: сапог пришлось бы резать, чтобы вытащить из него опухшую ногу. К счастью, вино уже начало действовать, и боль понемногу затихала. Зато быстро нарастала злость. Злость на тварь, причинившую боль, которой он не боялся, но которая была предвестником большой беды. Конан понял, что противник его приближается, и тут же поймал себя на том, что уже не испытывает страха. Его полностью вытеснила злость.

Он остановился в паре шагов от края уступа. Ждать ему пришлось совсем недолго. Посланец остановился у входа в зал и принялся не торопясь осматривать огромное пространство, разделенное на две почти равные части высоким каменным уступом, который, скорее, можно было назвать стеной. Глухое рычание то и дело вырывалось из клыкастой пасти.

Увидев человека, он медленно двинулся вперед, лавируя среди нагромождений огромных валунов, которые киммериец надеялся использовать. Теперь эта возможность отпала.

Злость Конана достигла предела. Он шагнул вперед, но тут же одернул себя, припомнив, в какую скверную историю только что попал, совершив всего лишь один необдуманный шаг. Клешня твари метнулась вперед, целясь противнику в грудь, однако киммериец успел-таки отскочить, и хотя клешня задела его, но схватить не смогла. Северянин упал на спину, едва не завопив от боли, но тут же откатился назад и вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть, как Посланец пытается взобраться на стену.

Конан взревел и, собрав все силы, ударил монстра. Огромная секира влетела в разверстую пасть твари, сокрушив с полдюжины кинжальных клыков. Посланец отпрянул, налетев спиной на огромный валун, и в который уже раз с ненавистью устоялся на противника.

Конан усмехнулся и, прихрамывая, подошел чуть ближе.

— Ну что? Тебе нужно пройти? — Тут он не выдержал и расхохотался. — Ну так иди!

Посланец заметался вдоль уступа, выжидая удобного момента, чтобы взобраться наверх. Конан понимал, что бессмысленно тягаться в выносливости с каменным монстром, но не показывал, как тяжело ему дается бег туда-обратно. И странное дело, скоро ему и в самом деле стало легче. То ли нога оказалась не так сильно повреждена,

как он считал, то ли он просто свыкся с постоянной болью, но он перестал ее ощущать.

Посланец начал терять остатки терпения. Взгляд его все чаще останавливался на киммерийце, а рычание звучало все громче. Конан понял, что теперь все решит выдержка: у кого раньше сдадут нервы, тот и проиграет. Первым не выдержал Посланец. Он хоть и был разумен, но, как видно, совсем недостаточно для того, чтобы верно оценить обстановку и держать себя в руках.

Единственное, что он твердо понял: ему не удастся влезть наверх до тех пор, пока враг его там. Отсюда следовал простой вывод: врага необходимо убить или, по крайней мере, отогнать. Монстр начал бешено размахивать клешнями. Иногда он подпрыгивал, пытаясь дотянуться до варвара, и на одном из таких прыжков Конан подловил его. Он намеренно подошел чуть ближе, сознательно рискуя, и грозная клешня тут же рванулась к его лицу, но встретила не податливую плоть, а металл секиры. Удар пришелся точно между чудовищными пальцами, но киммерийцу показалось, что он попытался вогнать лезвие в монолитную стену. Болезненный толчок отдался в кистях и сотряс все тело, едва не выбив оружие из рук, и Конан даже удивился, когда мгновение спустя наружная часть клешни с хрустом отломилась и упала на пол.

Монстр раскрыл пасть с обломанными клыками, и человек приготовился услышать его чудовищный рев, но ни звука не вырвалось из алой глотки, а когда киммериец шагнул к Посланцу, вторая клешня метнулась к его выставленной впе-

ред ноге. Конан, словно предчувствуя, что так оно и случится, мгновенно обрушил секиру на руку твари. С громким треском клешня отлетела в сторону, и тотчас правая, однопалая, рука монстра выбила оружие из рук противника, пропоров предплечье от локтя до запястья.

Кровь фонтаном брызнула из глубокой раны, и у Конана мелькнула мысль, что это конец. Он проиграл. Враг его, хоть и искалеченный, остался жив, а его вот-вот покинут последние силы. Но самое главное — он теперь остался безоружен!

В том, что произошло, монстр разобрался не хуже человека. Он не стал тратить время, любясь истекающим кровью врагом, и, похоже, не собирался добивать его, хотя сейчас это было проще простого. Он неуклюже полез на стену, намереваясь отправиться дальше своим путем. Варвар вновь подумал, что проиграл. Теперь его не оставишь. Посланец просто пройдет мимо, не обращая внимания на жалкого человечка, не способного уже причинить ему вред.

Киммериец быстро огляделся по сторонам, пытаясь найти хоть что-нибудь, что могло бы послужить оружием, и подхватил первое, что подвернулось ему под руку, — огромный, в локоть длиной, каменный палец, половинку клешни. Сжав его обеими руками и зарывав от ярости, он бросился на Посланца. Тот уже влез на уступ и теперь медленно поднимался, но, услышав грозный рев варвара, резко развернулся и вскинул правую руку. Конан поднырнул под нее и, вложив оставшиеся силы в этот последний удар, вонзил клешню в глаз твари.

Чудовищный крик сотряс стены зала. Подпорки начали выпадать, и быстро усиливающийся град камней обрушился на головы противников. Конан кинулся прочь от этого гибельного места, но клешня, половина которой засела в глазу твари, словно копье, вонзилась в грудь киммерийца. Он успел еще упереться в монстра ногой и выдернуть страшное острие, но на большее сил не хватило.

Конан упал навзничь. Мир перед глазами закружился, потом наступила тьма, и он провалился в небытие.

* * *

Он не видел, что, по мере того как вываливаются все новые подпорки, камнепад усиливается и обоих выходов из зала больше нет. Он не видел и того, что враг его по-прежнему стоит рядом, а гранитный дождь обтекает ревущего от боли Посланца, скатываясь по невидимому куполу, который защищает и киммерийца, лежавшего у ног победителя. Он не видел, как монстр вдруг начал медленно таять... Он постепенно становился бестелесным, и так продолжалось до тех пор, пока могучая фигура чудовища не превратилась в мерцающий силуэт. Наконец пропал и он.

И тогда почти угасшее сознание киммерийца уловило отчаянный крик, и воля к жизни пробудилась в Конане.

— Деркэто... — как ему показалось, крикнул, а на самом деле едва слышно прошептал он, и тьма поглотила его.

Глава четвертая

В комнате было жарко натоплено, и красноватые отблески пламени плясали по стенам. За застекленными окнами было темно. Две стены занимали полки, уставленные горшочками, кувшинами и ларцами всевозможных форм и размеров. Вдоль третьей на разных уровнях были натянуты многочисленные веревки, на которых висели пучки высушенных трав, источавших незнакомый аромат, настолько густой, что различить составлявшие его запахи смог бы только настоящий знаток своего дела. Четвертая стена представляла собой огромный камин, и пламя, в нем пылавшее, служило единственным источником света. Прямо перед камином в полу была вырублена неглубокая круглая ванна, наполовину заполненная красноватой жидкостью, от которой поднимался благоуханный розовый пар.

Рядом с ней, на просторном, но невысоком каменном подиуме, застеленном шкурами, неподвижно лежал человек.

Бесшумно отворилась тяжелая дощатая дверь, и в комнату вошла Деркэто. Выглядела она, как всегда, ослепительно, но теперь в ее облике появилось что-то новое, как будто красота ее стала мягче и теплее — человечней.

Кожа цвета темной бронзы посветлела, приобрела золотистый оттенок, взгляд сделался чуть рассеянным, лицо обрело выражение мечтательности, движения — плавность.

Она остановилась у входа, с любовью глядя на лежавшего мужчину. Следом в комнату впорхнули четыре девушки, юные и свежие, как солнечный весенний день. Тихий девичий смех и торопливое перешептывание заполнили комнату, и сердце богини учащенно забилось.

Затем, опираясь на длинную суковатую палку, в комнату вошла древняя старуха со сморщенным, хотя и не лишенным приятности, лицом. И у старухи, и у девушек на головах виднелись недлинные, но заметные рожки.

Девушки обступили распростертого на шкурах Конана, и их восторженное перешептывание стало громче.

— А ну, хватит галдеть! — добродушно прикрикнула на них старуха. — Снимите с него повязки, — уже спокойнее проворчала она, — посмотрим, что там.

Девушки, выслушав указания, забрались на огромное ложе и засуетились возле лежавшего на ней великана, рядом с которым сами казались просто детьми. Полосы материи виток за витком ложились на постель, образуя огромный во-

рох. Когда работа была закончена, девушки замерли в изумлении и покраснели.

— Брысь отсюда! — беззлобно приказала старуха.

Все четверо с хохотом бросились вон. Дверь за ними закрылась, но некоторое время еще можно было слышать их голоса. Они делились друг с другом впечатлениями, которые были столь откровенны, что только присутствие рядом почтенной Гоготы остановило Деркэто от того, чтобы выбежать следом и наказать бесстыдниц.

— Рогачки — что с них взять! — Старушка с улыбкой посмотрела на Деркэто, и на ее добродушное лицо легла легкая тень удивления. — Да ты никак и впрямь влюбилась, милая? — Она пристально посмотрела в глаза своей воспитанницы, которую помнила еще такой же безрассудной шалуньей, с той лишь разницей, что Деркэто тогда принадлежала к человеческому племени. — Любовь — опасное чувство, девочка! Она может вознести до небес, но с той же легкостью способна погубить даже богиню.

— Мне все равно, — с улыбкой ответила Деркэто.

— Итак, Богиня Страсти влюблена. — Вдохнула Гогота, но улыбка так и не покинула ее лица. — Ну что ж, давай посмотрим, что с твоим избранником.

Деркэто вздрогнула, словно от удара, — и как только она могла забыть о нем! — и шагнула вперед. Разбитая нога выглядела вполне нормально, но самое главное — страшная рана на груди затянулась.

— Давай-ка, милая, — напомнила о себе Гогота, — переверни его на спину. Мне, старухе, такое не под силу.

Безукоризненно сложенная Деркэто никогда не отличалась ни ростом, ни физической силой. Рядом с гигантом киммерийцем она выглядела котенком и потому с великим трудом смогла выполнить просьбу старухи. Стали видны еще две раны. Одна неопасная, протянувшаяся вдоль предплечья, зато вторая... Нанесший ее Посланец надорвал киммерийцу спинные мышцы и задел три ребра. Правда, теперь борозду на спине уже покрывала новая кожа, а рана на руке по сравнению с остальными выглядела просто царапиной.

— Ну как он? — Голос Деркэто дрогнул.

Конан давно находился вне опасности, но она до сих пор не могла говорить о происшедшем без волнения.

— Я думаю, он здоров, — ответила Гогота, окинув быстрым, но внимательным взглядом лежавшего гиганта. — Да ты и сама это видишь!

— Да, вижу, — согласилась богиня, — но во врачевании тел и душ тебе нет равных.

— Можешь его будить, — с улыбкой разрешила старуха.

— Наконец-то!

— Он должен принять укрепляющую силы ванну, — добавила целительница и удивленно взглянула на молодую богиню: — Что же ты медлишь?

— Мне страшно, — прошептала Деркэто.

— Ладно, ладно, — Гогота погладила ее по руке, — не буду смущать тебя, — добавила она, направляясь к двери.

Деркэто осталась одна, но так и не сдвинулась с места. Неужели ее беззвучные мольбы услыша-

ны Роком? Неужели не зря она незримой тенью пробралась в пещеру?

Богиня вспомнила, чего стоило ей, не вмешиваясь, наблюдать за поединком, как восторг после первой победы почти мгновенно сменился чувством обреченности и с каким трудом она подавила в себе желание броситься на помощь. Наверное, только сознание того, что это было бы концом и для него тоже, помогло ей сдержаться, и, как оказалось, не напрасно. Мороз пробежал по коже, когда она вспомнила охвативший ее ужас, едва только начал рушиться изрытый кавернами свод пещеры, как медленно умирал, словно растворяясь в воздухе, Посланец и как она рвалась к Конану, но не могла пробиться сквозь невесть откуда взявшийся щит. Она вспомнила, как закричала в тоске, когда поняла, что еще немного — и уже не сумеет извлечь из-под камней бездыханное тело возлюбленного. Она вспомнила свою внезапную радость, когда это все-таки удалось сделать, и так же стремительно сменившее ее отчаяние, когда увидела, как всемогущая Гогота качает седой головой, решая, удастся ли ей раздуть ту крохотную искру жизни, что еще теплилась в этом полутрупе с развороченной грудью.

Деркэто смахнула с ресниц набежавшие слезы и тихонько позвала:

— Конан! Конан!

Это был чуть слышный шепот, но столько чувства она вложила в свой робкий призыв, что веки киммерийца затрепетали и мгновение спустя он открыл глаза.

— Ты!

Он легко поднялся, словно и не было тяжелой и долгой болезни, словно не висела его жизнь на чувствительных весах Рока, а стрелка не дрожала на шаткой грани между жизнью и смертью.

— Ты! — повторил он, потянулся к ней и нежно обнял.

— Оставь, не трогай меня... — шептали ее губы, а руки крепко обнимали варвара. — Ты еще слишком болен.

— Ты дрожишь?

— Нет... — задышавшись, прошептала она, чувствуя, как в ней вдруг просыпается непонятное и неуместное упрямство, которое она проявляла последнее время, дразня его.

— Но ты дрожишь при мысли... что я выполняю твою просьбу... Ты боишься, что я отпущу тебя...

— А ну пусти! — вспыхнула она, но руки ее, вместо того чтобы оттолкнуть, лишь сильнее прижали его к себе.

— Не бойся, — пробормотал он, целуя ее лицо и шею, а Деркэто, к ужасу своему, ощутила, как мгновенно вспыхнули огнем ее щеки, и вновь, вместо того чтобы оттолкнуть его, лишь сильнее прижала к груди его голову, и Конан вынужден был опуститься перед ней на колени.

— Что ты делаешь? — простонала она, не открывая глаз, чувствуя лишь, как платье ползет вверх по телу, а жалющие поцелуи обжигают грудь и живот.

Она начала медленно падать на ложе из шкур, увлекая за собой Конана, а ее платье из лепестков

роз нежным облаком полетело в очаг, на несколько мгновений наполнив комнату одуряющим ароматом.

* * *

...Киммериец распахнул окно и выглянул наружу. Отвесная стена уходила вниз, но в сотне другой локтей вдруг пропадала, словно скала, в которой находилось его новое жилище, парила в воздухе безо всякой опоры. Конан высунулся почти по пояс, но все оставалось по-прежнему, хотя теперь он увидел далеко внизу изрытую трещинами землю. Примерно таким же прежде представало перед ним небо Нижнего Мира, который сейчас словно перевернулся.

Киммериец завертел головой во все стороны, стараясь рассмотреть все, что находилось вокруг, а не только вверх или вниз, и то, что он увидел, потрясло его...

Больше всего раскинувшийся за окном мир походил на исполинское перевернутое ущелье без дна. Небо вместо облаков было затянуто бурым мхом высотой со среднее дерево, и в нем копошились неведомые существа, но разглядеть их как следует даже Конан с его острым зрением не мог. Он перевел взгляд на противоположную сторону «ущелья». До нее оказалось локтей триста, и она выглядела обитаемой. Варвар насчитал множество пещер, в глубине которых горели костры и явно угадывалась неведомая жизнь. Пространство между ними было испещрено окнами, видимо, такими же, как то, у которого он сам сейчас стоял.

— Конан! — услышал он знакомый голос, доносившийся откуда-то справа, и резко обернулся.

Дракон, показавшийся ему огромным в ограниченном двумя стенами, хотя и просторном, коридоре «ущелья наоборот», мерно взмахивая кожистыми крыльями, неторопливо приближался. Он был оседлан, и в седле сидела Деркэто. Увидев, что киммериец заметил ее, она помахала ему рукой, Конан ответил ей тем же, а сердце его радостно забилося. Горг издал трубный приветственный рев.

Поравнявшись с окном киммерийца, дракон заложил такой крутой вираж, словно собрался протаранить стену, и пропал.

Как только это произошло, в стене напротив отворилась пара окон, и четыре незнакомки радостно замахали ему руками.

— Конан! Конан! — донеслись до него их радостные крики, и, хотя находились они на приличном расстоянии, на сей раз зрение не подвело киммерийца.

Он сумел разглядеть, что незнакомки молоды и хороши собой, но тут дверь у него за спиной отворилась. Варвар не успел даже обернуться, а Деркэто уже стояла возле него. Напротив мгновенно началась легкая паника, окна с мозаичными стеклами захлопнулись, и незнакомки пропали.

— Я думала, то, что произошло между нами вчера, и для тебя что-то значит! — в ярости выкрикнула Деркэто.

— Конечно, радость моя, — ответил он, обнимая богиню.

— Пусти меня! — прошипела она, как разъяренная кошка, и попыталась вырваться, но Конан лишь сильнее прижал ее, улыбнулся и поцеловал.

— Иди. — Он не отрываясь смотрел на Деркэто, хотя, если бы его возлюбленной вздумалось уйти, ей это вряд ли удалось бы.

Однако едва прозвучали его слова, как глаза богини вспыхнули гневом.

— Хорошо, я останусь, — заявила она таким тоном, словно он умолял ее об этом, — но если ты еще хоть раз поднимешь глаза на этих...

Деркэто выразительно кивнула в сторону окна, но Конан только расхохотался.

— Ты прекрасна, богиня, — прошептал он ей на ушко, и она, вздохнув, замерла, — и я рад исполнить любую твою просьбу... — продолжал он. — Кроме этой. — Кровь отлила от ее щек, прежде чем смысл его последующих слов дошел до Деркэто. — Ведь в ярости ты становишься еще прекрасней, и я просто не могу отказать себе в удовольствии полюбоваться тобой.

Как только Конан договорил, богиня прижалась к нему и глаза ее наполнились слезами.

— Ты говоришь правду? — робко спросила она. — Тебе нужна только я?

Надежда боролась в ней с недоверием. Слишком долгий путь прошла она к своей цели и слишком хорошо помнила неудачи, которых оказалось слишком много, чтобы можно было легко забыть о них.

— Конечно, правду, — заверил он непривычно мягко, и она в тот же миг поверила ему.

— Ах, Конан!

Она бросилась ему на шею, а он подхватил ее, словно девочку, и закружил по комнате, но богиня, вдруг посерьезнев, отстранилась от него.

— Что-то случилось? — Конан мгновенно насторожился.

— Случилось, — коротко ответила она. — Случилось худшее из того, что вообще могло бы произойти, — Посланец жив!

— Посланец жив... — повторил он, невольно отпуская ее. — Но как это?

— Не знаю. — Она грустно покачала головой. — Сет ждёт нас. Похоже, ему есть что сказать.

— Да, ему есть что сказать, — задумчиво повторил Конан, но почти сразу спохватился: — И где он?

— Там! — Деркэто яростно кивнула в сторону закрытого окна. — Там, где находятся милые твоему сердцу рогачки!

Лицо богини покраснело от гнева, но Конан только подошел к ней, и она, к стыду своему, почувствовала, что не может на него сердиться.

— Идем, — сказала она, подавив готовый уже было вырваться вздох.

* * *

Сет ждал их, сидя в кресле у камина и задумчиво глядя на пляшущие в очаге языки рыжего пламени. Казалось, он полностью погружен в свои мысли, но, как только за вошедшими затворилась дверь, вздрогнул, обернулся и, сдержанно улыбувшись, жестом предложил гостям садиться.

Он спокойно подождал, пока Конан наполнил вином три бокала и уселся в предложенное ему кресло.

После этого он взял свой и, отхлебнув из него, пояснил:

— Это грибное вино. Его делают только здесь.

— Грибное вино?

Барвар удивленно посмотрел в кубок, наполненный густой зеленой жидкостью, и осторожно понюхал ее. От вина исходил незнакомый, но приятный терпкий аромат. Сделав глоток, он удивленно приподнял бровь: напиток оказался крепким, в меру сладким и приятно освежал рот.

Пока киммериец смаковал вино, Деркэто смотрела на Владыку Вечной Ночи, ожидая, когда он начнет разговор, но Темный Бог не торопился.

— Итак, теперь ты знаешь, — заговорил наконец Сет, — что Посланец остался жив.

— Да, — кивнул северянин. — Кстати, — добавил он после некоторого раздумья, — как такое могло случиться? Ведь это значит, что ни одна из приготовленных ловушек не смогла бы его удержать.

— Так и есть. — Владыка Вечной Ночи выглядел спокойным, но Конан готов был поклясться, что Великий Змей растерян не меньше, чем он сам. — Все верно, — повторил Сет, и киммерийцу показалось, что хозяин Пурпурного Замка никак не может смириться с этой мыслью, — но я надеялся, что, быть может, ты расскажешь мне что-то такое, чего я не видел, чего не знаю.

Конан задумался, но очень скоро отрицательно покачал головой:

— Вряд ли. Я даже не знаю, как спастись, но зато уверен: хотя мне и досталось больше, чем Посланцу, но и он, скорее всего, после нашего поединка не добрался до Алтаря. Я ведь выбил ему глаз его собственной клешней.

— Так ты ослепил его? — В голосе Сета Конан услышал столь явное изумление, что невольно улыбнулся. — Но как?

Киммерийцу пришлось подробно описать свой поединок с Посланцем, не упуская ни одной мелочи. Под конец он рассказал о своем видении: о том, как он валялся среди камней с ужасной раной в груди и смотрел, как каменный свод рушится прямо на него и монстра, стоявшего в середине зала. Тогда он успел подумать, что, видимо, умирает, не находя иного объяснения тому, что ни один камень не попал в них. И только теперь, когда он узнал, что Посланец остался в живых, поверил, что это правда.

— Это не было видением, — возразил Сет. — Деркэто говорила о том же. Более того, она не могла пробиться к тебе сквозь этот щит.

— Так это ты спасла меня? — Конан с нежностью посмотрел на свою подругу, и она едва заметно кивнула. — Значит, мне не послышался твой голос?

— Нет, — ответила она и, к удивлению варвара, покраснела. — Когда свод начал рушиться, я испугалась, что не успею вытащить тебя. Я видела, как растут каменные стены вокруг невидимого купола, внутри которого таяла фигура Посланца. Я была уверена, что купол исчезнет, когда тварь

умрет, но в последний миг засомневалась и тогда позвала тебя. — Она покачала головой. — Сама не знаю, на что я надеялась.

Киммериец ласково улыбнулся ей и подумал, что, не услышь он этого зова, быть может, последняя искра жизни угасла бы в нем. Значит, она спасла его дважды.

— А он вовсе не умер... — задумчиво проговорила Деркэто.

— Нет, конечно, — усмехнулся Сет. — Зачем тогда нужен был купол?

— Да нет же, — досадливо фыркнула богиня, — я понимала, что он жив, но поскольку, останься он там, смерть его была бы лишь делом времени, решила, что Высокие вытаскивают его из нашего мира. Мне подумалось, что ему обещали жизнь при любом исходе.

Сет кивнул, соглашаясь, что такое вполне могло случиться.

— Но если его не забрали, то где он сейчас? — спросил Конан.

— Я не понимаю, как это произошло, — неохотно заговорил Сет, — но твой противник перенесся назад во времени. Деркэто видела, как он постепенно становился все более прозрачным, пока не превратился в силуэт, который в следующее мгновение исчез. — Богиня кивнула, и, обращаясь уже к ней, он продолжил: — Ты видела, как он перемещался во времени. Он быстро уходил. Думаю, что если кто-нибудь понаблюдал бы за залом, где он впервые появился, то он увидел бы защитный купол и постепенно обретающего плоть Посланца.

— Так, значит, сейчас он снова в саркофаге?

— Скорее, на том месте, где саркофаг находился перед тем, как рассыпаться.

— Откуда ты знаешь?

— Тут как раз нет ничего странного, — ответил Сет. — Я хоть и не мог вмешаться в поединок, но наблюдал за его ходом. Я допускал, что ему могут попытаться помочь, однако даже не подумал о бегстве сквозь время. Это очень сложно. Но кто мог проделать такое, не знаю.

— Горбун, — спокойно сказал Конан и по застывшему взгляду Отца Тьмы понял, что не ошибся.

— Ну конечно же! — досадливо морщась, прошипел тот. — И как я мог забыть о нем?!

— А по-моему, ничего удивительного тут нет, — вмешалась в разговор молчавшая до сих пор Деркэто. — Старичок-то не так прост! Высокие наверняка наделили его известной силой. Он осторожно прощупал Конана, понял, что предателя из него не сделать, и тут же оставил его в покое. Попытался проникнуть в Пурпурный Замок, но был обнаружен и изгнан. Помня о том, что сила его велика, не удивлюсь, если выяснится, что он внушил всем нам не то чтобы забыть о нем, а просто не заострять на нем внимания, и больше не показывался на глаза.

— Верно, — согласился Великий Змей. — Однако дело свое он сделал.

Конан кивнул.

— Обмануть можно любого. Не стоит сосредотачиваться на неудачах. Меня волнует другое. — Сказав это, киммериец на время умолк, и Сет с

интересом посмотрел на него. — Он перенесся, вероятнее всего, в тот самый миг, когда появился здесь. — Северянин вопросительно взглянул на Великого Змея.

— Именно.

— Он возродится в первоначальном виде или в том, в каком вышел из поединка?

— Интересный вопрос! — Сет едва заметно качнул головой. — По правде говоря, я как-то не думал об этом.

Он и в самом деле задумался, и Конан, не желая мешать, встал с кресла и вновь наполнил винном кубки.

— Пожалуй, — заговорил Великий Змей, — он восстановит силы, но вряд ли излечится от нанесенных ему увечий.

— Ну что ж, это уже кое-что. Плохо другое, — продолжил свою мысль варвар. — Проход в горах завален, а на открытом пространстве я не сумею его сдержать. Он просто пройдет мимо.

— Можешь не беспокоиться, — заверил его Сет. — Об этом я позаботился. Проход в горах давно расчищен и заново укреплен. Теперь можно уже не опасаться, что свод рухнет на голову. Но пойдет ли он снова через горы? Впрочем, что гадать? Видно будет. Зато теперь ты сможешь испробовать новое оружие.

— Какое? — Конан оживился.

— Помнишь, я упоминал, что в вашем поединке нельзя использовать магию и тот, кто нарушит это правило, ослабит себя? — Конан кивнул, и Сет продолжил: — Теперь мы знаем, что у Посланца

таких нарушений набралось предостаточно. Одно только перемещение во времени чего стоит!

— Не забывай, что и меня вытащили из горы.

— Брось! — Сет пренебрежительно махнул рукой. — Это единственная помощь, которую тебе оказали. Да и бой к тому времени закончился. Так что не знаю, можно ли вообще считать это помощью. Но даже если и так, это капля в море по сравнению с помощью, оказанной Посланцу.

— Не забывай, — заговорила Деркэто, поймав на себе удивленный взгляд киммерийца, — что приготовленных для него ловушек наш враг избежал только благодаря своему поводырю. Теперь-то это ясно как день!

— Хорошо, если так.

— Конечно, так! — воскликнул Сет.

— Мы отвлеклись, — напомнил ему Конан. — О каком оружии ты говорил?

— Стрелы Рока!

— Стрелы Рока? — удивился киммериец. — Это еще что такое?

— От них нет спасения, — пояснил Сет.

Конан почувствовал, как в душе его растет неуправляемый гнев.

Оказывается, все это время где-то в потайных кладовых лежало могучее оружие, способное раз и навсегда расправиться с их врагом, а он, вместо того чтобы просто вовремя спустить тетиву, проливал свою кровь и, если бы не Деркэто, гулял бы сейчас на Серых Равнинах! Однако прежде чем он успел открыть рот, Сет предостерегающе поднял руку:

— Я понимаю, что ты должен чувствовать сейчас, но, поверь, никто не собирается предавать тебя! Это могучее, но весьма непростое оружие. Одна стрела способна поразить насмерть любого противника, но только в том случае, если ему суждено быть убитым в этом бою.

— Все равно не понимаю...

— Стрелы используют магию Высоких Богов, и я не был уверен, что мы не нарушим условия, понимаешь? — Конан вздохнул и промолчал, а Сет продолжил: — Оружие это весьма своеобразно и действует отнюдь не наверняка. Если Рок уже взвесил возможности сторон и решил исход борьбы, то стрела поразит жертву. Но если силы примерно равны и результат неясен, то проку от выстрела не будет: даже взяв верный прицел, ты промахнешься.

Киммериец разочарованно покачал головой и залпом осушил кубок.

— И это ты называешь оружием? — скривился он.

— И поэтому тоже, — кивнул Сет, — я не предлагал тебе Стрелы Рока раньше, но теперь мы не можем отказываться ни от малейшего шанса. А что касается Стрел... — Он помолчал, прежде чем продолжить. — Это, скорее, способ задать четкий вопрос Высоким Богам и получить на него мгновенный однозначный ответ.

— Ну хорошо. — Конан успокоился. — Насколько я понял, проку от этих стрел будет немного: испытать судьбу и забыть.

Сет пожал плечами:

— Жаль, что ты так это понял. Не пренебрегай ими, но и не торопись.

— А есть ли в этом смысл? Все по-прежнему будет зависеть только от меня. Так стоит ли таскать их с собой?

— Стоит. Не забывай о том, что с тобой случилось. Ты ведь одерживал верх, но едва не лишился жизни. Все может повториться, и кто поручится, что, погибая, Посланец не попытается прихватить тебя с собой? Всего одна стрела позволит тебе избежать печального конца.

— Но для этого...— начал было Конан, однако Сет перебил его:

— Верно. Выпустить стрелу ты должен в шаге от своей победы.

* * *

После этого разговора потянулись хоть и однообразные, но приятные будни. Конан отдыхал и набирался сил. Правда, на следующий день после памятной встречи он хотел было вернуться к тренировкам, но Деркэто объяснила, что в этом нет надобности. Несмотря на то что раны его оказались очень серьезными, вместе с силой к нему вернутся и приобретенные навыки.

Привыкшего к тому, что ничто в мире не дается даром, киммерийца немало удивили ее слова, но богиня только рассмеялась в ответ, а увидев негодование Конана, пустилась в пространные объяснения.

Получалось так, что Посланец с самого начала нарушил правила, приняв помощь горбуна. Лову-

шек-то он избегал, но лишился изначальной, без нарушения правил, неуязвимости, и Конан начал одерживать верх. Сам поединок шел честно, однако лишь до тех пор, пока гибель Посланца не стала неизбежной. Горбун вновь вмешался и сумел спасти своего подопечного от смерти, перенеся его во времени в миг появления в этом мире. Поскольку же и Конан тогда находился в защищенном пространстве, их судьбы оказались накрепко связаны. Потому-то богине и удалось выручить его. Однако и после этого связь не прервалась. Теперь они должны одновременно обрести прежнюю форму, с той лишь разницей, что Посланцу уже не вернуть частей тела, оставшихся вне купола. Он, несомненно, восстановит одну руку и обретет зрение, но к тому времени и Конан окончательно выздоровеет. После этого поединок состоится снова.

— Это третья причина,— заявила Деркэто,— по которой Сет решил дать тебе Стрелы Рока, хотя дорожит ими невероятно. Он не желает повторения пройденного и считает, что твои шансы на победу сильно возросли.— Она задумалась.— Быть может, мне и не следовало бы говорить тебе этого, но он уверен, что на этот раз ты победишь, и не желает упустить ни единой возможности.

Киммериец не все понял в путанных объяснениях богини, но утешил себя тем, что никто не собирается его обманывать. К тому же он чувствовал, как силы возвращаются к нему, и чем дальше, тем быстрее.

Деркэто по-прежнему ни на шаг не отходила от него. Он продолжал жить в комнате, в которой

очнулся. Оказалось, что он провалялся без памяти около восьми седмиц. По словам древней Гоготы, раны можно было залечить и быстрее, хотя бы с помощью магии, но они сознательно избегали даже самого невинного колдовства.

Дни и ночи они проводили вдвоем и были вполне счастливы. Богиня почти не покидала каморку, послужившую возлюбленному временным пристанищем. Единственная дверь вела на кухню, а из нее можно было попасть в просторное помещение, где нашел приют Горг.

Несколько раз они с Деркэто поднимались в воздух, но уже не пользовались повозкой. Горг прекрасно летал под седлом и теперь, когда мог не беспокоиться об устойчивости неудобного экипажа, иной раз позволял себе вольности. Однако после того, как он попытался исполнить в воздухе петлю и Деркэто пригрозила превратить его в ящерицу, дракон присмирел.

Конану же особенно запомнился первый полет верхом. Мерно взмахивая могучими крыльями, Горг летел, следуя причудливому изгибу двух исполинских «перевернутых» скал, протянувшихся сверху вниз на тысячу локтей. Две огромные стены были усеяны окнами, и, когда дракон пролетал мимо, окна открывались. Из них выглядывали люди, которые приветствовали их с непонятным воодушевлением. Лишь много позднее, когда киммериец узнал, что тут находятся владения Деркэто, ему стал понятен их восторг. Впрочем, приветствовали не только богиню, но и его, Конана.

Они поднялись выше. Туда, где вниз вершинами рос странный моховой лес, издавна походивший на ельник. Все растения были коричневыми, разных оттенков, а камни, на которых они укоренились, казались покрытыми сплошным темно-коричневым ковром с коротким ворсом.

— Именно там растут грибы, из которых изготавливают так понравившееся тебе вино, — объяснила Деркэто.

Горг плавно взмахнул крыльями и поравнялся с вершинами самых высоких «деревьев». Конан увидел разветвленную сеть подвесных дорожек, опутавших паутиной заросшее мхом «небо» этого мира. И хоть растения стояли тут вверх корнями, в этом лесу ничего не стоило заблудиться.

* * *

Через несколько дней Конан вновь посетил оружейную Сета, но теперь выбрал не секиру, а тяжелую шипастую булаву, потому что теперь по опыту знал: чтобы победить столь необычного врага, нужно расколоть его тело, а для этого оружие должно быть и тяжелым, и заостренным.

Теперь, когда тот трагически завершившийся бой остался в прошлом, киммериец, восстанавливая в памяти его подробности, понял, что враг его на самом деле не так прост, каким казался вначале.

На эту мысль его навели три успешных выпада противника. При всей своей медлительности и неповоротливости именно в эти мгновения тот вдруг проявлял неожиданную прыть, и, надо ска-

зять, всякий раз время для этого было выбрано необыкновенно удачно. Он серьезно ранил Кона-на и вновь становился неуклюжей громадой, к которой, правда, не подступиться, но которая и сама не в силах дотянуться до врага.

Только теперь киммериец понял, что рванный ритм движений, который так мешал ему в борьбе с тварью Незримого, ловко использовали создатели Посланца. Они сделали даже больше, спрятав это качество под внешней флегматичностью своего детища. Что ж, если так, то замысел Высоких вполне удался.

* * *

Время шло, Конан набирался сил. Он уже чувствовал себя так, словно и не было тяжелых увечий и долгого выздоровления, а потому даже не удивился, когда узнал, что Посланец снова пошел к Алтарю.

Это случилось ночью, но его не стали будить, памятуя о том, что путь к горам займет несколько дней. Так оно и случилось. Правда, киммериец подумал было, что монстр может выбрать другую дорогу, но опасения оказались напрасными. Едва выбравшись из помещения, где стоял саркофаг, Посланец направился уже знакомым путем, даже не подумав о том, чтобы идти в обход.

...Конан, сидя верхом на Горге, приближался к первому плато и вскоре увидел гору каменных обломков — первый из завалов, который не пригодился и на сей раз. Впрочем, ничего удивительного: все-таки путь был уже пройден, а ловушки,

расставленные на нем, известны. Новых же Посланец мог особенно не опасаться: появившись они, горбун без труда обнаружит их.

При мысли о добровольном помощнике своего врага киммериец невольно нахмурился. Горбун внушал ему едва ли не большие опасения, чем сам Посланец. Тот, хоть и обладал несокрушимой каменной плотью и огромной силой, все-таки был обычным противником. Смертельно опасным, правда, но его можно было убить. С горбуном же все обстояло иначе. Он оставался невидимым и обладал неизвестными возможностями.

Киммериец хорошо помнил первую встречу в Пурпурном Замке, когда Великий Змей легко обнаружил лазутчика и вышвырнул его прочь. Они с Деркэто так и не договорились, кто это был. Богиня считала, что это один из демонов-охранников с Серых Равнин, который решил, что ему дозволено слишком много. Отец Тьмы склонялся к другому мнению. Не раз уже приходилось его поданным сталкиваться с духами, подвластными Ксотли. Владыка Страха явно затевал что-то, но не торопился. Он копил силы и выжидал. Сет не сомневался в своей правоте, но Конан думал иначе. Он не любил колдовства и по-другому относился к странным видениям, посещавшим его до той памятной встречи. То, что после изгнания духа Сетом они пропали, не успокоило, а, наоборот, насторожило его.

Быть может, именно потому, что он не разбирался в магии, киммериец был уверен, что горбун не покинул его, а просто спрятался настолько

хорошо, что земные боги не могли его обнаружить. Теперь, когда выяснилось, что он оказался прав, Конан никому не стал говорить об этом. Варвар не знал, что получится, если он вдруг заявит Великому Змею, что какой-то старикашка владеет силами, по сравнению с которыми его, Сета, магия сравнима с трюками балаганного фокусника. Он не без оснований подозревал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Впрочем, северянин мог верить во что угодно, но он по-прежнему понятия не имел, что способен выкинуть его второй противник. Лишь в одном он не усомнился ни на миг: пока Посланец не окажется поверженным, горбун не вмешается, а до этого еще нужно дожить.

Что-то подсказывало Конану, что старикашка имеет какой-то свой интерес во всем этом деле, и интерес немалый. На ту же мысль наводила его и внешность Посланца, в котором воплотились черты его самых опасных противников. Это опять-таки значило, что кто-то внимательно следил за его жизнью. Конан усмехнулся. Вряд ли кого-то из Высоких Богов мог настолько заинтересовать молодой варвар из заснеженной Киммерии, чтобы он на протяжении десятков лет лично наблюдал за ним, но вот горбун — это другое дело.

Так примерно думал киммериец, нагоняя невидимого пока Посланца, который успел неожиданно далеко уйти вперед. Горг мерно взмахивал крыльями, и каменная равнина стремительно уносила назад. Наконец впереди замаячило темное пятно, и Конан, снова удивившись про себя, как

быстро двигается его противник, подумал, что неплохо бы рассмотреть его поближе, чтобы знать, в каком виде он возродился.

Словно почувствовав желание своего седока, Горг полетел медленнее, давая варвару время приглядеться. Вот они почти поравнялись, и дракон завис над Посланцем. Конан сосредоточился на бегущем. Его тяжелая фигура раскачивалась, как будто он шел не по незыблемой тверди, а по палубе в сильную качку. Так он вел себя и раньше, но теперь эта особенность проявлялась гораздо сильнее. Киммериец понял: если прежде его противник раскачивался, чтобы вернее оценивать расстояние до окружающих предметов, то теперь делал это еще и потому, что удерживать равновесие ему удавалось с трудом.

Что ж, это хорошо. В глубине души Конан опасался, что горбун полностью избавит монстра от увечий, но прав был Сет. Такое оказалось горбуну не по силам, или... Или такая помощь нанесла бы слишком серьезный урон неуязвимости Посланца. Так или иначе, но все, что ослабляло его противника, было на руку ему самому.

Как и в прошлый раз, Конан устроился на ночлег у входа в пещеру. Он отослал Горга и принялся проверять оружие, от которого теперь зависело все. Выбранная им булава выглядела изящнее тяжеловесного молота. Сравнительно небольшой, с голову годовалого ребенка, стальной шар, утыканный стальными же шипами с мизинец, покоился на

длинным, отлично закаленном стержне в два с половиной локтя длиной с удобной двуручной рукоятью, оплетенной ремнями из буйволово́й кожи, и крепкой петлей на ее конце.

Это оружие почти не знали цивилизованные народы, а применяли его, как ни странно, в основном варварские племена. Оно было в ходу у гирканцев, им охотно пользовались в Ванахейме и Асгарде. Булава сминала латы, как бумагу, а каленные шипы легко прошибали панцири и в труху разносили дубовые, окованные бронзой щиты.

Конан поудобнее перехватил рукоять, размахнулся, и булава со свистом описала круг у него над головой. Не останавливаясь, он обрушил свое оружие на крупный валун у входа в пещеру. Каменные осколки брызнули во все стороны, и от гранитной глыбы отвалился порядочный кусок.

Что ж, подходяще!

У киммерийца поднялось настроение. Если уродливое тело его противника не окажется крепче этого камня, то он сделает из него десяток пусть небольших, зато совершенно безвредных Посланцев! А еще у него оставалось в запасе оружие, к которому Сет призывал обратиться только в самом крайнем случае и которое он, Конан, сказать по правде, не желал использовать, потому что не верил в него.

Стрелы Рока!

Не только стрелы, конечно, но и лук. Северянин достал футляр, снял крышку и осторожно вынул из него оружие одного из Высоких Богов. Сейчас, со спущенной тетивой, оно походило, скорее, на идеально прямую доску, покрытую причуд-

ливой вязью то ли заклинаний, то ли пророчеств. Мягкостью изогнутых линий они напоминали ванахейские руны, но не нужно было разбираться в чужом языке, чтобы уловить и другую особенность. Каждый символ был закончен, как в китайских иероглифах. Правда, Конан видел в этом тексте только красивый орнамент, и не более того.

Лук не был деревянным — это киммериец мог сказать с уверенностью. И хотя он был собран из множества частей, среди отдельных слоев Конан не нашел ни одной деревянной. Наружная узорчатая поверхность походила на серебро, но встречались там и бронза, и кость. Вот только из чего была сплетена тетива, северянин так и не понял. Стрел оказалось всего две, совершенно одинаковых и явно откованных из серебра.

Конан натянул тетиву. Лук оказался очень тугим. Дуга изгибалась с легким похрустыванием, словно кто-то шел по свежеснеженному снегу, и звук этот неприятно напомнил ему прошлое и уродливого горбуна-лучника Розы. Варвар, размышлявший над тем, оставить лук натянутым или ослабить тетиву, тут же вернул оружие в прежнее состояние и закрыл футляр. Но и после этого у него осталось такое ощущение, словно он выпачкался обо что-то. Нет, не станет он использовать эти стрелы!

Успокоив себя таким образом, Конан с аппетитом поужинал и улегся спать.

* * *

Проснувшись поутру, Конан отправился вглубь пещеры. Как ни странно, но с искалеченной но-

гой Посланец бежал быстрее, чем раньше со здоровой. Киммериец выяснил это еще накануне по пройденному монстром за полдня расстоянию. Значит, скоро он появится здесь, и северянин не собирался встречать его у входа. Он знал, что все обломки убраны и пещера пуста, что на этот раз можно не опасаться обвала, едва не стоившего ему жизни, но это не меняло его планы.

Теперь в стенах были пробиты отверстия, а в них вставлены незажженные факелы. Конан удовлетворенно хмыкнул и пошел вперед, на ходу зажигая их один за другим, так что вскоре тут стало совсем светло. Добравшись до Срединного Зала, киммериец осмотрелся. Огромная естественная каверна почти не изменилась, только камней на полу стало больше, но крупные обломки были убраны. Исчезли подпорки, и, хотя площадь не увеличилась, стало просторнее. Киммериец задрал голову. Высокий свод тонул во тьме: свет факелов не доходил до него.

Конан подумал, что самым разумным будет вернуться к лазу посреди прохода. Туда, где ему довелось одержать свою первую маленькую победу, и повторить уже пройденный путь. О том, захочет ли его противник поступить так же, Конан себя не спрашивал. Не имело смысла ломать голову над вопросами, ответов на которые он все равно не получит. В любом случае ждать следовало именно там.

И северянин направился назад, постепенно ускоряя шаг. Что-то заставляло его торопиться, неосознанная тревога гнала вперед, вынуждая идти все

быстрее, пока он не понял, что бежит. Он остановился и недовольно нахмурился. Что это было? Чужая воля не давила на него, он сам ускорял шаг, словно кто-то звал его. И лишь тревога крепла в душе, и он никак не мог понять, чем она вызвана.

Он отправился дальше, думая о случившемся. Что все это значило? Конан привык к тому, что чутье никогда не обманывало его прежде, и верил, что ничего не изменилось. Раз есть беспокойство, должна отыскаться и причина, породившая его. Так в чем же она? Киммериец вновь пошел быстрее, на этот раз уже сознательно, и вскоре впереди показалось черное пятно лаза.

Черное? Почему черное? Он же зажег все факелы! И не успела еще даже смутная догадка зародиться в его мозгу, как что-то серое вырвалось из густой тьмы и полетело, как показалось киммерийцу, прямо ему в глаза. Он успел шагнуть вправо, но недостаточно быстро.

Огромный серый валун ударил ему в левую половину груди, разорвав плоть и вывернув плечевой сустав. Страшная сила опрокинула его на спину, и, наверное, только это спасло его от смерти, которую неминуемо принес бы ему второй гранитный обломок, пролетевший в том месте, где только что находилась его голова. Одурачивающая волна боли накатилась, не позволяя ни вздохнуть, ни застонать, однако, прежде чем он успел подумать, что оставаться на месте нельзя, тренированное тело само сделало все необходимое.

Конан откатился в сторону. И вовремя: следующий обломок высек каменные брызги из пола,

а киммериец, не задерживаясь, прокатился еще дальше, под прикрытые стены. Здесь он вскочил, но это естественное движение оказалось настоящей пыткой: свет перед глазами померк, а пол закачался, словно палуба галеона в шторм. Прижав здоровой рукой раненую к телу, варвар, шатаясь, побежал вперед. Он не знал, что станет делать дальше, но понимал: ему необходима передышка, хотя бы для того, чтобы вправить вывернутый сустав, если, конечно, тот остался цел после удара.

Он бежал, и горячая липкая кровь струилась из раны, быстро пропитывая набедренную повязку. Это тоже было плохо: если кровь не остановить, то в скором времени он окажется на Серых Равнинах. Но сейчас нужно было бежать, и он бежал. Тяжелая булава, висевшая в чехле у пояса, назойливо напоминала о себе, при каждом шаге ударяясь о ногу. А ведь только что он даже не замечал ее! Футляр с луком, болтавшийся за спиной, стал вдруг невероятно тяжелым.

Кром! Пропади все пропадом!

Кое-как он вскарабкался на каменный уступ и поковылял дальше. Теперь он понял, что тревожило его: подлетая на Горге к Посланцу, он не ощутил ни страха, ни злости, которые до этого предупреждали его о приближении монстра. Вовремя не вспомнив об этом, сейчас он подумал, что, наверное, страх вызывал не вид противника, а, скорее, это горбун помогал своему подопечному. Сперва попытался запугать варвара, а когда это не удалось, попробовал разозлить его, чтобы толкнуть на необдуманный поступок.

Однако киммериец не поддался страху и сумел обуздать ярость, но зато потерял бдительность и не обратил внимания на то, что просто обязан был заметить и менее опытный воин.

Конан зарычал от ярости на самого себя. Доверься он полностью своим чувствам и не остановись на полпути, быть может, оказался бы на месте вовремя и успел услышать приближающиеся шаги грузной твари.

Вперед... Вперед!

Вот и зал, который он только что осматривал с поразительной беспечностью, не подозревая, что опасность уже близко и нужно спешить. Он понимал: взобраться наверх с одной рукой и переломанными ребрами будет непросто, а потому не стал останавливаться, чтобы выбрать более удобный путь, а с разбега прыгнул на стену, опершись о край здоровой рукой. Ему повезло: попытка удалась с первого раза, но ничто не дается даром. Тело свело судорогой оглушающей боли, и он провалился в небытие. Очнувшись, Конан некоторое время лежал неподвижно, пока перед глазами не рассеялась кровавая пелена и мир не обрел прежнюю устойчивость.

Он не знал, сколько длилось его беспамятство, но, судя по тому, что он все еще был жив, а вокруг царила тишина, времени прошло совсем немного. Он хотел было идти дальше, но тут ему в голову пришла страшная мысль: а если он провалялся гораздо дольше и враг его уже ушел, решив не тратить время на беспомощного человечка? Он рванул к выходу, но тут же остановился. Даже

если окажется, что он прав, не худо бы сначала хотя бы попытаться привести себя в норму.

Он осторожно прощупал опухшее плечо и с удовлетворением отметил, что кости целы. Правда, каждый вдох отдавался болью, а это говорило о том, что ребра сломаны. Конан попробовал вправить вывих, но ничего не получилось, и только боль стала еще сильнее. Тогда он подошел к стене и, стиснув зубы, ударился о камень плечом с такой силой, словно собрался проломить стену, и громко застонал, когда почувствовал, как раскаленные когти впились в тело и принялись яростно терзать его.

Тяжело дыша, он прислонился спиной к стене, не сознавая, что продолжает баюкать больную руку. Варвар позволил себе немного расслабиться, ощущая, как боль уходит, а камень приятно холодит спину, когда где-то вдалеке услышал приглушенное рычание и тяжелые шаги преследователя.

Однако враг его не торопился. Судя по звукам, он шагал вперед предельно осторожно, что совершенно не походило на него. Посланец не мог не видеть, что бросок его достиг цели, а если даже и нет, это должен знать его невидимый напарник... При мысли о горбуне Конан зло стиснул зубы и оттолкнулся от стены. Каждый шаг отдавался в боку, но киммериец заставил себя побежать, намеренно не желая показываться на глаза своему противнику. Он не хотел, чтобы тот увидел, насколько сильно ранил его, а в том, что горбун не станет выяснять это специально, был уверен.

После того как пробиться к Алтарю не удалось, эта пара будет вести себя очень осторожно. И Конан устремился к Мосту Сета. Это было последнее место, где он мог надеяться остановить Посланца. О том, что он должен не просто задержать, а убить врага, киммериец старался не думать. Кто знает, что случилось бы с ним, усомнись он хоть на миг в своих силах? Но он с детства усвоил правило: никогда ни в чем не сомневаясь, а просто иди вперед.

И он шел. Конан знал, что Посланец плохо ориентируется в пространстве, а значит, на Мосту Сета неизбежно почувствует себя вдвойне неуютно. К тому же у него повреждена нога, и поэтому поддерживать равновесие на качающейся опоре ему будет совсем непросто. Прав он или нет, киммериец не знал, но искренне надеялся, что не ошибается.

Конан выбрался из пещеры, пошатываясь, побежал по берегу Огненной Реки и еще издали услышал знакомый хруст исполинских столбов в чашах опор. Варвар то и дело переходил на шаг, не желая понапрасну тревожить раненый бок. Вскоре впереди показалось озеро на другом берегу, а чуть дальше сияло освещенное ослепительно ярким светом пространство, засаженное зелеными деревьями, — сад Митры. Сердце Конана сжалось. Он вдруг со всей очевидностью понял то, что уже и так знал раньше. Этот мост — последний рубеж. Если не удастся остановить здесь Посланца, все пропало.

Хруст камней в опорах становился все громче и громче, а через пару шагов стали видны и ка-

чающиеся столбы. Конан остановился, чтобы отдышаться, перед тем как переходить на ту сторону, и заглянул вниз. Раскаленная лава огненным потоком медленно обтекала исполинские гранитные Пальцы Сета, тонкая корка окалины ломалась, выбрасывая вверх клубы сухого горячего пара, который не успевал остывать, несмотря на головокругительную высоту столбов.

Северянин окинул взглядом мост, мысленно проходя весь путь. Тринадцать зыбких опор вели через реку.

Варвар посмотрел на ближайшую, которая только что начала свой бег к противоположному берегу. Площадка неспешно поплыла прочь, и Конан прикинул, что, отправясь он прогулочным шагом по настоящему мосту, не попал бы на другую сторону быстрее.

Он подождал, пока столб вернется, и шагнул на его поверхность. Ощущение, которое захлестнуло его в следующий миг, оказалось совершенно необычным. Даже полеты на Горге невозможно было сравнить с этим парением над источающей жар бездной, наполненной сухим хрустом. Конан поплыл вперед, видя, как с небольшим запозданием навстречу двинулся следующий Палец.

Теперь ему уже не казалось, что опоры двигаются медленно. Более того, они сближались под каким-то странным углом, но, когда сошлись, едва не соприкоснувшись, киммериец шагнул на следующую платформу, которая была меньше предыдущей. Он старался не смотреть вниз, все внимание сосредоточив на очередной, такой же маленькой,

как и та, на которой он стоял сейчас, — обе не превышали двух его шагов в поперечнике.

Конан переходил с одной опоры на другую, мысленно прикидывая, где остановиться, чтобы встретить монстра. Он добрался примерно до середины, когда низкий рев возвестил о том, что раздумьям его пришел конец.

Киммериец замер. Он только что преодолел два сравнительно тонких Пальца и теперь стоял на третьем, еще более тонком. Следующий был толще на шаг, но Конан остался на узком, предпочитая иметь удобный путь для возможного отступления.

Северянин взглянул под ноги: всего полтора шага в поперечнике. Говоря по правде, он предпочел бы для боя место попросторнее, но решил, что если неудобно ему, то его громоздкому противнику уж тем более будет тесно на качающемся столбе чуть шире этого.

Он посмотрел на только что оставленный им берег. Серые скалы перемежались вкраплениями бурых пород, и на их фоне несуразная тяжелая фигура Посланца казалась чем-то нереальным, уродливым образом, извлеченным из ночного кошмара душевнобольного.

Раскачиваясь всем телом, он быстро, рваными скачками перемещался по обрывистому берегу Огненной Реки. Конан увидел, что, как он и предполагал, одна клешня у монстра полностью восстановилась, зато вторая рука представляла собой короткую уродливую культю, которой Посланец старательно прижимал к огромному телу с деся-

ток увесистых гранитных обломков. Так вот почему он так задержался!

Киммериец испытал мимолетное чувство радости по поводу того, что от начала моста его отделяет больше сотни шагов, но в следующий миг безотчетный страх завладел всем его существом.

Что он делает здесь? Бой еще не начался, а он уже изранен и с каждым толчком сердца теряет все больше и больше крови. Слабость то и дело волнами накатывалась на него, и хотя он мог пока с ней бороться, но понимал, что любой из приступов способен сыграть роковую роль. Неужели он надеется победить этого каменного бойца, созданного для убийства, посланного сюда Высокими Богами для того, чтобы разделаться с ним?! Да это же просто смешно! Нужно бежать! Бежать, пока еще есть силы и время! Бежать, чтобы попытаться спастись!

Бежать!..

Киммериец снова взглянул на противоположный берег. Не больше сотни локтей осталось Посланцу до первой опоры. Конан усмехнулся и начал доставать из чехла булаву. Как знать, быть может, и придется ему умереть, но, даже если так судил Рок, он погибнет с оружием в руках, защищая то, что ему дорого, а не в позорном бегстве спасая свою шкуру.

Мгновение паники прошло, и он узнал давнего советчика, уже пытавшегося склонить его к предательству.

— Предательство? Хе-хе-хе! — проскрипел знакомый голос. — Что ты знаешь о предательстве,

глупый варвар?! Нет никакого предательства! Слово это придумали слабаки, чтобы оправдать собственную нерешительность. Есть только свободный выбор! Переход сильного на сторону еще более сильного, чтобы занять достойное место в новом мире!

Что это было? Мысль? Или он на самом деле слышал эти слова?

— Я узнал тебя, — неожиданно для самого себя сказал Конан вслух.

— Хе-хе-хе! Надеюсь, что так! — ответил голос, и теперь киммериец уже не сомневался, что ему ничего не почудилось. — Признаюсь, я недооценил тебя, — произнес голос, но Конан по-прежнему не понимал, где находится его собеседник: голос словно висел в воздухе, окружая замершего в напряжении человека со всех сторон.

— Покажись! — крикнул Конан. — Что ты прячешься? Быть может, боишься?

— Хе-хе-хе! — прокашлял голос. — Не нужно меня поддразнивать! Мне некого бояться в этом мире. — Он запнулся. — А показаться... Отчего нет? Показать можно.

Миг — и прямо в воздухе перед киммерийцем предстал смутно знакомый по снам образ. Небольшая кособокая фигурка колдуна, облаченного в камзол сочного алого цвета. И как во сне, на поясе его болтался короткий меч в простых черных ножнах. Опять все красное и черное! Конан поднял взгляд и мгновенно узнал его некрасивое лицо. Бегающие, глубоко посаженные глазки с нескрываемым злорадством разглядывали огромного из-

раненного варвара, а большой, почти безгубый рот кривился в довольной, ехидной усмешке.

— Так, — протянул он, — и что мы видим, посмотрев друг на друга после столь долгого перерыва? — Он вновь окинул киммерийца придирчивым взглядом, словно впервые увидел его, и губы горбуна растянулись в язвительной усмешке, обнажив два ряда острых мелких зубов. — Мы видим глупого варвара, которому боги-недоучки подарили то, что он отказался принять от меня: молодое тело, которым варвар совсем не дорожит.

— Мое тело — это мое тело, — пожал плечами Конан.

— Ну и дурак, — отозвался горбун. — Вот ты сейчас истечешь кровью, и он, — старикашка кивком указал на замершего на дальнем берегу Посланца, — спокойно довершит начатое. Хе-хе-хе! Вот так-то, варвар!

— Ну это вряд ли, — равнодушно возразил киммериец, хотя отвратительный холодок пробежал по спине, потому что он знал: все сказанное стариком в красном камзоле — чистая правда.

— Да ну?! — нарочито удивился горбун. — А вот мы сейчас послушаем! Так! Что тут у нас? — Маленькой красной ручкой с неестественно длинными ногтями он оттопырил непропорционально большое ухо и прислушался. — Ага! — Старик удовлетворенно кивнул. — Бежит кровушка-то! Покидает тело глупого варвара!

— Пусть бежит! — Сердце Конана сжалось, особенно от того, что он и на самом деле чувствовал, как силы покидают его, и ему стоило большого

труда ни единым жестом, звуком или произвольным движением не выдать себя. — Я ведь теперь бессмертный, — заявил он, хотя сам не слишком в это верил, — так что смерти моей ты не дождешься.

— Бессмертный, говоришь? — В голосе отвратительного старикашки впервые прозвучало сомнение. — Быть может, я и впрямь недооценил тебя, варвар? — Он оттопырил тонкую нижнюю губу, в задумчивости пошлепал по ней длинным узловатым пальцем и вдруг удивленно посмотрел на Конана. — Слушай, варвар, а почему бы тебе не принять в дар от меня то, что ты получил от своих друзей-недоучек?

— Потому что друзей не предают!

— Предают? — Личико горбуна скорчилось в ехидной гримасе. — Глупый варвар! Опять ты за свое! Я уже устал объяснять тебе, что здесь нет никакого предательства! Просто нужно уметь выбирать друзей. Если же выбор оказался плох, ничто не мешает человеку с головой изменить решение. Ты ведь не станешь драться мечом, если он оказался никудышным? Купишь себе другой!

— Кром! — вспыхнул Конан. — Перестань играть словами! Ты же знаешь, что разница есть!

— Хе-хе-хе! Конечно, есть! — Горбун довольнo ухмыльнулся. — Все дело в этой девке, в Деркэто. — Он вдруг неожиданно опустился, словно кто-то невидимый подставил ему низкую скамеечку, и теперь сидел скрестив ноги, зависнув в половине локтя над ближайшим к северянину столбом.

— Не смей трогать ее! — не выдержав, воскликнул киммериец.

— Н-дэ,— протянул горбун.— Бедный ваюбленный варвар...

Киммериец молчал, следя ненавидящим взглядом, как горбун отъезжает на столбе прочь. Вот он достиг крайней дальней точки качания и направился обратно. Все ближе и ближе. Еще немного, и ноги отвратительного колдуна окажутся раздавленными, и тогда с ним можно будет покончить одним ударом. Столбы почти соприкоснулись и тронулись в обратный путь. Взгляд горбуна был исполнен ехидства.

— Злой мальчишка! — Он укоризненно покачал головой.— Видел ведь, что мне грозит беда, а ничего не сказал! Нехорошо!

Конану пришлось собрать всю свою волю, чтобы подавить рвавшуюся наружу ярость. Судя по всему, это ему удалось, потому что хотя колдун и не отвел испытующего взгляда, но тему переменил.

— Никак не пойму,— заявил вдруг он,— и чего ты пристал к этой девке? Пойдем со мной,— он протянул руку, словно на самом деле предлагал киммерийцу прогуляться с ним,— и таких, как она, у тебя будет хоть десяток, а покажется мало, так два или три! Впрочем,— тут же поправил он себя,— коли она так мила твоему сердцу, мы можем и ее взять с собой. И будет она беспрекословно исполнять все твои желания. Одна или в веселой компании — как захочешь.

— С собой — куда? — прервал киммериец его словоизлияния.

— Так! — обрадовался колдун.— Наконец-то ты заинтересовался! В Светлый Мир, конечно! Митры

там, к сожалению, уже не будет, да и всем остальным придет конец.

— Ты уверен, что справишься со всеми?!

— Недоверчивый какой! — Старичок обиженно надул губы.— В этом мире я могу любого прихлопнуть, словно муху!

— Однако Сет поддал тебе так,— язвительно заметил Конан,— что у меня полдня звенело в ушах от твоего крика!

— А вот если бы ты был немного поумнее,— во взгляде горбуна мелькнула с трудом сдерживаемая ярость,— то понял бы, что и блоха способна больно укусить пса, но горе, если она попадетсся ему в зубы! Так ты согласен?! Подумай. Я предлагаю тебе целый мир, в котором ты будешь править один! А захочешь, так вместе со своей девкой!

— Велика радость повелевать такими вот уродами!

Конан кивнул в сторону неподвижно стоявшего у начала моста Посланца, тут же почувствовал, как закружилась голова, и с трудом удержал равновесие, гадая, заметил ли горбун его состояние.

— Хе-хе-хе! — проскрипел старикашка.— Ну зачем же? Мир останется таким, каким был прежде! Просто очистится от никчемных и своенравных богов.

— Разве этот мир не обещан в случае победы Посланцу?

Горбун залился счастливым смехом, похожим на кашель, и лицо его стало еще противнее, чем было до сих пор.

— Интересно,— начал он, отсмеявшись,— кем ты его считаешь? Судя по твоему вопросу, Послан-

цем? — Его маленькие глазки слезились от смеха, и он постоянно вытирал их красными ручками. — Глупый, доверчивый, обманутый коварными богами варвар! Посланец — это я! Неужели ты этого так до сих пор и не понял?!

Конан хотел что-то сказать, но от удивления не мог произнести ни слова.

— Так, я вижу, для тебя это новость? Так вот, я Посланец! — повторил он, наслаждаясь произведенным впечатлением. — Я давно уже здесь и долгие годы наблюдаю за происходящим. Втайне от всемогущих богов, — произнес он с иронией, — я следил за их поисками достойного противника для предстоящего поединка, но гораздо раньше их понял, что противником этим суждено стать тебе, и начал приглядывать за тобой. Я отмечал каждый твой успех, а главное — тех, кто оказывал тебе самое сильное сопротивление. Разве ты не заметил, что внешность этого истукана — образ собирательный?

Конан бездумно кивнул, а колдун расплылся в улыбке:

— Глупый варвар! Но наблюдательный. Так ты согласен?

— Нет! — отрезал киммериец.

— Но почему? — Улыбка сползла с уродливого лица, и Конану показалось, что собеседник его впервые за все время разговора заговорил с ним серьезно. — Разве ты не понимаешь, что отказываешься не только от выгодного для тебя союза, но и от жизни?

— Я уже сделал свой выбор, — твердо ответил киммериец.

— Так, хе-хе-хе! — Ехидная усмешка мгновенно вернулась на изборожденное морщинами лицо. — Я вижу, ты не обманул меня насчет бессмертия. Будь то иначе, ты давно истек бы кровью, но ты все еще жив... Однако напрасно ты уповаешь на бессмертие, глупый варвар! Бессмертного тоже можно убить!

Сказав это, горбун пропал, словно его и не было. Зато зашевелился до сих пор стоявший неподвижно Посланец. Он подошел к самому краю и теперь неуверенно топтался, ожидая, когда ближайший из столбов приблизится настолько, что можно будет шагнуть на него.

Теперь Конан понял, что первое впечатление не было обманчивым. Сотворенная горбуном тварь действительно обладала некоторыми зачатками разума, достаточными лишь для того, чтобы выполнять все требования своего создателя. В остальном детище колдуна оставалось зверем. Могучим и несокрушимым, который будет идти вперед, что бы с ним ни случилось. И даже если угроза смерти нависнет над ним, он не свернет со своего пути.

Киммериец почувствовал, как глухая волна ненависти начинает подниматься в нем. Вот монстр покачнулся, едва не полетев в Огненную Реку, и Конан остро пожалел, что не может подтолкнуть чужака. И почему они не подумали о том, что простой арбалет сейчас оказался бы просто бесценным! Варвар глухо выругался. Как будто ощутив исходящую от него волну ненависти, Посланец поднял голову, и взгляды их встретились. И такая лютая злоба светилась в этом взгляде, что северянин понял: с Моста Сета живым уйдет только один из них.

Безудержная ярость забурлила в нем, придав сил. Он почувствовал, как кровь, которой почти не осталось в теле, прилила к лицу, и больше уже ничего не видел, кроме врага. Каменный палец, на котором стоял Конан, мерно раскачивался взад-вперед, немного при этом перемещаясь вдоль русла реки — к дальнему берегу по течению, к ближайшему берегу против течения. Киммериец ничего этого не замечал. Он даже не знал, кружится ли у него голова. Быть может, все, что он видит, — плод расстроенного потерей крови рассудка? Но наяву ли, нет ли, но он видел приближавшегося врага, и этого было довольно.

Посланец не торопился. На первую опору он перебрался, старательно придерживая культей десяток гранитных обломков, но, после того как едва не свалился в исходившую горячим паром реку лавы, выбросил их все до последнего и продолжил путь налегке. Теперь их разделяло всего три столба.

Конану вдруг почудилось, что он перенесся на четыре десятка лет назад, когда вдвоем с Белит они бороздили волны Западного океана. Два корабля в бушующем море поднимались на гребнях волн, чтобы почти сразу провалиться в мрачную пучину, однако люди твердо знали: через несколько мгновений они вновь вознесутся к свинцовому небу, но уже чуть ближе к кораблю неприятеля.

Посланец шагнул вперед, и теперь только два столба разделяли противников, но они ничего не могли сделать друг другу до тех пор, пока не окажутся на соседних Пальцах. И, понимая это, два непримиримых врага неподвижно застыли в ожи-

дании решительной схватки. Только хруст, от которого кровь стыла в жилах, доносился снизу, из огненной бездны, напоминая о том, что станет с тем, кому не повезет. Но ни монстр, ни человек как будто не слышали его.

Со стороны могло показаться, что Конан ни на что не обращает внимания, но на самом деле он прекрасно видел, как неуверенно топчется Посланник на несуразных ногах: через мгновение ему предстояло шагнуть на первую из трех тонких опор, в то время как киммериец стоял на последней из них. И хотя варвару едва хватало места на узком каменном пятачке, он поздравил себя с тем, что правильно выбрал позицию.

Их разделял уже один столб. Конан напрягся и сжал булаву. Он чувствовал, как пот обильно течет по спине, но не знал, винить в этом слабость или источаемый лавой жар. Неподвижно стоявший враг приближался. Он тоже приготовился, загородившись огромной клешней и занеся для удара культю.

Противники не сводили друг с друга глаз. Каждый выбирал место, куда через мгновение нанесет удар, и тут Конан вдруг понял: если они сейчас сшибутся во встречном порыве, он наверняка проиграет, потому что не только весит меньше, но и слабее монстра. По-прежнему крепко сжимая булаву, он быстро переместил ее к левому плечу. Со стороны это выглядело так, будто он решил не нападать, а защищаться.

Видимо, Посланец так и подумал. Он торжественно взревел и нанес удар, но Конан, вместо

того чтобы встретить его и погибнуть, просто пригнулся, одновременно замахиваясь с другого плеча. Смертоносная культа со свистом рассекла воздух там, где только что находилась голова варвара. Монстр, увлекаемый силой удара, оказался вполборота к Конану, и тот нанес свой удар, который не мог оказаться слишком сильным, потому что шел от левого, разбитого плеча. Но то ли человек заставил себя забыть о боли, то ли Посланец и впрямь с трудом удерживал равновесие, но он присел, нелепо размахивая длинными ручищами, и начал заваливаться набок. Киммериец хотел ударить еще раз, чтобы довершить начатое, однако столбы уже расходились, и он сообразил, что все равно не достанет, но зато рискует сорваться вниз.

Посланец упорно размахивал руками, стараясь восстановить равновесие, и вскоре это ему удалось. Он присел на уродливых лапах и угрожающе зарычал, затем, не вставая, развернулся и, по-прежнему защищаясь здоровой рукой, снова занес культу.

Конан понял, что второй оплошности его противник не допустит. Он попытался представить, что теперь предпримет монстр, но времени на это уже не оставалось: Посланец стремительно приближался. Конан решил бить в руку. Если повезет и он попадет по локтю, то, как знать, быть может, удача улыбнется ему.

Северянин приготовился к нападению, а монстр сжался, но в самый последний миг вдруг убрал клешню из-под удара. Культа пошла вперед, и киммериец направил булаву ей навстречу, вложив в удар всю оставшуюся у него силу. В то же мгно-

вание монстр резко выбросил клешню вперед, пытаясь схватить противника за ногу. Конан увернулся, но клешня все-таки задела его перед тем, как столбы начали расходиться.

Только это и спасло варвара. Клешня лишь скользнула по внутренней стороне голени, надорвав мышцу. Конан потерял равновесие и повалился назад, в исходившую горячим, удушливым паром пропасть, по дну которой текла раскаленная лава. Посланец восторженно взревел, но северянин, падая, схватился за край столба. И хотя мокрая от крови ладонь соскользнула, эта задержка спасла его, позволив все-таки закрепиться. Конан поджал колени и повис на голених. Однако стоило ему попробовать уцепиться за плоскую поверхность столба рукой, как он почувствовал, что ноги сползают к краю площадки, и решил не искушать судьбу.

Булава не упала вниз только благодаря кожаной петле, накинутой на запястье. Киммериец начал раскачивать ее, следя за тем, чтобы ноги не соскальзывали с площадки. Он знал, что, как только столбы вновь начнут сближаться, погибнет. Но пока они расходились.

Киммериец смотрел на приближающийся с противоположной стороны столб, на который мог еще попытаться влезть. Во всяком случае, это был единственный шанс спастись. Сильнее раскачивать булаву было уже нельзя. Он чувствовал, как голени едут по шершавому камню, но пятки обутой в сапоги ног каким-то чудом удерживались на месте. До приближавшегося столба оставалось не больше трех локтей, Конан сделал отчаянный рывок и

попробовал забросить тяжелую булаву на его поверхность.

Отчасти это ему удалось. Киммериец выпустил рукоять, оттолкнулся ногами от Пальца, на котором висел вниз головой, и уперся локтями в площадку следующего, более толстого. Он ударился грудью о край и зашипел от боли. В глазах потемнело. Конан замер, ожидая, когда боль отступит, хотя времени у него было очень мало.

Через несколько мгновений, показавшихся ему вечностью, когда зрение наконец вернулось, он взглянул по сторонам и тут же выругался в сердцах. Как он радовался тому, что оставил для отступления более широкий островок! Будь столб более узким, он смог бы ухватиться за противоположный край и влезть на него, но теперь сил хватило только на то, чтобы не рухнуть вниз.

Конан посмотрел на только что оставленный столб, который как раз приблизился к следующему, где стоял Посланец. Вот они сошлись вплотную. Монстр глухо зарычал и сделал очередной шаг. Киммериец стиснул зубы и напрягся, но понял, что вылезти не сможет.

Кром! Да что же это такое?!

Он оперся на левый локоть и с размаху обрушил булаву на верхнюю площадку. Пара длинных шипов, выбив из гранита сноп каменных брызг, вонзилась в казавшийся несокрушимым камень. Конан попробовал подтянуться, но резкая боль помешала ему сделать это. Повторять попытку было некогда. Об этом ему недвусмысленно напомнило раздавшееся позади рычание.

Конан обернулся и почувствовал, как кровь прилила к лицу, а ярость с новой силой забурлила в израненном теле, добавляя сил. Посланец стоял на приближавшемся столбе и мерно раскачивался, а взгляд его светился такой лютой ненавистью, что, сумей она обрести реальную силу, испепелила бы любого. Киммериец с усилием выдрал угнездившуюся в камне булаву: сейчас он должен побеспокоиться о том, чтобы монстр не раздавил его на следующем шаге.

Столбы, как неожиданно почудилось человеку, с ошеломляющей скоростью неслись навстречу друг другу. Северянин подобрался, согнул в колене правую ногу, словно и впрямь ожидал чудовищного по силе удара, держась теперь за опору лишь вытянутой вдоль края левой рукой и пальцами правой, на которой висела булава. Когда до идущего к нему столба оставалось не меньше трех локтей, Посланец неожиданно шагнул. Его длинная нога легко преодолела разделявшее противников расстояние, и острые когти впились в камень точно в середине площадки, едва не задев руки варвара.

Одновременно и Конан выбросил согнутую ногу навстречу освобожденной монстром опоре и, когда подошва сапога уперлась в ее край, почти без замаха ударил по ноге Посланца. Удар застал того на полушаге. Совершенно неожиданно каменная плоть чудовища треснула: похоже, он и в самом деле потерял неуязвимость. Монстр словно присел, мгновенно став на локоть ниже ростом, и, оглушительно взревев, повалился в дальнюю от Конана сторону, но попал на поверхность искалеченной

культей и, хоть и не удержался на ней, сумел зацепиться, оказавшись примерно в таком же положении, как незадолго перед этим его противник.

Однако сейчас Конан опережал своего врага на шаг. Он оттолкнулся от приближавшегося столба и одним движением вскочил на площадку. В следующий миг его булава описала стремительный круг и обрушилась на плечо монстра. Тот попытался схватить неприятеля клешней, но было уже поздно. Не выдержав сильного удара, каменная плоть разлетелась, и Посланец, отчаянно ревя, полетел вниз.

Конан стоял, тяжело дыша, не в силах оторвать взгляда от поверженного врага, еще не веря в свою победу. И только когда монстр ударился о багровую поверхность Огненной Реки и брызги темно-коричневой окалины разлетелись в разные стороны, киммериец обессиленно опустился на площадку.

Каменное тело Посланца медленно поплыло вперед. Понемногу он все глубже погружался в раскаленную лаву и непрерывно ревел, но исправить ничего не мог. Его ноги и единственная уцелевшая рука давно уже скрылись в ослепительной вязкой массе, тяжелое тело шло ко дну, и вскоре над лавой торчала лишь голова.

Постепенно дыхание Конана восстановилось. Он встал и, бросив на гибнущего в огне врага последний взгляд, начал продвигаться к ближнему берегу. Всего четыре столба отделяло его от обрыва, и вскоре он ступил на твердую поверхность. Теперь настало время подумать и о себе.

Он отер со лба пот, снял с кисти петлю и бросил булаву на землю. Затем обернулся и замер от

изумления: Посланец, которого он уже считал погибшим, медленно, но верно поднимался вверх, словно кто-то невидимый вытаскивал его из огненной бездны.

Проклятый горбун!

Конан выругался. Как он мог забыть о нем? А впрочем, что бы изменилось? Однако теперь-то что делать? Киммериец посмотрел на раскаленную докрасна фигуру монстра и решительно сдернул с плеча футляр, радуясь, что, несмотря на все перипетии, он не соскользнул и не потерялся. Вот и настал черед Стрел Рока! Или исход поединка еще не предreshен?! Впрочем, какой смысл гадать? Сейчас он все узнает!

Конан вытащил из футляра лук и, уперев один конец в землю, налег на второй здоровым плечом, однако сил не хватало, чтобы надеть на него петлю тетивы. Варвар стиснул зубы и навалился на дугу всем телом.

Ну! Еще немного! Петля послушно легла на место, и Конан подхватил оружие левой рукой. Стрела уперлась оперением в тетиву, и киммериец шагнул к обрывистому краю реки. Как раз в этот миг огненно-рыжая фигура Посланца поднялась над берегом, продолжая набирать высоту. Северянин вскинул оружие и прицелился. Рука привычно потянула за тетиву, и это тысячу раз повторенное прежде движение отозвалось безумной болью. Конан до крови закусил губу и, натянув дугу на всю длину стрелы, отпустил ее, но стрела тупо ткнулась в каменное тело, древко треснуло, и обломки упали вниз. Кром! Так, значит, не все еще

решено?! Борьба не окончена, или... Как он мог забыть! Посланец — не раскаленный истукан, а горбун! Он ведь сам сказал об этом!

В хорошенькую переделку он попал! Он бился с каменным уродом, в то время как настоящий Посланец постоянно находился где-то рядом. Оставаясь не видимым ни для кого, он помогал созданному им монстру и тихонько посмеивался над всеми! Однако было в этом замысле и одно слабое место: задачу Посланца должно было решить его детище.

Только сейчас киммериец до конца осознал это, но легче ему не стало. Он знал, где примерно находится горбун, но не видел его. Конечно, можно было предположить, что тот выше монстра и тянет его вверх, но у Конана осталась всего одна Стрела Рока, а это значит, что промахнуться он не имеет права! Он должен попасть с первого раза. Варвар вскинул лук, и, словно прочитав его мысли, монстр рванулся в сторону и начал быстро перемещаться к берегу озера, за дальним краем которого находился вход к Алтарю.

Киммериец прицелился, ища хоть какой-то намек на то, где прячется горбун. Огромное тело еще не остыло. Раскаленный воздух горячей волной поднимался вверх, клубился неверным маревом, и в его изменчивых струях Конан увидел... Рассуждать не было времени. Превозмогая боль в плече, он натянул тетиву и отправил к цели последнюю стрелу.

Тонкий, исполненный боли крик достиг его слуха в тот миг, когда монстр рухнул вниз. На мгновение Конану показалось, что он различает горбуна, но видение тут же исчезло.

— Будь ты проклят! — услышал он злобное шипение и бросился вперед, туда, где упал каменный урод.

Киммериец выбежал на освещенное ласковым солнечным светом пространство, так похожее на Светлый Мир, — голубая, прозрачная вода небольшого озера, низкий берег, поросший мягкой изумрудной травой. Чуть дальше — Конан знал это — небольшой водопад низвергается со скалы прохладными хрустальными струями, а еще дальше лежит Священная Роща Митры, закрывающая вход в величественный храм, где и покоится Алтарь.

И как же нелепо, как дико выглядела расprostершаяся у самой кромки воды уродливая фигура Посланца! Монстр был жестоко искалечен, и оттого еще более страшно выглядели его попытки, несмотря ни на что, встать и идти вперед. Пройти, проползти на трех изуродованных конечностях к храму, осквернив эту маленькую частицу большого Светлого Мира!

Опираясь на клешню, ревя от ярости и боли, он пытался встать на здоровую ногу, но едва опираясь на вторую, обломанную в голени, как падал, и сочная трава с шипением обугливалась, белоснежное облачко пара взлетало над ним, распространяя запах прелого сена.

Конан взглянул на своего врага и понял, что тварь не остановится, пока он ее не уничтожит, пока не раскрошит в груды щебня, настолько мелкого, что ни одна его частица уже не сможет двигаться.

И, собрав последние силы, киммериец подхватил булаву и бросился на монстра, но, как ни бесшум-

но он ступал, тот слышал его шаги, или... Одним словом, урод почувствовал его приближение и, угрожающе зарычав, встал на колени, широко раздвинул ноги и угрожающе поднял единственную руку.

Конан бежал изо всех сил, хотя на самом деле едва передвигался. Однако и его взгляд горел ненавистью. Он мысленно прикидывал, куда бить, но, когда оказался рядом, едва сумел избежать размашистого удара клешней и тут же нанес ответный удар, пришедшийся в лоб уроду. Тяжелый шар булавы отскочил от каменного лба, не причинив никакого вреда. Впрочем, и Конан остался невредимым. Его лишь обдало жаром, исходившим от раскаленной клешни, хотя она уже и не светилась.

Киммериец понял, что враг все еще способен сопротивляться, а добить его нужно было как можно быстрее: Конан чувствовал, что ему все чаще приходится трясти головой, чтобы прогнать накатывающуюся темноту.

Некоторое время варвар кружился возле противника, пока не осознал, что, когда тот поворачивается к разбитой ноге, движения его становятся менее уверенными. Он начал заходить с этой стороны, пока не очутился по колено в воде озера. Только теперь он понял, что пора наносить удар, и медлить не стал. Однако шипы булавы только чиркнули по каменной руке монстра. И все-таки Конан не остановился, а продолжал наносить удар за ударом.

Монстр, поначалу не делавший лишних движений, начал злиться, все бездумнее размахивая уцелевшей клешней. Киммериец же словно обрел вто-

рое дыхание. Он бил справа и слева, успевая уверачиваться от ответных ударов и совершенно не задумываясь о том, что, когда краткий прилив сил кончится, он окажется совершенно беспомощным.

Так оно и случилось. Тяжелая булава в очередной раз отскочила от головы уроду, и, видя, что столкновения с клешней уже не избежать, Конан загородился своим оружием, как щитом. Чудовищной силы удар пришелся в нее, а Конан едва не лишился руки, когда шип булавы зацепился за клешню и верно служившее ему оружие, словно живое существо, рванулось прочь. На счастье варвара, ремень, накинутый на запястье, лопнул, и булава упала в траву. И тогда киммериец, сам не понимая, что делает, схватил клешню и рванул ее на себя. Ладони ожгло резкой болью, отвратительный запах паленой плоти ударил в ноздри, но киммериец не ослабил хватку, пока враг его не покачнулся и не повалился в озеро. Северянин едва успел отскочить в сторону и бросился за булавой.

Рев чудовища заставил его обернуться как раз вовремя, чтобы увидеть, как клешня с шипением погрузилась в воду и треснула. Монстр мгновенно провалился на локоть, и все повторилось. Однако пара окутало Посланца, Конан подхватил булаву и бросился назад.

Он остервенело бил по покрытому панцирем затылку. Его силы удесятерились, словно все демоны Кура — мрачного царства спящего Нергала — вселились в него, придя на помощь. Шипы крошились под ударами, творение горбуна ревели, сучило задними когтистыми лапами, но ничего

поделать не могло. Каленные шипы булавы с хрустом вгрызались в панцирь, нещадно терзая его, и внезапно рычание оборвалось.

В первое мгновение, когда наступила тишина, Конан просто не понял, что же на самом деле произошло. Простая мысль о том, что он добил-таки своего противника, никак не доходила до него. Грудь киммерийца бешено вздымалась, пот ручьями струился по залитому кровью телу. Он вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха, принялся жадно ловить его широко раскрытым ртом и вдруг замер на полувздохе, когда огромная голова отделилась от тела и с шипением ушла под воду, обдав его горячими брызгами.

Будто замороженный смотрел он, как, упав на дно, уродливая башка медленно распадается на куски. И тут Конан словно обезумел.

— Я убил тебя! Убил тебя, тварь! — закричал он.

Он схватил монстра за ноги и нечеловеческим усилием спихнул его в озеро, но это потребовало от него слишком много сил. В глазах у северянина потемнело, он сделал два неверных шага в сторону и повалился в траву.

Конан лежал на спине, раскинув могучие руки, и ничего не видел и не слышал. Он не видел, как голубая вода сомкнулась над его поверженным врагом. Он не видел, как каменная плоть рассыпалась по дну мелкими осколками. Не видел он и того, как, возникнув прямо из воздуха, на траву рядом с ним опустилась Деркэто, а чуть в стороне от нее замер и сам мрачный Сет, суровое лицо которого осветилось улыбкой, и в ней не

было ни обычной иронии, ни снисходительности, а только искренние радость и участие.

* * *

Деркэто бросилась на бесчувственное тело возлюбленного.

— Не умирай, Конан! — молила она. — Продержись!

Богиня прижалась всем телом к возлюбленному, стиснула его лицо в ладонях, покрывая его поцелуями.

— Эгей, милая! Не время сейчас, — едко усмехнулся Сет. — Поверь, ему не до этого.

Она вскочила и хитро изогнулась, как дикая кошка.

— Дурак! — Голос ее сорвался на визг. — Лучше помоги!

— Как раз об этом я и говорю, — примирительно заметил Сет. — Конана спасать надо, а ты, похоже, решила утопить его в слезах.

— Ну так спасай! — прошипела она, вплотную подойдя к Великому Змею, и глаза ее сверкнули таким неподдельным гневом, что и смельчак испугался бы, но Сет лишь улыбнулся чуть шире прежнего.

— И спасу! — хохотнул он. — Не будь я Повелитель Вечной Ночи!

* * *

Взглянув на недвижного киммерийца, того самого, которого совсем недавно ставила на ноги, старая Гогота только покачала головой. Впрочем,

она сразу взялась за дело: развела огонь в очаге и принялась ходить вдоль стен, припихиваясь и присматриваясь к благоухающему разнотравью, изредка выбирая небольшой пучок, а то и просто веточку и складывая все это в туесок, висевший на поясе. Наконец она удовлетворенно хмыкнула и высыпала его содержимое в закипавшую в большом медном котле воду.

Только после этого она вернулась к распростертому на шкурах варвару, присыпала обмытую рану белым порошком из стеклянной банки и лишь тогда, казалось, заметила двух богов: своего повелителя и свою воспитанницу.

— А вы что тут стоите? — ворчливо пробасила она. Высокий черноволосый мужчина и ослепительно прекрасная женщина попятились, не смея ей перечить, но старуха не успокоилась: — И чтобы больше не приносили мне этого бессмертного покойника!

Деркэто выходила последней, не в силах оторвать влюбленно-разгневанного взгляда от Конана и сновавших вокруг него девиц-рогачек, любимых учениц Гоготы и больших почитательниц раненого киммерийца. В дверях она остановилась и, поймав на себе дерзкий и смешливый взгляд самой беспечной из них, нахмурилась.

— Если хоть одна из вас посмеет липнуть к нему... — грозно начала богиня, но закончить не успела.

— Вон отсюда! — неожиданно густым басом взревела старушка, дверь мгновенно захлопнулась, а девицы довольно захихикали, но тут же умолкли под суровым взглядом наставницы.

* * *

Трое сидели за столом и пили вино. По правде сказать, пили только двое: могучий черноволосый и синеглазый полуголый варвар и почти такой же, как он, высокий и черноволосый, но худощавый, одетый в изысканный бархатный камзол Великий Змей. Третьей была Деркэто, обворожительная внешность и роскошный, хотя и скудный, наряд которой заставлял Сета не опускать взгляд ниже ее шеи, что удавалось ему с немалым трудом. Прекрасная богиня словно и не замечала его мучений, а Конан только посмеивался — про себя. Мудрый же Сет все видел и все примечал, хотя об этом и не догадывались его сотрапезники.

— Ну что ж, Конан, теперь ты наш, — заговорил наконец Сет. — Митра свидетель, хотел бы тебя поздравить, да не могу, — с ухмылкой добавил он.

— Это еще почему? — насторожился киммериец.

— Вот мы сидим сейчас и пьем... — задумчиво начал Отец Тьмы.

— Совсем как люди, — усмехнулся Конан.

— Верно, — скупое улыбку Сет. — Но Деркэто не даст соврать — среди богов нет согласия.

При этих словах Великого Змея спутница Конана кивнула, и тот невольно нахмурился.

— К чему ты клонишь? — спросил он.

— Среди богов нет согласия, — повторил Сет, — а это плохо. Мы с Митрой не сумели помириться даже сейчас, когда речь шла о самом существовании нашего мира. Он лишь согласился не мешать. Я не хочу предлагать тебе никакого союза: ты можешь неверно меня понять. Поживи, присмотришься.

— К чему эти грустные речи сейчас, после победы? — поморщившись, спросила Деркэто.

— У меня нехорошее предчувствие, — мрачно взглянул на нее Сет и залпом осушил свой кубок.

— Сколько помню, — фыркнула богиня, — дурные предчувствия никогда тебя не покидали.

— Мне не дает покоя Ксотли, — помолчав, задумчиво промолвил Сет, — Ты видел мои владения? — Конан сдержанно кивнул. — Значит, понимаешь, что неспроста моя страна представляет собой крепость? — Киммериец согласно хмыкнул, и Великий Змей заговорил опять: — Прежде воины Владыки Страха постоянно тревожили нас, но вот уже почти сотню лет длится затишье, и это меня тревожит, потому что есть два объяснения: или он отказался от своих планов, или...

— Или он почувствовал силу и затаился, выжидая, — закончил за него Конан.

— Верно, — согласился Сет. — И если я прав, то прольется много крови. Но еще страшнее, если прав ты и горбун остался жив. Если так, он попытается отомстить. Союз с Ксотли — как раз то, что ему нужно. И крови прольется еще больше...

Конан задумчиво усмехнулся. Похоже, будущее готовило им всем еще немало тяжких испытаний.

— Ну что же, — решительно промолвил наконец северянин. — Если так — мы встретим его во всеоружии! Отступить я не привык!

СОДЕРЖАНИЕ

Уильям Гордон

ГЛАЗ ПАВЛИНА

Пролог	7
Глава первая	15
Глава вторая	33
Глава третья	61
Глава четвертая	83
Глава пятая	109
Глава шестая	137

Морис Делез

ПОСЛАННИК СВЕТА

Глава первая	167
Глава вторая	249
Глава третья	309
Глава четвертая	363

Литературно-художественное издание

КОНАН И ПОСЛАННИК СВЕТА

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художники *Кирилл Рожков,*
Владислав Асадуллин
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Анны Новиковой*
Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.05.99.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать высокая
с ФПФ. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 11 000 экз. Заказ 3106.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

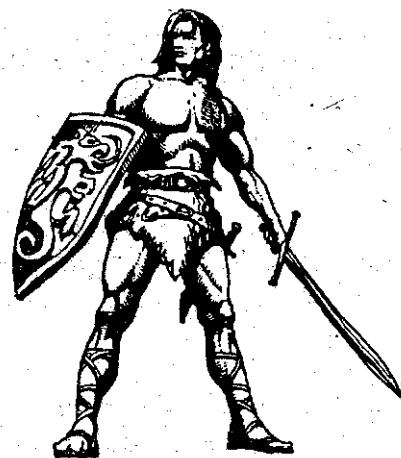
Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

«САГА О КОНАНЕ»

по адресу:
197046 Санкт-Петербург,
а/я 771

или по электронной почте:
sevzap@info.pro.spb.su

«Северо-Запад»®

В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»

ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
18. Конан и бич Нергала
19. Конан и город плененных душ
20. Конан и Источник Судеб
21. Конан и сердце Аримана
22. Конан и Багровое Око
23. Конан и призраки прошлого
24. Конан и воинство мрака
25. Конан, варвар из Киммерии
26. Конан и Рыжий Ястреб

•Северо-Запад®

27. Конан и пленники бездны
28. Конан и заговор теней
29. Конан и копье Крома
30. Конан и врата вечности
31. Конан и алмазный лабиринт
32. Конан и расколотый идол
33. Конан и чаша бессмертия
34. Конан и ледяной страж
35. Конан и торговцы грезами
36. Конан и алтарь победы
37. Конан и битва бессмертных
38. Конан и пожиратели плоти
39. Конан и Берег проклятых
40. Конан и оковы безмолвия
41. Конан и Владычица Небес
42. Конан и Древо Миров
43. Конан и кольцо власти
44. Конан и зов Древних
45. Конан и пророк Тьмы
46. Конан и гнев Сета
47. Конан и Храм Ночи
48. Конан и король воров
49. Конан и подземный огонь
50. Конан и мятеж четырех
51. Конан и клеймо Змея
52. Конан и Хозяин Океана
54. Конан и Посланник Света

•Северо-Запад®

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

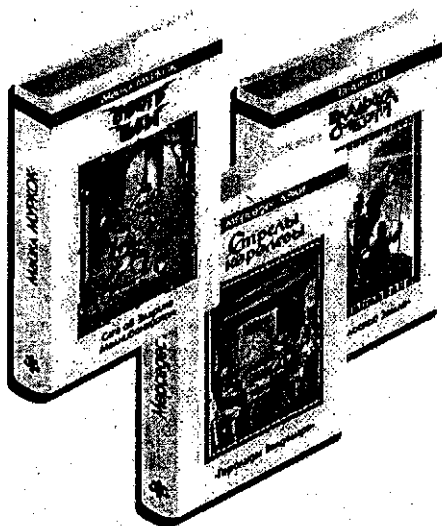
- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •
- Брат бури •
- Молчание идола •
- Коготь дракона •

*****fantasy*****

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
 ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
 И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
 ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
 НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
 РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
 ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
 В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
 ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
 ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
 НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
 ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
 КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
 КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЭЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
 ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
 И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
 НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
 ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

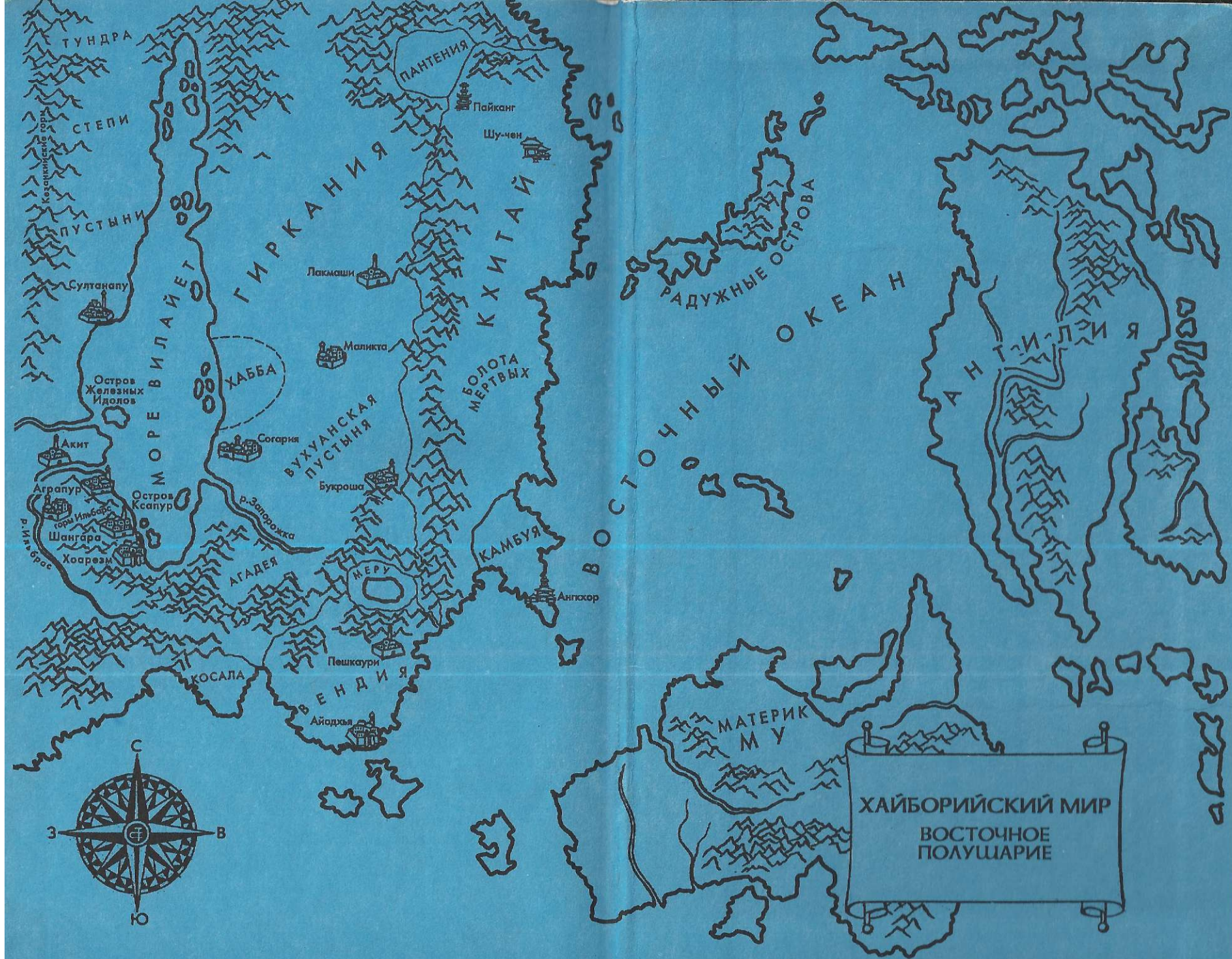
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
- 107140, г. Москва, а/я 140

ISBN 5-87365-064-0

9 785873 165064